

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

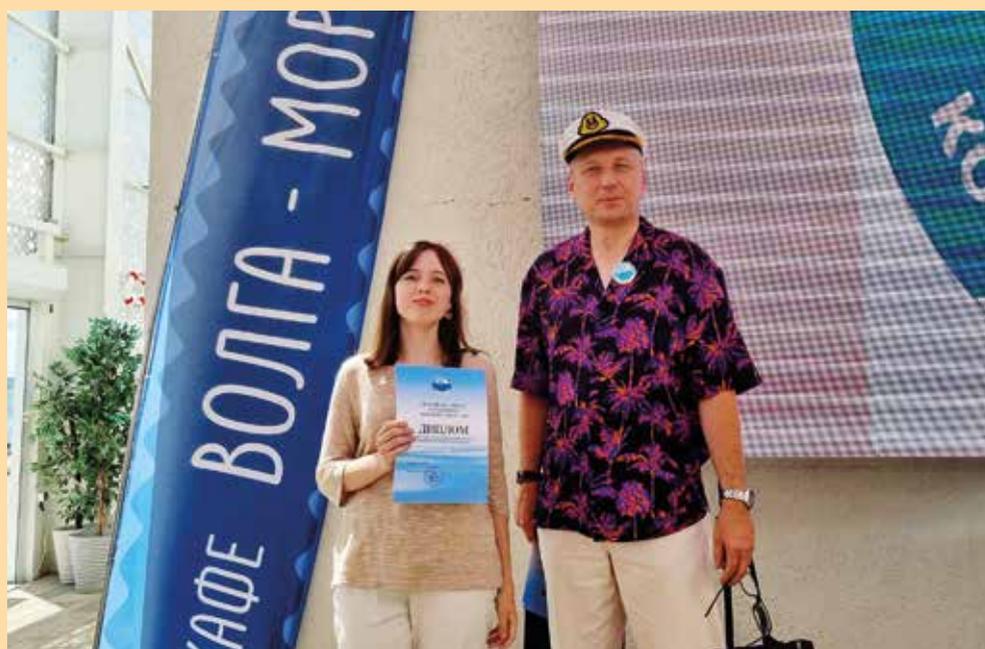
ВОЛГА

№ 4 2024

Литературно-художественный журнал

16+

Фестиваль романтиков «Корабли Санди»
Фото Ольги Космаковой

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 4 2024

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2024

№ 4 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валентин НЕРВИН. Мы не одни	3
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Вячеслав АРХАНГЕЛЬСКИЙ. О смыслах	8
ПОЭТОГРАД	
Сергей МИРОНОВ. Дом из камыша	15
ОТРАЖЕНИЯ	
Евгений МИРМОВИЧ. Одинаковые пули	20
ПОЭТОГРАД	
Галина ТАЛАНОВА. Черёмуховый запах	27
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей СОЛониЦЫН. Возьми моё сердце (<i>Начало</i>)	34
ПОЭТОГРАД	
Наталья ДЖУРОВИЧ. Лучшее, Светлое, Вечное...	79
ОТРАЖЕНИЯ	
Александр РАЛОТ. Трагедия острова Парамушир	83
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Татьяна ЦОЙ. Я напишу хорошие стихи	88
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей КУРЕНЁВ. Боль и время	93
ПОЭТОГРАД	
Ксения ПРАВИКОВА. В поезде, идущем домой	95
ОТРАЖЕНИЯ	
Анастасия ВАСИЛЬЕВА. Фридуца-хохотушка	99
ИНТЕРВЬЮ	
Путешествие из Молвотиц в Москву, или В жизни всегда есть место книге	111
ПОЭТОГРАД	
Надежда ЕГОРОВА. Куст сиреневый	118
ОТРАЖЕНИЯ	
Михаил ГОЛЬДРЕЕР. Записки чревоугодника	122
ПОЭТОГРАД	
Ольга КОСМАКОВА. По эту сторону окна	142
Татьяна ЛАНИНА. За полчаса до ласковой весны	144
СТАТЬИ	
Андрей РУМЯНЦЕВ. «Правда безусловная и честная...»	149
ЭССЕ	
Александр БАЛТИН. Вселенная Андрея Платонова	162
РЕЦЕНЗИИ	
Елизавета МАРТЫНОВА. Мир, в котором есть надежда	166
Пейзаж души	167
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Иван МАЛЫШЕВ. Записки старого саратовца (<i>Продолжение</i>)	169
СОБЫТИЕ	
Татьяна КРЫЛОВА. Дневник мерзавца	185
Мистерия бессмертия	187
Ольга КОСМАКОВА. В нашу гавань заходили «Корабли»	189

Ничто не может превозмочь
стремления к высокой цели:
звезда, и дерево, и ночь
стоят у детской колыбели.

Ребёнок разомкнул уста,
и наши звёзды полетели
от колыбели до креста
и от креста до колыбели.

Я жил сомнительно и слепо –
дороги побоку вели,
но молния упала с неба,
а тишина – из-под земли.
Я понял это напоследок
и видел молнию во сне,
когда потомок мой и предок
ещё не умерли во мне.
Выходит, есть на свете сила
помимо кровного родства,
которая провозгласила
свои наследные права.

Деревья никогда не спят,
и – во саду ли, в огороде –
чуть ветер – листья шелестят
по человеческой природе.
Есть заповедная страна,
где все по-своему не правы,
но помнят наши имена
деревья, облака и травы.
Они живут накоротке,
чужую память опекая
и поминутно окликаая
на шелестящем языке.

Когда мы отправимся в царство теней,
которые свет охраняют,
окажется, что ни друзей, ни коней
на этом пути не меняют:
никто не умрёт, никого не убьют,
красивые лошади скачут,
живые друзья на застолье поют
и русские женщины плачут.

Жизнь устаканилась, и понемногу
определилось её существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.
Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей, незнакомых почти.
Вон рыбак у причала шаманит,
я подойду, за спиной постою;
он обернётся и запросто глянет
с облака в самую душу мою.

БЕЗДЕЛУШКА

В обыкновенной квартире
есть безделушка одна:
ангел играет на лире –
грош без копейки цена.
Купленный на барахолке
в годы больной нищеты,
он притулился на полке
выше мирской суеты.
Выше хулы и злословья
каждую ночь напролёт
у моего изголовья
вольная лира поёт.
Только свободное небо
запросто делит со мной
малую часть ширпотреба
в этой квартире земной.

Всё поправимо, кроме одного,
чему не научили в комсомоле:
из тех, кого теряю поневоле,
я не могу окликнуть никого.
Перечисляю всех по именам,
но слово распадается на звуки,
и ветер галактической разлуки
разносит их по снам и временам.
Бог принимает нас как таковых,
не глядя на фамилии и даты,
не персонифицируя утраты,
как принято на свете у живых.

По одной из лунных траекторий,
как и все, через немного лет,
уходя без лишних аллегорий,
погашу невыгоревший свет.
Там, где оседает позолота
на седые лунные холмы,
сколько и кому платить по счёту
самоутверждающейся тьмы?
Если время ходит по спирали,
а спираль раскручена во мгле,
то выходишь к свету. Но едва ли
по пути, ведущему к Земле.

В угаре любви,
в апогее застолий,
на позднем параде остывших планет
я вдруг понимаю, что Божьею волей
от жизни уйду,
а от вечности – нет.
Случается то,
что не может случиться
на этой планете, и, как ни крути,
живая душа безотчётно стучится
в Господние двери
на Млечном Пути.

УДАЧА

Никого ничем не попрекая,
наконец увидел наяву,
почему судьба моя такая
и благодаря чему живу.
Слава Богу, что не позабыли
феи, серафимы, соловьи,
женщины, которые любили,
и друзья хорошие мои.
Слава Богу, в лучшие мгновенья
честно удаётся заслужить
пониманье и благоволенье
тех, что жили или будут жить.
Люди!
Пожелайте мне удачи
в самом очевидном и простом:
чтобы видеть так, а не иначе –
и на этом свете,
и на том.

В ДОРОГЕ

Природа на золото не мелочилась,
на музыку тоже; да что говорить! –
такая прекрасная осень случилась,
и как же за это не благодарить?
Опавшие листья летят за машиной,
а память моя за годами летит,
и чудятся за придорожной крушиной
воздушные замки моих Атлантис.
И музыка в них на закате играет,
и женщины там без печали поют,
а дети гербарий любви собирают –
осенней листве умереть не дают.
Я так благодарен судьбе и природе
за эти недолгие тёплые дни!..
Зима на пороге,
душа на свободе,
а люди в дороге.
Но мы не одни.

**Вячеслав
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

О СМЫСЛАХ

Чем шире смысл, тем менее он постижим.

Виктор Франкл

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Приводимые ниже рассуждения ни в коем случае не претендуют на однозначное их принятие. Они – только попытка прояснить и объяснить суть тех цитат, что предшествуют основному тексту, прежде всего для себя.

Прошу не судить строго мои высказывания относительно канонов православной веры, ибо во многих вопросах ещё и сам до конца не разобрался, но искренне, от всего сердца, от всей души желаю добиться этого. Да по-другому и быть не может, если учесть, что большая часть жизни прошла в атеистическом обществе. Перейти к искренней вере, поиску истинного смысла нашей жизни – задача непростая. И каждый здесь идёт своим путём, порой весьма извилистым и трудным.

Но если кому-то из читателей мои размышления покажутся заслуживающими внимания, то автор будет считать свою работу ненепрасной.

I

*Задаваться вопросом о смысле жизни –
значит быть религиозным.
Верить в Бога – значит видеть,
что жизнь имеет смысл.*

Людвиг Витгенштейн

Это утверждение безусловно, и оспаривать его никто не будет, ведь по-другому просто быть не может. Господь даро-

-
- Вячеслав Николаевич Архангельский родился в 1951 году в г. Мелекесе Ульяновской области. После окончания средней школы служил в армии, окончил отделение истории искусств Уральского государственного университета, занимался предпринимательством, курировал развитие малого и среднего бизнеса в администрации Екатеринбурга. Кандидат экономических наук. Печатался в журналах «Урал», «Волга-XXI век». Живёт в Екатеринбурге.

вал нам жизнь и населил эту землю, Им же для нас созданную. Каков был Божественный замысел – мы не знаем, да и не узнаем никогда. Познать и понять величие Его замысла нам, смертным, не дано, как бы мы ни тщились.

Но раз Он это сделал, значит, и в нашем появлении на свет есть определённый, раз и навсегда заданный смысл. И потому, как бы и кто бы ни явился когда-либо на белый свет, у каждого есть своя задача и свой смысл существования. Если хорошо подумать, то у любого из живущих людей обязательно случится или уже произошёл один или несколько моментов, которыми можно гордиться, когда они проявили лучшие свои качества или сделали доброе дело.

Наверняка даже у самых отъявленных злодеев, если сильно постараться, можно таковые найти, пусть это и было в раннем детстве. Верится, что именно для таких вот высших проявлений и пришёл в этот мир человек и смысл всей его жизни был изначально заложен Господом для проявления всего самого лучшего, доброго, светлого, начатки чего можно найти практически у любого человека, тем более верующего, а тем паче православного. Ведь мы – на светлой стороне – правильно славим Господа, стараемся не отступать от Его заповедей, молимся и верим в грядущее Божественное пришествие – вот истинный смысл жизни. И только Создатель может судить людей и указывать на все их прегрешения и проступки, совершённые за время земного существования, ибо они противоречат Его начальному замыслу. И потому некоторые люди зачастую проживают отмеренный им срок бессмысленно, впустую.

Кто-то сказал коротко, но ёмко: «Смысл жизни – в самой жизни», со всеми её радостями и горестями, взлётами и падениями, со всеми болями и страданиями, но и с наслаждениями, пусть редкими, но дарованными нам свыше в утешение.

Иногда, увидев нечто изумительное – то ли прекрасный пейзаж за окном, то ли прелесть и грацию молодости, – думаешь: «А ведь это божественный подарок – никак не иначе!»

Вот примерно так я и подумал, стоя на берегу озера Иссык-Куль – этого бирюзового чуда в обрамлении искрящихся на солнце снежных горных вершин, под прозрачно-голубым небесным куполом. «За что только Господь подарил нам, недостойным, такую красоту?!» И сам себе мысленно отвечал: «Так этот подарок дан людям для того, чтобы уже здесь, в этом мире, могли хотя бы отдалённо представить то, что ждёт их в Царствии Небесном...»

Наверняка почти каждый может вспомнить нечто подобное – увиденное и поразившее до глубины души явление, запавшее в сердце как самое драгоценное воспоминание. Неслучайно люди говорят о таких мгновениях: «Умирать буду – вспомню!» Конечно, подразумевая под этим только всё хорошее, доброе и неповторимое. Именно в такой момент человек наконец поймёт, что главный смысл его жизни – в радости. Кто-то, быть может, вспомнит свою первую любовь и те мгновения головокружительного счастья, что она подарила.

А когда радуемся мы, то вместе с нами радуется и наш Создатель. Он видит, что изначальный замысел удался – человек воспарил над мирской суетой, возвысился духом, отринув от себя все заботы и неурядицы, забыл про все свои горести и немощи.

В такие мгновения человек просветляется, становится мудрее, сильнее, красивее, чем обычно. Порой даже самые неприятные люди начинают

излучать добрую, какую-то лучезарную энергию – лица светятся, а радость и улыбка делают их по-настоящему красивыми.

Вот именно для таких моментов мы и живём.

II

*Весь смысл жизни только в том, чтобы любить Бога,
чтобы любить ближнего и чтобы всё творилось
во имя этой любви.*

Митрополит Антоний Сурожский

Как нельзя к месту звучат сегодня эти слова. Надо любить, а не осуждать или раздражаться на ближнего, да и на любого другого человека. Но не всегда получается, ибо любовь – это и труд, и терпение, и прощение, и ограничение собственного эгоизма и своих желаний. Любить – значит действовать, что-то доброе каждодневно делать на пользу близких, помогая или заботясь о них, на пользу другим людям – просвещая их, подвигая на добрые начинания.

Нельзя, просто невозможно заставить любить помимо воли самого человека, а вот недовольство, неприязнь поселяются в душе и сердце с лёгкостью, съедая любого из нас изнутри. Особенно когда старые и новые обиды сплетаются в мерзкий клубок, будто змеи в брачный период, чтобы плодить и дальше всё более жуткие картины непонимания, жёлчной зависти – и так до бесконечности.

И если человек не остановит себя, не запретит себе то и дело вспоминать причинённые ему неприятности, то никогда не сможет посмотреть на обидчика открытым, светлым взором и простить все его прегрешения, чтобы просто любить, не оглядываясь на прошлое.

Любить – это умение простить и прощать, быть великодушным и не гнаться на других за их слабости, понимать, что далеко не каждый может переступить через свою боль или гордыню, обиду или недовольство и забыть все огорчения, если они когда-то случились.

Но слаб человек: проще дать волю своему раздражению, нежели попытаться его приглушить, а то и вовсе от него, пусть не сразу, но навсегда избавиться. А для этого, как сказал поэт, «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

Даже самые надоевшие обыденные дела: хождение в магазин и аптеку, уборка дома и приготовление пищи – всё должно делаться ради любви к своим ближним. Ведь для себя любому человеку и делать-то ничего не хочется, можно довольствоваться малым, а вот для других, наоборот, появляется стремление сделать как лучше, чтобы они увидели и поняли, что всё свершается не по принуждению или привычке, а потому, что по-другому вы не можете, ибо бескорыстно и преданно любите их.

В основе здравого смысла лежит выгода. В основе Евангелия – любовь.

Это крылатое выражение когда-то высказал один из мудрых старцев. Священное писание о Боге – о любви всеобъемлющей, всепоглощающей и всепобеждающей. А вот с тем, что в основе здравого смысла – выгода, не соглашусь, потому как далеко не всегда это так.

Здравый смысл – это здравомыслие, добрые дела и поступки, ведь без осознания их нужности и полезности просто нет никакого смысла ими зани-

маться. А выгода – она может быть, а можно её и не получить. Самое главное – какие цели изначально ставит перед собой здравомыслящий человек, что он видит в итоге: кучу денег, славу, общественное признание – статус, ранг, чины или звания. Если так, то тогда ясно – это прямая выгода, а вот когда здравый смысл диктует, как найти безопасный и быстрый путь, снять риски для более быстрого достижения какой-то особо важной и необходимой людям цели, то здравомыслие вполне оправдано, даже насущно необходимо. Ведь очертя голову, без раздумий бросаться, как в омут с головой, в самый эпицентр бурлящих проблем – это зачастую приводит лишь к усугублению и без того сложной ситуации.

И какая тогда будет выгода, если при подобных бездумных метаниях человек просто-напросто наломает дров, натворит глупостей, а то и свернёт себе шею? Сохранив себя, он, по крайней мере, сможет потом добиться чего-то, и не только (и не столько) для себя. По большому счёту, всё, чем мы занимаемся на работе или дома, мы делаем, прежде всего, для других людей.

Даже в самом слове «выгода» на поверку нельзя обнаружить ничего предосудительного – всё зависит от тех смыслов, которые мы в него вкладываем. Если присутствует и явно проявляется выгода для многих, то это уже – благо. А вот когда используешь полученные преимущества исключительно для себя любимого, удовлетворения своих прихотей и амбиций, то тогда, конечно, здравый смысл тут равнозначен расчёту, точной выверенности ориентиров, на которые надо направить свои силы и энергию.

Попутно замечу, что подобные категоричные выводы и однозначные толкования, претендующие на истину «в первой инстанции», почти всегда страдают односторонностью, они не дают человеку простора для собственных умозаключений и выводов, сомнений и толкований, выдавая «на-гора» готовый рецепт на все времена.

III

Смысл жизни нельзя выдумать, его надо открыть.

Смысл нужно найти, но нельзя создать.

Смысл не только есть, но и может быть найден.

Виктор Франкл

Основной рефрен этих трёх фраз: смысл надо найти и открыть, но как? Вот об этом никто не говорит. А где его искать и в чём?

В повседневности всё просто и понятно: поддерживать существование своей телесной оболочки – пища, одежда, кров, а для пожилых и болящих к этому добавляются ещё и жизненно необходимые лекарства. А дальше – как получится, когда удовлетворены основные потребности, можно позволить себе и порассуждать о смыслах, помечтать, строить планы и даже пофантазировать.

Совсем неслучайно большинство мыслителей, деятелей литературы и искусства были представителями состоятельного сословия, ведь им, за редким исключением, не надо было «денно и ночью» зарабатывать на кусок хлеба и похлёбку. Потому, имея массу свободного времени, они – интеллектуальная элита – начинали искать (каждый в своей сфере) новые смыслы и находили. Появлялись передовые идеи и учения о переустройстве общества, писались трактаты и книги по философии. Но как же это всё было

далеко от основной массы современников, их интересов и забот! Многие до сих пор недоумевают: а зачем это нужно? И делают для себя всего один, но простой вывод: «Баре с жиру бесятся, от безделья маются – вот и придумывают разные теории «о том, как им обустроить Россию».

А сейчас досужие политехнологи буквально носом землю роют в поисках «национальной идеи», хотя, казалось бы, что её искать – она была и есть одна, всегда на виду. Как пелось в одной советской песне: «Была бы только Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего!» И выдумывать ничего не надо, осталось оформить в виде доходчивого всем и вся лозунга. Вспомните большевиков: «Фабрики – рабочим!», «Землю – крестьянам!», «Мир – народам!», «Хлеб – голодным!» Гениально и просто!

Вот потому они победили и пришли к власти. А что теперь могут придумать высоколобые мыслители и предложить народу? Так, что-то по мелочи. Не способны они додуматься, найти и предложить разношерстному и атомизированному современному российскому обществу простые и понятные смыслы. Кишка тонка! Да и кому сейчас под силу такое? Теперь у каждого своё видение будущего, свои планы, а значит – свои смыслы. Пояснять эту очевидную истину – только бумагу марать, бесполезно.

Скажут: а сам-то что предложишь?

И предложу: из всего того, что может объединить наше общество, на первое место поставлю мир, и в том контексте, который мы привыкли слышать раньше: мир во всём мире. Учитывая всегдашнее к тому стремление, следующим «нашим всё» назову справедливость. И только потом – достойное существование и то, что мы под этим подразумеваем: хорошо оплачиваемый труд, качественное жильё, доступные образование и медицина.

И тогда главный лозунг современности будет звучать так: «Мир, справедливость и достойную жизнь – всем людям!» А всё остальное – от лукавого.

Итак, мы нашли основные постулаты смысла жизни и даже попытались сформулировать, а теперь, по логике, надо его открыть. Что же это означает в данном случае? Да всё просто: объяснить всем и каждому, явить его обществу во всей полноте и значимости и посмотреть, как это люди примут. Нужны ли будут им в таком виде эти самые смыслы или отмахнутся от них и предложат свои, пострадавшие, исходя из каких-то семейных, клановых или корпоративных интересов и соображений.

Мир, конечно, весьма разнообразен, и потому проще говорить об одной стране – своей родной. Думаю и надеюсь, что большинству наших соотечественников предложенные здесь смыслы будут понятны и приняты ими, только порядок их может быть немного иной. Но без мирной жизни говорить о благополучии и справедливости не приходится. Особенно сейчас, когда то тут, то там вспыхивают всё новые конфликты и войны, когда повсеместно попираются основные права и главное из них – право на жизнь.

Потом можно требовать и справедливости, поисками которой мы, русские, занимаемся уже на протяжении всей нашей тысячелетней истории. Многие уже давно разуверились в том, что она есть на этом свете. А как можно говорить о достойном существовании, когда миллионы людей живут в долги, набрав займов и кредитов, которые не могут выплатить, объявляют себя банкротами, теряют работу, не имея средств на самое необходимое, снова влезают в долги – и это нынешняя суровая реальность.

Но верить в то, что в один прекрасный момент справедливость всё же восторжествует, никто нам не запретит. И эта надежда придаёт нашему суетному житью-бытью особый и высокий смысл.

IV

*Человек способен найти смысл в своей жизни
абсолютно независимо от пола,
возраста, образования, характера,
окружения или конфессии.*

Виктор Франкл

Начну с последнего, ибо только вера в Бога наполняет истинным смыслом жизнь человека, независимо от всех качеств, перечисленных выше. Здесь уместно будет напомнить о том, с чего были начаты эти заметки: с утверждения философа Витгенштейна: «Верить в Бога значит видеть, что жизнь имеет смысл». Этот мыслитель постоянно призывал о сложном говорить простым языком, и его высказывание – яркое тому свидетельство.

Из истории религии мы знаем, что у верующих любой конфессии наличествуют свои смыслы о том, что бы они хотели видеть на том свете, хотя в большинстве своём мнения сходятся на том, что это жизнь вечная – она и есть истинный и конечный смысл всего земного существования. Одни веруют в воскресение умерших и небесное царство, другие после смерти видят себя перенесёнными в райские сады и кущи, где их ждут вечное блаженство и наслаждение, чего многие были лишены в земной жизни. А третьи верят в бессмертие души и её переселение во что-то живое – птицу, бабочку, цветок или зверя. Сколько народов, столько и верований.

Именно конечная цель, какой бы различной она ни представлялась, и есть единственный смысл жизни верующего человека. Бесспорно одно – можно долго рассуждать и дискутировать о различном видении этого смысла у больной старушки и полного сил атлета, у светила науки и неграмотного крестьянина. Но, опуская все их внешние различия в статусе, каждый в итоге видит смысл жизни, как на земле, так и на небесах, в более счастливой судьбе, чем выпала на его долю, в получении того, чего не удалось получить, а очень хотелось.

Самый простой и близкий пример – сказка «Волшебник изумрудного города»: Пугалу, с набитой соломой головой, не хватало ума, а Железный Дровосек жаждал получить живое, бьющееся в груди сердце... Так и нам, грешным, требуется что-то осязаемое, материальное, не в смысле вещественное, но вполне ощутимое: голодному – поесть хоть раз досыта; трудяге, всю жизнь тянушему лямку на тяжёлой подневольной работе, – насладиться отдыхом; интеллектуал жаждет признания своего таланта; военный – побед и наград, политик – почестей и славы, женщины – нескончаемой молодости, красоты и обожания, старики – избавления от немощей и болезней. Дети хотят побыстрее вырасти, чтобы стать космонавтами, банкирами, врачами или учёными. Молодёжь стремится получить престижное образование, сделать карьеру, заработать много денег, стать знаменитыми...

При этом важно осознавать, что все перечисленные цели придают жизни этих людей особую значимость, заставляют двигаться вперёд, преодолевать всяческие преграды, терпеть неудачи, разочарования и ни на миг не останавливаться, понимая, что игра стоит свеч.

Благая цель при этом должна достигаться только гуманными методами, такими, что не доставляют другим людям никаких неприятностей и никоим образом не ограничивают их свободу. Хотя в обыденной жизни люди порой не гнушаются самыми неприятными, а то и нечестными способами самоутверждения.

В детстве некоторые обижают или даже бьют тех, кто помладше и послабее; будучи подростками, ввязываются в конфликты и драки, грубят родителям и сквернословят, став постарше, не жалеют никого, не прощают даже мелкие обиды, превращаются в законченных эгоистов, видящих только себя и свою выгоду. И совершенно правильно кто-то сказал, что у подобных людей, коих великое множество, смысл жизни не в любви, а в неукротимом стремлении ко всё той же выгоде.

Уменьшение любви, её искренних проявлений сейчас особенно заметно – люди ожесточились в борьбе за существование, считая, что все средства хороши для получения преимуществ лично для себя. О какой любви тут можно говорить, если у некоторых особей напрочь отсутствует не то что способность к состраданию или сопереживанию, а даже обычная жалость или сочувствие к более слабому, сирому, менее успешному или серьёзно больному человеку.

В заключение ещё раз хочется сказать, что только истинная вера в Справедливость, Добро, Любовь, а значит – в Господа Бога может остановить человека в его эгоистичном существовании и саморазрушении своей души, ожесточении сердца, очерствении всего существа – того, что сейчас мы видим сплошь и рядом. И это ещё потому, что по-настоящему верующих у нас в стране пока немного.

Но очень важно помнить, что выход есть для каждого, ибо, как сказал мудрый проповедник митрополит Антоний Сурожский: надо любить Бога, любить ближнего, чтобы всё, что мы делаем в нашей жизни, творилось именно и только во имя этой Любви!

**Сергей
МИРОНОВ**

ДОМ ИЗ КАМЫША

Вот так и будет моросить,
Повсюду сыпать колкой пылью.
Дорог извилистых курсив
Порос густой осенней былью.

В шероховатом буднем дне
На непрочитанной странице
Воспоминаний тонкий нерв
Вплетён в сюжет. Тебе не спится.

Как будто был и этот дождь,
И эти капли по карнизу
Стучали так, что не поймёшь,
Чем занят был сосед твой снизу,

В какую канули дыру
Водой размытые сомненья.
И ливень гнал метлой в нору
Опавших листьев привиденья.

-
- Сергей Юрьевич Миронов родился в 1970 году в Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в газете «Вечерний Петербург». Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Волга» (Саратов), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Белая скала» (Симферополь), «Ротонда» (Киров), «Традиции и авангард», «Царицын» (Волгоград), «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск), «Отчий край» (Волгоград), «Литературные знакомства», «Новая Немига литературная» (Минск), «Краснодар литературный», «Подъём» (Воронеж), «Приокские зори» (Тула), «Иртыш-Омь» (Омск), «Звонница» (Белгород), в литературных альманахах и сборниках. Участник многих литературных конкурсов. Победитель литературного конкурса «Золотая Роза» им. Паустовского, лауреат 7-й премии имени А. Куприна, Всероссийской литературной премии имени Игнатия Рождественского, всероссийской поэтической премии «От фонаря», премии журнала «Отчий край» (Волгоград) за 2022 год. Автор поэтических книг «Отзвук летней непогоды» и «Межсезонье», прозаической книги «Пагубная страсть». Автор ряда интервью с художниками и коллекционерами ленинградского андеграунда. Живёт и работает в Калининграде.

Мокнут бархатцы тёплого лета
У кафе под вечерним дождём.
Мы застряли с тобой, видно, где-то
Между августом и сентябрём.

Смотрим вслед улетающим птицам
С белых дюн. За еловой грядой
Утопает в лесу госграница,
И по краю идём мы с тобой,

По привычному шаткому краю,
За которым бушует волна,
И в воде кромка пляжа петляет.
И живёт беспокойно страна

В ожидании осени пресной,
Погружённых в забвенье надежд.
Там, за гранью печали окрестной,
Ветер чист, воздух лёгок и свеж.

И летят лебединые стаи
Над каскадами глянцевых крыш.
И идём мы, идём мы по краю
Дюн сыпучих в бездонную тишь.

А ты всё ждёшь погожих дней,
Мгновений радостных у моря,
Блестящих белых кораблей
На ветром сдобренном просторе.

Один выходишь на причал.
За лентой тонкой горизонта
Застывший сон небесных чар
Исполнен в технике офорта.

И гравирован на песке
Твой силуэт циклон балтийский,
А ты всё ждёшь, когда в руке
Янтарь прохладный утром стиснешь,

Найдёшь его среди коряг,
В пропахшей солью вязкой тине,
В которой празднично горят
Смолы песчинки, будто иней.

ЗОЛОТАРНИК

Безмятежное небо плывёт над тобой.
Ты лежишь в невысокой траве.
Не убитый, не раненый. Дышишь, живой.
Слышишь бабочек трепет в листве.

О тебе в этот час и не вспомнит никто,
Ибо каждого помнить нельзя.
В ровном поле дрожит золотистый цветок,
Будто к осени ранней озяб.

Он хозяин дорог, заметённых песком,
В бездорожье нетронутый скарб.
Для тебя это поле за редким леском,
Где один, как упавший Икар,

Дремлешь ты, расставаясь с непрожитым днём,
От которого нет и следа,
Под нетронутым жёлто-зелёным шатром,
Уходящим в осеннюю даль.

Всё та же улица, ларёк
С утра окутан знойным жаром.
Берёшь самсу и тёплый сок,
И дождь стучит, как божья кара,
По крышам утренних домов,
По стёртым улицам булыжным.
Уходит жизни узкий мол
В туман, повисший неподвижно
Над затаившейся рекой
У непокорного собора,
Где ты не раз своей рукой
Топил в воде забвенья ворох
И воскрешал из пустоты,
Из крошек стены городские,
И золочёные кресты,
Как судьбы смятые людские,
Блестели, реяли впотьмах
Над кучевыми облаками,
И видел ты огни в домах,
И свет, неистовый местами,
Скользил по старой мостовой
Вдоль эпитафий, посечённых
Ветрами зим и прошлых войн,
Жил в кирпичах пурпурно-чёрных.

Ты любишь серые тона,
Дождей косые пиктограммы.
Ты смотришь утром из окна
На перекрёсток многогранный,
Где под потоками воды
Асфальт темнеет обречённо
И под каштаном молодым
Стоит ларёк под крышей чёрной.
Из оцинкованной трубы
Дымок густой несмело валит.
Ты ловишь в промельках судьбы
Едва заметные детали,
Как этот дождь и ветра вой
В транзитной арке подворотни,
И шлейф гардины за спиной
Теснит тебя в объятых плотных.

Построй мне дом из камыша
Вдали от пристаней картонных.
Повесь под крышей жёлтый шар –
То будет солнце для влюблённых.

Я нарисую на полу
Букет цветов замысловатых,
Зелёным заштрихую луг,
Пущу овец пастись крылатых.

За ними пёс сторожевой,
Играясь, пустится в погоню,
И улетят они за мной,
Оставив прошлое в загоне.

Я буду добрым пастухом,
Владельцем дум молодого стада.
Твой камышовый лёгкий дом –
Такая прочная отрада,

Что вряд ли сдвинешь ты его
И никогда не перестроишь.
Овец наивных хоровод
Ты плёткой в стойло не загоишь.

Вернёшься в поле на заре
С сумой и флейтой деревянной.
Пасётся стадо на горе,
И пёс бежит к тебе желанный.

Картина в тёмном интерьере,
В ветвистой патине багет.
Открыты в зал из спальни двери.
Тебя как будто в доме нет.

Есть шорох ветра на балконе,
Обложки книжной перелив.
В углу на сгорбленной иконе
Лик Серафима молчалив.

Молчишь и ты. Бормочут краски,
Плывут слоями, как слеза.
Сказать бы что-то, но напрасно
Ворвёшься словом в тот пейзаж.

С холста едва, неповторимо
Течёт рекой притихший звон.
Перстом небесным Серафима
На жизнь ты с ним благословлён.

**Евгений
МИРМОВИЧ**

ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ

Полусгнившая жёлтая маршрутка, пахнувшая грязной ветошью и соляжкой, тряхнула кузовом и завелась, подрагивая под мерный рокот неубиваемого японского дизеля.

– До города доеду? – спросил я, открыв переднюю дверь кабины.

– Конечно, доедешь, мой дорогой, садись, – ответил бородастый брюнет с лёгкой проседью в густых волосах и добродушной улыбкой.

Пока я рылся в бумажнике, оплачивая проезд, маршрутка пополнилась ещё несколькими пассажирами, и мы поехали.

За окнами понеслись вереницы тёмно-зелёных кипарисов, маленькие покосившиеся домики, утопающие в зарослях винограда, а вдалеке, за холмами, виднелись заснеженные вершины гор, сияющие на фоне прозрачного синего неба.

Бородастый водитель бесцеремонно курил в кабине и оживлённо разговаривал по телефону. Всё существо его изнемогало от потребности жестиковать. Руки были заняты, и, чтобы выпустить эмоции, он раскачивал головой, добавляя к своей речи восклицания, которым каждый раз придавал разный оттенок.

Его протяжное «ай» то имело характер возмущения, то радости, то сожаления.

– Гоча, возьми за проезд, – послышалось из салона.

Водитель протянул назад руку с телефоном, и свободным пальцем подхватил протянутую ему купюру.

– Тебе у больницы остановить? – спросил Гоча, не оборачиваясь.

– Да, к дяде Артуру еду, – ответил голос.

– Скажи ему, пусть перестанет валять дурака и натирает колени настойкой из Адамова яблока, а то его не выпишут и к свадьбе Марьяны. Дай Бог ей вырасти первой красавицей!

– Обязательно передам. Брату твоему привет! – пассажир выскочил, хлопнув дверью.

-
- Евгений Владимирович Мирмович родился в Ленинграде в 1973 году. По образованию юрист. В настоящее время – куратор волонтерских проектов в области работы с детьми-инвалидами. С 2019 года – один из редакторов литературного портала «Имба-читальня». Финалист национальной премии «Писатель года-2021», лауреат конкурса, посвящённого 80-летию С. Довлатова, проведённого комитетом по культуре Санкт-Петербурга. Лауреат премии «Славянское слово-2022». Публиковался в сборниках «Писатель года», «Художественное слово», «Антология русской прозы», «Славянское слово».

Гоча объехал двух вальяжно лежащих прямо на дороге тёмно-бурых коров, и мы снова помчались меж кипарисов. Бородач по-прежнему беспечно болтал по телефону, успевая постоянно сигналить в знак приветствия проезжающим навстречу машинам. Заметив на обочине сторбленную спину старика с котомкой в руках, Гоча резко принял вправо и остановился. Дед, кряхтя и чертыхаясь, забрался в маршрутку.

– Ох, спасибо, сын. Возьми вот, пожалуйста, – дед протянул водителю измятую бумажку.

– Да что ты, отец? Тебе не надо платить. Скажешь, где выходить, я поближе подвезу.

– У дома Серго мне надо выйти. Знаешь? У водокачки.

– Конечно, знаю. Присядь, отец, сейчас быстро поедем.

За окном вновь замелькали деревья и горы. Наговорившись вдоволь по телефону, Гоча запел. Сначала тихо, как будто бы только для себя, сбиваясь и хрипя, потом всё громче, чисто и с душой. Покачивая головой, он выводил протяжный и грустный напев. Я не понимал слов, но если бы мне нужно было подобрать слова к этой мелодии, то это были бы слова об утраченном счастье, потерянной любви или далёкой родине.

Внезапно за моей спиной песню подхватил женский голос. Он бережно встроился в мотив, будто обвивая мужской вокал, как лоза винограда обвиняет прочный ствол дерева. Через мгновение ещё несколько голосов слились в песне, сделав её широкой полноводной рекой.

Мне, столичному жителю, привыкшему к людской разобщённости и равнодушию, казалась добрым, сладким сном эта страна белоснежных гор, остроконечных кипарисов и простых, открытых людей, не ведающих высокомерия и взаимной вражды.

– Гоча, останови у старого вокзала, – послышался женский голос.

– А у вас здесь что, ещё и новый есть? – усмехнулся Гоча, недовольный тем, что пришлось прервать песню.

– Нового вокзала не увидят даже мои внуки, – послышалось в ответ, – но этот-то весь развалился, значит, он старый.

– Пусть будет по-твоему. Сейчас подъеду к самому вокзалу.

У вокзала вышло большинство пассажиров, и мы с Гочей остались в маршрутке вдвоём.

Вдоль дороги замелькали полуразрушенные постройки, корпус завода с выбитыми окнами и серый ангар с надписью: «Автомойка», где буква «й» была написана с перекладной в обратную сторону. Возле надписи, уткнувшись в мобильные телефоны, сидели на корточках два молодых парня.

Я невольно усмехнулся, заметив забавную неграмотную надпись. Гоча недовольно хмыкнул в ответ на мою улыбку.

– А что ты хотел? Они после войны родились. Школы все разрушены. Где им было толком учиться?

– Понимаю, – ответил я сочувственно.

– А тебе куда ехать-то? – спросил Гоча через некоторое время.

– Мне к дому доктора Давида. Знаешь?

Гоча от удивления перестал следить за дорогой.

– Ты с ним знаком? Он же никого к себе не пускает.

– И я не знаю, пустит ли. Читал его книгу. Написал ему письмо. Он ответил, что будет рад, если я заеду. Вот и всё.

– У нас не каждый может похвастаться тем, что видел доктора Давида. Он вроде отшельника, почти святой.

– Возможно, я не всё знаю, но у него очень интересная книга о войне. Я читал её и хотел встретиться с автором лично.

– Люди говорят, что Давид лечит гипнозом. Правда, я в это не верю. Но, если ты пойдёшь к нему и он тебя пустит, разреши мне пойти с тобой. У меня зуб по ночам ноет уже вторую неделю. Может, Давид снимет мне боль.

– Да пожалуйста...

Ещё какое-то время мы ехали молча. Потом внезапно Гоча сбавил скорость и начал протяжно сигналить. Я осмотрелся по сторонам, но никакой аварийной ситуации на дороге не заметил. Машины, следующие по трассе за нами, проделывали ровно то же самое. Сбрасывали скорость и сигналили.

– Что это значит? – спросил я из любопытства у Гочи.

– Вертолёт, – спокойно ответил он.

– Где вертолёт?

– Здесь. Ах да, ты неместный, не знаешь. Во время войны враги сбивали в этом месте наш вертолёт. В нём перевозили женщин и детей подальше от линии фронта. Там было тридцать восемь женщин и детей. Убийцы знали об этом и всё равно сбивали. Вот здесь они все и погибли. – Гоча указал рукой на пригорок.

Оставшуюся часть пути мы не разговаривали. Вершины гор были, как прежде, величественны и прекрасны. Я смотрел на них и испытывал искреннюю симпатию к этому простому, открытому и дружелюбному народу, заплатившему немалую цену за свою независимость.

Через некоторое время мы подъехали к маленькому дому из красного кирпича, обвитому виноградом. Его окно, выходящее на улицу, было открыто. В нём развевалась на ветру белая занавеска. Кирпичная стена вокруг оконного проёма была вся сплошь изрешечена следами пуль. Видимо, по этому окну долго, хотя и не слишком прицельно, работал пулемёт.

Мы вышли из машины и подошли к маленькому, увитому плющом крыльцу. На пороге нас уже встречал невысокий человек лет семидесяти, с белой от седины головой и большими, живыми и невероятно глубокими чёрными глазами. Его взгляд не был враждебным, но был строг, печален и как будто заведомо знал о нас всё. Поверх его плеч было накинуто длинное чёрное пальто, полностью скрывающее под собой фигуру.

– Меня зовут Евгений, я писал вам о встрече, – начал я, протягивая руку для приветствия.

Давид ответил мне лишь неуловимым одобрительным движением глаз, но руки не подал. Гоча, увидев мою протянутую ладонь, поспешил меня дёрнуть за рукав. Не зная местных обычаев, я отнёсся к этому спокойно. Давид пригласил нас в дом, и мы прошли в маленькую, чисто убранную комнатку, с железной кроватью и накрытым белой скатертью столом. В углу тлела лампада возле иконы Богородицы, а на стене висело несколько пожелтевших фотоснимков советских времён.

Мы сели за стол. Я заметил на лице Гочи сильное волнение. Он смущённо убрал свои руки под свисающую со стола белую скатерть и нервно подёргивал губами.

– На меня произвела большое впечатление ваша книга, – начал я, обращаясь к Давиду.

– Выбрось её, я написал дрянь, – сухо ответил Давид, но взгляд его оставался приветлив. – Если бы я не читал твоих рассказов, то вообще не стал бы с тобой на эту тему разговаривать.

– Я хотел спросить у вас, Давид, об эпизодах, которые, как мне показалось, не вошли в книгу.

– Послушай, ты же из Питера? – Глаза Давида оживились при этих словах и даже немного помолодели.

– Да.

– Я окончил Ленинградский медицинский институт в семьдесят шестом году. Мы очень любили гулять белыми ночами после экзаменов. Какое это было время, если бы ты знал! Одна гитара и пятнадцать голосов со всех республик Союза. Пели по ночам песни Визбора на стрелке Васильевского острова... – Взгляд Давида устремился поверх моей головы и потерялся за окном.

На пороге комнаты появилась молодая женщина. В её руках был поднос, на котором стояли три стакана красного вина.

– Давид, мне кажется, что-то помешало вам написать в своей книге всё, о чём хотелось? Или у меня сложилось неправильное впечатление? – спросил я, желая вывести хозяина на интересующую меня тему.

– А ты сможешь ли написать?! – воскликнул Давид. – Ты тоже не напишешь то, что нужно писать об этом.

Давид сделал глазами знак женщине с подносом, и та подошла ближе. Она поставила один стакан перед Гочей, другой передо мной, а третий продолжала держать в своих руках.

– За мирное небо над вашей Россией. Мудрости вашим детям и здоровья вашим старикам, – произнёс Давид.

Женщина поднесла стакан с вином к его губам.

Он запрокинул голову и выпил до дна. После этого его плечи дёрнулись, и чёрное пальто упало на пол. Я обомлел. Вместо рук висели худые обрубки, которые заканчивались чуть ниже локтя.

– Ты спрашиваешь, о чём я не написал? А о чём вообще говорить? Я – врач. Я не воевал. Больницу, которую я создавал много лет, сравнивали с землёй. Раненых с фронта везли прямо ко мне домой. Я оперировал здесь, в этой комнате. А там, – он указал глазами на соседнее помещение, – был морг. Я работал по двадцать часов в сутки. В моём саду хоронили наших ребят, которых я не сумел спасти. Эти доски на полу пропитаны их кровью насквозь. Кровью наших мальчишек.

Давид резко встал и подошёл к иконе, висевшей в углу. Он стоял ко мне боком, но я видел, как двигаются его губы. Гоча был бледен и не смел пошевелиться.

Через некоторое время Давид вернулся за стол и продолжил:

– Ты хочешь знать, о чём я не написал? Ты чувствуешь, что я не сказал всё? Так я тебе расскажу. Писать у нас об этом нельзя, но говорить мне никто не запретит. Когда наши ополченцы отступали, я не смог уйти с ними. В доме оставалась моя парализованная мать, которую я не мог бросить. Всё произошло быстро, за один вечер. Передо мной появились эти люди. В такой же, как у нас, форме, с таким же оружием. Они волокли за собой раненых бойцов. Я не успел вымыть здесь пол, как в моей операционной уже лежали их покалеченные парни. Это были обычные мальчишки, понимаешь?

Давид встал и нервно заходил по комнате.

– Они точно так же, как и наши, были изуродованы осколками. У них точно так же торчали переломанные кости из-под обгорелого, прилипшего к телу окровавленного камуфляжа. Они так же звали на помощь своих матерей и плакали, не желая умирать в девятнадцать лет. Понимаешь ты меня?

Давид снова подошёл к иконе, и плечи его задрожали. Спустя минуту, он резко обернулся ко мне и продолжил:

– Я окончил Ленинградский медицинский институт. Я давал клятву лечить. А они умирали на моих глазах. У каждого на шее был крестик и оберег, повешенный матерью в надежде на спасение. И я спасал. Я работал, как прежде, по двадцать часов в сутки. И их тоже хоронили в моём саду. Вот там, – он указал глазами за окно, – я не знаю, сколько в этом саду наших, а сколько чужих, мне некогда было считать.

Лицо Давида стало багровым, и большие чёрные глаза наливались какой-то неистовой злостью. Казалось, он был готов воткнуть нож в сердце войны, если бы у неё было тело. Если бы оно было, Давид точно нашёл бы в нём сердце для меткого удара штыком.

– Мой отец был хирургом на Сталинградском фронте, – продолжил Давид. – Он говорил, что безошибочно отличал дезертира от героя при операции. Немецкие пули и осколки отличались от наших. Ему не составляло труда определить, выстрелом из какого оружия был ранен боец. А я вынимал одинаковые пули из людей, одетых в одинаковую форму, говорящих на одном языке. Из людей одной веры, которую все они предали, потому что люто ненавидели друг друга. Кто-то запустил эту цепочку злодеяний, и ненависть стала настоящей. А я перестал видеть между людьми разницу. Я лечил их, выполняя свой человеческий долг, и был жестоко наказан за это...

Я заметил, что женщина, приносившая вино, вернулась в комнату и присела у порога. Только теперь я увидел, что вся левая сторона её лица искажена последствием глубокого ожога.

– А потом вернулись наши, – продолжил Давид, и я почувствовал сарказм в его голосе, – вернее, наших там было уже меньше половины. Остальные наёмники из других стран. Они сочли всех, кто оставался в оккупации, предателями. Жгли дома, стреляли всех без разбора. Их ненависть не имела границ. Среди них я узнал одного лейтенанта, которого оперировал полгода назад после тяжёлого ранения. Теперь он был полковником и командовал расстрелами на футбольном стадионе, где казнили всех, кто казался им подозрительным или просто возражал против грабежа и насилия. Я же, лечивший врагов, был предателем номер один. Моя участь была решена... – Глаз Давида задёрнулся, и он отвернулся в сторону.

Гоча нервно мямл кисти рук, не находя им места. Он поглаживал ладонями колени, потом бороду и снова сплетал дрожащие пальцы в тугую узел.

– В моём доме оставались двое тяжело раненных бойцов, – произнёс Давид сдавленным голосом, – враги попросту бросили их при отступлении. Мне приказали отвезти их на тележке в парк культуры, где зарывали трупы, и сбросить в яму. Затем дали в руки лопату и приказали закапывать. Тот самый, спасённый мною молодой полковник, приставил дуло автомата к моему затылку и посоветовал лечь в яму к своим пациентам, если я не захочу взять в руки лопату. А из ямы на меня смотрели с ужасом глаза человека, самочувствием которого я интересовался несколько часов назад. Человека, которого ещё утром я укорял за не вовремя принятое лекарство и радовался, что его состояние стабилизировалось. Теперь я смотрел на него сверху, и в моих руках была лопата. А в его глазах была жизнь, за которую он цеплялся из последних сил, умоляя взглядом не убивать его. И я цеплялся за свою жизнь, потому что я не герой. Как все люди, я боюсь смерти, тем более глупой и напрасной. У меня не хватило духа лечь в яму рядом с ним, и я, зажмурив глаза, начал закапывать. Песок был сырым и тяжёлым. В нём попадались камни, и я слышал только лязг моей лопаты, ударившейся о них.

Этот звук до сих пор стоит в моих ушах. Иногда я слышу его по ночам, и тогда я бужу Динару и заставляю её громко петь мне.

Присевшая на пороге женщина с обожжённым лицом молча кивнула в подтверждение его слов.

– А после меня отволокли на проспект Героев. Он и тогда так назывался. В честь павших героев Великой Отечественной, когда и мы, и наши теперешние враги были по одну сторону фронта. Там меня, как и многих других, привязали к фонарному столбу. Мои руки были связаны с обратной стороны столба проволокой. Командовал всё тот же полковник, вчерашний лейтенант. А я вспоминал, как собирал по частям его ногу, вынимал осколки из живота и зашивал кишечник. Я до сих пор отчётливо помню его кишечник. Помню каждый сантиметр его бедренной кости, собранной мною на последнем оставшемся в моём доме штифте. А теперь он командовал расстрелом и не обещал нам лёгкой смерти. Все, кто висел на столбах левее меня, поэтапно были облиты бензином и подожжены заживо. Когда загорелась привязанная рядом со мной женщина, я понял, что жизни не спасти, и лучше было принять смерть, оказав сопротивление в самом начале. Но разве я мог знать всё заранее?

Женщина с обожжённым лицом, сидевшая на пороге, прикрыла глаза руками и поднялась с места.

– Не слушай меня, Динара. Незачем.

Динара с тревогой посмотрела на Давида и молча вышла.

– В тот момент, когда я это понял, начался ураганный обстрел. Выбитые из города враги работали по нам «Градом». Я тогда уже отличал эту смертельную машину от других по звуку. Где-то сзади прогремел взрыв. Я увидел красные отблески в окнах дома напротив. Тут же эти окна стали пустыми, а меня как будто что-то ужалило сзади. Словно огромная собака укусила мои связанные за столбом руки. В ту же секунду я упал на землю лицом и потерял сознание. Потом, в госпитале, мне говорили, что фонарный столб сохранил мне жизнь, прикрыв мою спину от осколков. Но руки так и не берегли. Хотя я говорил этим коновалам, что нужно было делать.

Давид снова вскочил и нервно зашагал по комнате.

– Они прислушались к моим словам, лишь когда спасали женщину, обгоревшую на соседнем столбе. Она осталась жива. Пойди сюда, Динара. Я не стану больше ничего говорить. Помоги мне надеть пальто.

Давид поднялся из-за стола и направился к выходу. Мы, как заговорённые, последовали за ним.

Во дворе дома, возле умывальника, были прибиты к стволу дерева опасная бритва и расчёска.

– Я многое делаю сам, – заявил Давид в ответ на удивлённые взгляды при виде приколоченной расчёски.

Динара обняла Давида за плечи и прижалась щекой к его затылку.

– Напиши там, как сможешь: у вас, наверное, разрешат, – сказал мне на прощание Давид.

– Попробую, – ответил я.

– А за большой зуб не беспокойся, – обратился Давид к Гоче, – он тебе ещё послужит, главное – не спешి удалять. Сейчас не болит?

Гоча удивлённо вытаращил глаза и отрицательно замотал головой.

– Вот и не будет больше, – заключил Давид.

Пропахшая соляжкой жёлтая маршрутка задрожала ветхим кузовом и завелась. Мы ехали молча, и белоснежные вершины гор были по-прежнему

прекрасны. Но сопки были где-то высоко, а обшарпанный салон маршрутки постепенно заполнялся пассажирами. Они не замечали нашего с Гочей молчания. В них кипела сегодняшняя свежая жизнь. Двое мужчин обсуждали, откроется ли после ремонта баня к ближайшим выходным. Женщины сетовали, что тётя Тамара перестала торговать на рынке сметаной. Одни говорили, что у неё заболела корова. Другие судачили, что к Тамаре привезли из города пятерых внуков на каникулы, и теперь сметана нужна ей самой.

Я смотрел на пролетающие мимо кипарисы и вспоминал о военных складах, где мне прежде приходилось бывать. Там хранятся тысячи комплектов для систем залпового огня «Град». Они лежат там не напрасно. Когда-то снаряды будут выпущены. Пролетят ли они мимо внуков тётя Тамары? Им неизбежно придётся соприкоснуться с какой-либо войной. Будут ли на этой войне все пули одинаковыми или судьба подарит благоразумие будущим поколениям?

– Мне эта баня нужна как воздух, – услышал я мужской голос позади себя, – без парилки у меня спину ломит. Это с войны ещё. Два осколка вынули, а третий – во мне. Теперь, после ремонта, баня наверняка дороже станет. А где деньги брат? Хорошо тебе: ты полковник, герой войны – у тебя мытьё бесплатно, – говорил незнакомец своему соседу.

– Знал бы ты, как я этого героя получил. За полгода из старлея полковником просто так не становятся. Я бы с удовольствием променял своё ветеранское удостоверение на твою нищету, – ответил хриплый басок позади.

Мне очень хотелось обернуться, чтобы увидеть этого человека. Но я не стал на него смотреть.

Галина
ТАЛАНОВА

ЧЕРЁМУХОВЫЙ ЗАПАХ

А может быть, я придорожный куст,
Что шелестел усталыми ветвями,
Когда ты шёл, весь полон смутных чувств,
Под старыми большими тополями.
И пух летел и облеплял меня.
И все ушибы обложило пухом.
И под ногами поплыла земля,
Хотя казалась сумрачной старухой.
Но отцвели седые дерева,
Покрылись листья невесомой пылью.
И лишь любовь нежданная жива,
И листья шелестят в ночи, как крылья.
И если дождь по листьям зашуршит –
Внесёт свою изысканную ноту.
Вот ноткой тонкой – в тучах небосвод
И окон опустевшие в день соты.
Глянь: тот фонарь у дома на бугре
Послал окну слепое отраженье.
И свет мелькнул в погашенном окне –
И снова веришь в сказку с продолженьем.

-
- Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) – биофизик, кандидат технических наук, автор девяти книг стихов и семи сборников прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество Книга!» (2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (2017) и др. Публиковалась в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва», «Аргамак», «Волга–XXI век», «Наш современник», «Работница», «Новая Немига литературная», «Родная Ладога», «Природа и человек», «Вертикаль. XXI век», «Сура», «Берега», «Подъём», «Зарубежные задворки», «Новый свет», «Предлог. Com», «Велирокоссъ», «Нижний Новгород», «Истоки», «Literra» и многих других.

Плывут одуванчиков души
По глади зелёной реки.
Закинуло ветром их с суши,
Не тонут, не гонят круги.
Плывут, парашют невесомый,
Но в небе уже не парят.
Срываются ветром,
И комом
Из пуха намокший наряд.
Прибило бы к берегу ветром,
Чтоб бросить в луга семена.
И сколько проплыть километров?
Гораздо же ближе до дна.
Сбиваются в тесные стаи.
Но легче им так утонуть.
Плыву как пушинка резная,
И свой у меня к плёсу путь.

Ну, вот и солнце!
Нежусь на траве.
Июль вернулся с тёплыми лучами.
И мысли об ушедших в голове,
И чуда жду, как будто жизнь в начале.
Здесь надышаться надо до снегов,
Впитать в себя все ароматы мяты,
Вкус ягод, разноцветье для стихов.
А облака, как будто бы из ваты,
Куда-то ветер медленно несёт.
И я плыву листочком по теченью.
И думаю, пока не кончен счёт,
Я наберусь здесь силы для свеченья,
Как светлячок, что ждёт любви в ночи
И посылает огоньки-сигналы.
Как холодны из-за дождей ключи!
И ветерок дохнул как опахало
Полынь-травой, ромашкой, резедой
И запахом вновь скошенного луга.
Их так хотела б в зиму взять с собой,
Чтоб быть в кольце спасательного круга.

Ждала тепла,
Чтоб солнышка ладонь
Погладила зажмуренные веки.
Ждала любовь, что греет как огонь,
И полноводна, словно в мае реки.
Но десять за окном,
И дождь – стеной,
И шум дождя – как грохот водопада.
И ты теперь, любимый, не со мной,
Хоть поцелуй был слаще винограда.
Вот так всю жизнь...
Чего-то тщетно ждём...
Надеемся на солнечное чудо...
Но отраженье морщит водоём.
За страстью тенью следует остуда.
Зенит у лета...
Мир завесил дождь...
Твоё лицо по-прежнему мне снится.
Как град по листьям, вызываешь дрожь.
Свет от тебя – как всполохи зарницы.

Вот и руки твои облетели
С моих плеч,
Словно листья с берёз.
Соловьиные кончились трели,
И светлеет в ночи лишь от гроз.
Снова небо расколото громом,
Точно так же, как сердце моё.
Мы при встрече кивнём, что знакомы,
И кружит над судьбой вороньё.
Помнишь ворона,
Певшего в мае,
Заглушавшего свист соловья?
А теперь вот сбиваются в стаи,
Чтоб кружить как большая семья.
О любви пел на старом погосте...
И деревья лежали ничком,
Все в лишайнике, в сизой коросте.
Мой чужой, вспоминаешь молчком?
Вспоминаешь о том, что живая?
Нежу шорох листвы средь травы.
И на рану,
Что в сердце сквозная,
Белой ниткой наложены швы.

Маме, поэту Эльвире Бочковой

Я голос теряю,
Как в том феврале,
Где вьюга следы заметала до края,
Хоть стрелка дрожала почти на нуле,
И думали,
Что лишь два шага до мая,
Зажмурясь, пройти –
И вернётся тепло,
И утром проснёшься под свист соловьиный...
И хмурило небо в досаде чело
На сбитые ветром в сугробы перины.
Но ты исчезала,
Слабела, неслась
Куда-то в видения душного лета
И с миром теряла последнюю связь.
И взгляд угасал,
Как во тьме сигарета...
Но тот огонёк сквозь метели несущ...
И каждый февраль донимают болезни.
И месяц на небе похож на косу,
Что косит не травы,
А голос и песни...

Опять весна –
И воздух пахнет снегом,
Что убывает, тая на глазах.
И чувствую себя смешным побегом,
Подснежником в капели, как в слезах,
Подснежником, что глянул из-под наста,
Впитавшего всю копоть от дорог,
Всю горечь и бессмысленность балласта
Сомнений, обожаний и тревог.
Что смысла в сожалениях о птицах,
Что с юга не вернутся никогда?
Мелькают дни, как в колеснице спицы,
И шелухой от семечек года...
А я всё та же...
Девочка-романтик,
Хоть с осенью уже мне по пути,
И голубой на блюде стёрся кантик,
И свет в туннеле брезжит впереди.

И есть ли дно у памяти моей?
Плеснёт волна беззлобно белой пеной...
Как клейкий пух,
Летающий с тополей,
Что просто даже не имеет цену,
Любовь была воздушна и легка.
И всё цело.
И голову кружило...
И, словно жук весной от сквозняка,
Я напрягала взмахом в крыльях жилы.
Теперь опять холодный, пенный май,
Черёмуховый запах на погосте.
И отчего-то вижу резче край
И белые обглоданные кости.
Но всё тяну из моря невода
Той серебристой в лунном свете рыбы.. –
Так тяжелы,
Хотя ушла вода
И зажили порезы и ушибы.
Всё серебрится в зыбке лунный свет.
И шёпот твой летит как пух
Сквозь годы.
И только холод острый, как ланцет,
Что вместе не взлететь до небосвода.
Из памяти тащить лишь сети вновь,
Перебирать мониста в вязкой тине
И слушать звон, что берedit любовь
В безбрежный вечер, словно море, синий...

И снег забвения кружится
Над нашей встречей средь зимы,
Где снег скрипел, как половица,
И лик смотрел из лунной тьмы.
И всё казалось доброй сказкой,
Где проживём с тобой в ладу.
И снег ласкался белой лаской,
И лунный зайчик плыл по льду.
Растаял снег,
И лёд тот тонкий
Утёк в глубокий водоём.
А мне всё кажется:
По кромке
Друг к другу медленно бредём...

Я смотрю, как дымится вдали
Мелкий дождь, горизонт размывая.
Тянет сыростью здесь от земли,
Хоть, казалось, жизнь будет без края.
Этот дождь, что висит без труда,
Будто птица, парящая в небе...
Всё пройдёт, как уходит вода,
Нас взметнувшая ветром на гребень.
Всё пройдёт,
И любовь отшумит,
Та, поющая в ночь соловьями,
Ведь уже не осталось обид
И размолвок, что были меж нами.
Только горечь и шёпот дождя,
Что играет по клавишам листьев.
И тетрадку несу, как дитя,
Без которой я жизни не мыслю,
Прижимая к груди от воды,
Что подрезала крылышки пуху.
И головки склонили цветы,
Скорбно сгорбились, точно старуха.
...На берёзе глубокий надрез,
Сладкий сок и бездумную негу –
Помню всё.
Этот свет не исчез,
Не растаял, как след твой по снегу.

**Алексей
СОЛОНИЦЫН**

ВСТУПЛЕНИЕ

Трудно вспомнить такие времена, когда бы Европа так дружно, как по команде, стала бы столь враждебно относиться к нам, русским. Враждебность эта порой переходит все мыслимые границы, даже походит на что-то чисто физиологическое. Как это могло произойти?

Мне захотелось разобраться в этой чудовищной нелепице, объяснить и себе, и своим читателям истоки и причины такой внезапной метаморфозы.

В юности я был «западником» – повлияли на моё воображение литература и кино о рыцарях, мушкетёрах и прочих романтических героях. Когда я окончил седьмой класс на одни пятёрки, отец взял меня с собой в командировку в Москву, а оттуда отправил к своей родной сестре в Ригу.

Это было моё первое самостоятельное путешествие, которое оставило заметный след в моей душе. После вуза меня распределили на работу в «Магаданскую правду», но там по каким-то причинам на работу не взяли. Раз не принял меня Восток, я отправился на Запад, в Ригу. Там меня взяли в молодёжную газету.

Так что свои «западные» впечатления я использовал в романе сегодня. По опыту своей работы я знал, что происходило и происходит сегодня в прибалтийских странах и в Польше, где тоже бывал – правда, только в командировках, а не на постоянном жительство.

В повести я постарался дать понять читателю, какими промахами воспользовались наши недруги и прямые враги, издревле мечтающие о реванше, о мести «москалям». О той громадной разнице, которая лежит между нашим менталитетом и западным – прежде всего в православном понимании «свободы» как «свобо-

-
- Алексей Алексеевич Солоницын – писатель, кинодраматург, родился в 1938 году в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960 году, работал в газетах Киргизии, Латвии, на телевидении, в кино. С 1973 года живёт в Самаре. С 1972 года – член Союза писателей России, с 1984-го – член Союза кинематографистов России. За 55 лет творческой деятельности в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах России и зарубежья издано, включая переиздания, более пятидесяти книг писателя. По его сценариям снято более сорока документальных фильмов. Дипломант Патриаршей литературной премии св. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых всероссийских литературных премий им. Александра Невского (Санкт-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва).

ды от греха» и лютеранским и католическим – «свободы» как «вседозволенности», ведущей к прямым преступлениям. Я постарался показать, как у моего главного героя спадает с глаз пелена любования западными внешними красотами, большей частью бытовыми, как приходит понимание истинной сути культуры и религиозного мировоззрения – нашего и западного.

Об этом повесть «Возьми моё сердце».

ВОЗЬМИ МОЁ СЕРДЦЕ

ПОВЕСТЬ

*Сын мой! отдай сердце твоё мне, и глаза твои
да наблюдают пути мои.*

Книга притчей Соломоновых, глава 23, стих 26

Глава первая

ПРОЩАНИЕ

– Ну что тебе далась эта Рига? Кафе, видите ли, ему понравились! Это же неметчина! Всё чужое! И была бы работа предложена достойная, а то так, краешек стула тебе предложили. И ты помчался как сумасшедший! Опомнись! Ну, чего молчишь?

Фёдор Алексеевич Вербов*, разгорячённый, каким он редко когда бывал, разговаривая с сыном, смотрел на Георгия не только с непониманием, но и с нескрываемым раздражением.

Было ему уже за шестьдесят, волосы, когда-то густые, сильно поредели, лысина образовалась на макушке и вокруг неё, глаза, некогда иссиня-голубые, заметно поблекли. Но сейчас, в минуты выяснения взаимоотношений с единственным и любимым сыном, они время от времени вспыхивали недобрим огоньком и темнели.

Лицо его, несколько удлинённое, в молодости красивое, со сросшимися на переносице бровями, высоким лбом, выдавало человека творческого труда, интеллигента. Он был известен не только в Кручинске, но в своё время и в Москве, в редакции газеты «Сельская жизнь», собственным корреспондентом которой и был журналист Вербов.

– Ведь ты языка не знаешь, а они с русскими через губу разговаривают, если к ним на латышском не обращаешься. Вера, что ты молчишь? Сама ведь жаловалась на их надменность и высокомерие!

Вера Аркадьевна, жена Фёдора Алексеевича, сидела на другом конце стола. Георгий, их сын, – посредине, между отцом и матерью.

* Все имена и фамилии здесь и далее вымышленные, литературные. Если есть совпадения с реальными людьми, то они случайны.

Внешне ничего похожего на отца у Георгия не было. Роста он был скорее высокого, чем среднего. Черты лица и цвет глаз материнские, броской средневожской красоты, где русское перемешано с азиатским – глаза чуть раскосые, карие, волосы чёрные, густые, лицо скуластое, волевое, но смягчённое русской округлостью.

Вера Аркадьевна преподавала в университете зарубежную литературу, знала языки, работала над переводами. Она занимала профессорскую должность, была доктором филологических наук.

Со школьных лет, чтобы избавиться от мальчишеских насмешек и прозвищ, вроде «профессорский сынок», «тютя», «слабак» и прочих, куда более обидных, нецензурных, Гоша записался в секцию самбо. Делал каждое утро зарядку и обливался холодной водой. После седьмого класса недолго ходил в секцию бокса, но бросил, потому что болела голова после тренировок. К тому же серьёзно увлёкся футболом. А после поездки к тётке Тае в Ригу, где научился играть в пинг-понг и баскетбол, о боксе и вовсе забыл. Занятия спортом сделали его стройным, мускулистым юношей, умеющим постоять за себя.

К тётке Тае, родной сестре отца, Гоша ездил после окончания с отличием седьмого класса. Отец взял его в Москву, когда его вызвали в редакцию, а оттуда отправил в Ригу – в первое самостоятельное путешествие.

– Я думаю, что ты выпил лишнего, – грозно сказала Вера Аркадьевна, взяла графин с молодым вином, приготовленным Фёдором Алексеевичем самостоятельно. Поставила графин в буфет, стоящий у стены, позади её. – Гоша уезжает, всё решено. И ты вместо прощальных слов, которые говорят нормальные люди, устраиваешь скандал.

– Ага, ты знаешь, за что зацепиться. Воспитала иностранца, который едет неизвестно куда и к кому. Лишь бы сидеть в модном кафе и писать романы наподобие Хемингуэя. Или, хуже того, рисовать публичных женщин, задирающих юбки на голову, как у Тулуз-Лотрека.

– Ты назвал имена, которыми гордится мировая цивилизация. Дай-то Бог, чтобы так оно и было. Это всё же получше, чем проектировать коровники в стиле сталинского «вампира», – твёрдо ответила Вера Аркадьевна, умеющая в споре давать сдачи.

– Перестаньте, прошу! – всполошился Георгий, зная по опыту, что отец так просто не сдастся и что может выйти нешуточный скандал. Будут выкрики отца на весь подъезд, потом слёзы, а наутро смиренные обещания, что всё это последний раз, больше никогда не повторится.

– Я же еду не в чужую страну, а в советскую республику. Меня хорошо встретили в институте, я вам говорил. А что место мне дали младшего архитектора, так это обычное дело. Надо показать себя, вот тогда всё и образуется.

– Ты бы лучше ещё раз Таисье позвонил, – обратилась Вера Аркадьевна к мужу. – Неужели она на первое время не может поселить Гошу, как прежде?

– Мама, вот этого делать не надо. Тогда я был подросток. А сейчас...

– Ты же ей родной племянник, – перебила Вера Аркадьевна. – И поживёшь у неё неделю, может, две. В институте ребята помогут тебе подыскать подходящее жильё. Ты же говорил...

– Вот-вот, – оживился Фёдор Алексеевич, было притихший, – подыскать! Точное слово! Специалист с красным дипломом ищет комнатку – приютите, пожалуйста! – Он изобразил нищего, протянувшего руку. – Подайте!

– Не юродствуй! – опять грозно сказала Вера Аркадьевна.

Статная, властная, она встала, чтобы принести из кухни горячее – к прощальному столу было приготовлено жаркое в керамических горшочках, любимое домашнее блюдо Гоши. – С вами тут испортишь всё на свете. – И она быстрыми шагами ушла на кухню.

– Налей, – шёпотом сказал отец, показывая на буфет.

– Может, водочки? – спросил также шёпотом сын.

– Давай. Только быстро!

Они успели опрокинуть по рюмочке до возвращения Веры Аркадьевны. С аппетитом стали есть жаркое и нахваливать угощенье.

Вера Аркадьевна достала из буфета графин не с вином, а с водкой – тот самый, из которого мужчины тайно выпили.

– Давайте под горячее выпьем водки, – сказала она.

Фёдор Алексеевич прыснул в кулак, прижав его ко рту.

А Георгий засмеялся.

– Что? – удивилась Вера Аркадьевна. – Радуетесь, что я добрая?

– О да, ваше величество, – криво улыбаясь, произнёс Фёдор Алексеевич.

Выпили, поели вкусное жаркое – Вера Аркадьевна, когда хотела, умела быть хорошей хозяйкой.

Сына она очень любила, выучила его английскому и французскому. Итальянский он выучил после того, как мать сумела достать ему путёвку в Италию.

Отец любил сына не меньше. Заметив, что Георгий любит рисовать и что это неплохо у него получается, настоял на том, чтобы Гоша учился в художественной школе, а не в музыкальной, куда насильно затолкала его мать. Георгий в «музыкалке» проучился всего два года, а художественное училище окончил. Но решил стать не музыкантом или учёным, как того хотела мать, не писателем или художником, как о том мечтал отец, а архитектором.

Виной тому был друг отца, Николай Иванович Садковой, в мастерской у которого побывал однажды Георгий. Увидел макеты и планы, чертежи улиц и домов, стал много читать и лепить, делать макеты, удивляя и мать, и отца, радуя Николая Ивановича. Он и подготовил Георгия к поступлению в архитектурно-строительный институт.

Родители были удивлены выбором сына, спорили с ним, видя другие его способности. Но знали его упрямство, унаследованное от матери.

Что ж, архитектор – профессия творческая, и тут может развернуться талант, который, несомненно, есть у сына. Пусть рисует и пишет стихи, а профессия архитектора всё же более надёжная.

Но вот другой его выбор, прямо скажем, шокировал их, когда сын объявил им, что намерен жениться.

Выбор Георгия пал на студентку Валю Скворцову, стройную, миловидную девушку, обаятельную простушку.

Отец пожал плечами, а Вера Аркадьевна, готовившая сына к жизни высокой и служению высокому, была шокирована выбором сына.

Скандалы и даже временные разрывы кончились через год, когда Георгий, переживший мучительный разлад с родителями, стал жить с Валентиной отдельно. Но ещё через три года он всё-таки понял, что родители были правы. Они говорили, что милая стройная Валечка окажется обыкновенной женщиной, которой ничего не нужно, кроме власти над мужем и заботы о состоятельной жизни в хорошем, обеспеченном доме.

Так оно и случилось.

Вот теперь он уезжает из Кручинска не только потому, что здесь ему тесно, душно, что его творческим планам не суждено сбыться.

Но ещё и потому, что семейная жизнь не удалась.
Что он у разбитого корыта.
И лучше всего начать всё сначала.
Желательно на Западе.
В Риге, которую он полюбил ещё в отрочестве.

Глава вторая

ПРИЕЗД НА ЗАПАД

И вот он в Риге и едет в трамвае по улице Кришьянис Барона, а выйти ему надо через несколько остановок на Дзирнаву, что значит Мельничная, а там он свернёт налево и выйдет на Карла Маркса, где в доме номер 12 комната в коммунальной квартире на четвёртом этаже, у тёти Таи, она обещала его временно поселить.

Дверь открыл Давид Семёнович Нейман, коренастый, улыбающийся масляной улыбкой сосед тёти Таи. В полосатых пижамных штанах, в выгоревшей поношенной курточке, однако, выглаженной и выстиранной, он сразу напомнил Гоше первый визит в эту квартиру – казалось, Давид Семёнович совсем не изменился за прошедшие годы.

– Здваствуйте, здваствуйте, молодой человек, – сказал он, продолжая улыбаться. – Вывосли, вывосли, однако. Роза, посмотри на Геовгия, какой стал квасавец.

Вышла Роза Борисовна, жена Давида Семёновича, а с ней и Геня, дочка, ровесница Гоши. Они-то изменились – мамаша сильно потолстела, а Геня из нескладного подростка преобразилась в довольно привлекательную девуцу. Они с любопытством разглядывали приезжего.

В минувший отпуск Георгий не заходил сюда, потому что тётя Тая тоже была в отпуске, в санатории, и воспоминания об этой квартире связывались у него с первым приездом в Ригу.

Давид Семёнович, видимо, предупреждённый о приезде Георгия, вручил ему не ключ от комнаты тёти Таи, а записку, на которой были какие-то цифры.

– Пвосили тебя позвонить, Геовгий.

– Звонить? Куда? Прямо сейчас?

Давид Семёнович показал на записку.

– Звони, что ты пвиехал.

– Хорошо, сейчас позвоню.

На стене висел телефон – чёрный, сталинских времён. Его Георгий тоже помнил. Ещё помнил разноцветные бумажные цветы, которые делала тётя Шура, младшая сестра отца.

Она в сорок первом возвращалась домой из пионерлагеря. Ехали в кузове машины, попали под бомбёжку. Пламя разорвавшейся бомбы сожгло подружку Шуры и её братика, а Шуру выбросило из кузова. Она больно ударилась о землю, сломала ногу, но осталась живой. Улыбка, тихая, печальная, навсегда застыла на её лице. И шея перекосилась набок.

Георгий снял трубку и набрал номер, написанный на клочке бумаги.

Давид Семёнович почему-то не уходил, стоял чуть поодаль.

Услышав голос тёти Таи, Гоша радостно поздоровался, сказал, что стеснять тётю не будет, просит разрешения пожить у неё несколько дней, пока подыщет себе комнату. О чём и просил свою старшую сестру отец.

– Вот что, Георгий, должна тебе сказать, – голос тётки Таи прозвучал неожиданно строго, властно. – У меня сейчас Шура, ты знаешь, она больна. Мы теперь в Дубултах, у отца Никодима. Гостить у него будем ещё день, больше нельзя. Я тебя принять не могу, потому что у меня всего одна комната, понимаешь? Шура нужен покой, ты же видел, какая она.

– Да, конечно, видел. Тётка Тая, я постараюсь быстро подыскать комнату. А сегодня нельзя ли...

– Нельзя!

Гоша не нашёлся, что ответить.

– Ну хорошо, завтра утром я уйду, раз вы так решили.

– Нет, не завтра. Сегодня же!

– Что?

– Что слышал! Сегодня! Сейчас же!

– Да что вы кричите? Я...

– Убирайся, слышишь? Убирайся!

– Ну хорошо, хорошо, вы только не волнуйтесь.

Гоша повесил трубку, хотя тётка Тая ещё что-то громко говорила.

Встретил печальный взгляд Давида Семёновича.

Масляная улыбка исчезла с его лица.

В коридоре всё так же стояли Роза Борисовна и Геня. Полное имя её – Генриетта. Гоша это запомнил с мальчишеских лет.

Растерянно улыбнувшись, он развёл руками.

– Что? – спросила Роза Борисовна, вопрошающе приподняв лицо с наметившимся двойным подбородком.

– Вот, родная тётка выгнала родного племянника, – печально сказал Давид Семёнович.

– Что же, надо идти...

На маленьком сундучке, стоявшем у двери в комнату тётки Таи, он увидел несколько бумажных цветов. Грустно улыбнулся.

Тётку Шуру привозил в гости к ним в Кручинск отец. Георгий водил её на набережную, а потом в церковь. К ней у него возникло чувство как к младшей сестрёнке.

Воспоминание о тёте Шура связывалось с той прогулкой и церковью, в которую он вошёл тогда первый раз в своей жизни.

Чемодан стоял рядом, осталось только его поднять и выйти из квартиры.

– Куда же ты пойдёшь, Георгий? – спросила Геня.

– Не беспокойся. Поеду в Дзинтари, там меня ещё не забыли, надеюсь.

– Вот это плавильно, – одобрил Давид Семёнович. – А если твоя комната, где ты кваттировался, занята, в Дзинтави есть сплавочная для пвиезжих. Там найдёшь, что тебе нужно.

– Спасибо за совет, Давид Семёнович. Рад был повидаться.

– И мы тоже, – ответила Роза Борисовна.

Геня, она же Генриетта, печально улыбнулась Георгию на прощанье.

Комната, которую он занимал в июне, конечно, была занята, ведь шёл июль. И адреса, данные ему в справочной, тоже оказались востребованы приезжими.

У него остался один вариант – Дубулты. Там он бывал. И опять с тёткой Шурой, опять в церкви, у того самого отца Никодима, про которого сказала по телефону тётка Тая. Нет, он не хотел увидеть её, Боже упаси. Просто он помнил дом, в который заходил, познакомившись этим летом с хозяевами.

После того как хозяйка вспомнила Георгия, внимательно разглядывая его, так же внимательно изучила паспорт, взяла деньги за месяц вперёд,

предупредив, что никого сюда приводить нельзя, особенно девиц, его впустили в комнатушку, которая сдавалась для приезжих. Ещё предупредила, что курить можно только во дворике, питаться в кафе, оно через улицу, открывается в девять утра.

Кроме узкой кровати с тумбочкой около неё, столика, придвинутого к окну, и ещё старого, видавшего вида венского стула, в комнате ничего не было. Но Георгий радовался, что не придётся ночевать на пляжной скамейке и есть где приклонить голову.

Заснул он почти мгновенно, и ему казалось, что он как будто всё ещё едет в поезде, как тогда, в детстве, отправленный в первое своё самостоятельное путешествие в незнакомую и таинственную Ригу.

Проснулся он от разговора каких-то людей в прихожей, не сразу поняв, где находится. Быстро встал и посмотрел на часы, боясь, что в первый же день опоздает на работу.

На ходу поздоровавшись с хозяйкой и сказав, что вернётся вечером, он торопливо двинулся на станцию.

Утро выдалось тёплое, солнечное, он шёл через сосновый бор, радуясь свежести и хвойным запахам, которые снова напомнили ему и детские впечатления, и недавний отдых у моря.

Дорога показалась ему недолгой, потому что о многом предстояло передумать и подготовиться к встрече с новыми людьми, которые теперь станут его сослуживцами.

Этих встреч Георгий не боялся. Наоборот, ждал их с юношеским нетерпением и надеждой, что сослуживцы окажутся как раз теми людьми, с которыми интересно работать, занимаясь творчеством, исключая всякую рутину. Ведь он теперь в Риге, одной из столиц Прибалтийских республик, на Западе, где всё овеяно традициями и в то же время современно, ново, красиво.

В проектно-архитектурном институте, одном из главных в Риге, когда впервые он пришёл туда, его направили к Генриху Теодоровичу Лаубе. Этот начальник отдела с холодной учтивостью выслушал посетителя, сказав, чтобы Георгий зашёл через недельку.

Неделяка прошла, и Георгий с некоторым даже удивлением увидел, что этот кабинетный человек, казалось бы, строго-официальный, в клетчатой рубашке с галстуком-бабочкой, в очках, за которыми прятались холодные глаза, встретил его со сладенькой улыбкой, приглашая присесть на стул, стоящий у его начальственного стола.

Оказалось, что досье Георгия изучено и произвело на Лаубе приятное впечатление. Того же мнения и директор, и он не против принятия Георгия в архитектурный отдел. Как раз есть свободная вакансия. И если Георгий согласен на условия, которые ему объявлены, то он может приступить к работе.

И вот опять его встречает Лаубе всё в той клетчатой рубашке и в цветном галстуке-бабочке. И сладенькая улыбка Генриха Теодоровича всё та же, когда он говорил, что оклад, конечно, согласно занимаемой должности маловат. К тому он может подрабатывать переводами специальной литературы. И всё зависит от того, как покажет себя в работе уважаемый молодой специалист с такими блестящими характеристиками.

Лаубе привёл Георгия в кабинет более просторный и более солидный, чем у него. Директор, Гунар Юлианович Эглитис, важный, сановитый, поздравил Георгия с началом работы у них, в Латвии, и пожал Георгию руку.

Затем Георгия привели в отдел и представили новичка, указав ему место у окна.

Архитекторы лишь несколько минут уделили Георгию, и каждый вернулся к работе у своих планшетов и чертежей.

Только один из них, высокий, плечистый, с лицом широким, скуластым, над которым вилял чубчик, остановился около стола Георгия и положил на него увесистую папку.

– Будем знакомы, – представился он, – Юрий Дудко, твой коллега. Мне поручено передать тебе дело вот по этому дому в старой Риге. Дело тухлое, сам увидишь. Но надо разобраться, что делать дальше. Пойдём покурим?

Вышли на лестничную площадку.

Юрий, одетый в лёгкую спортивную курточку с коротким рукавом, вынул из нагрудного кармашка пачку сигарет «Кент».

– Ого, – сказал Георгий, осторожно доставая сигарету из пачки, – богато живёте.

– Да это я по случаю разжился, – ответил Юрий, продолжая приветливо улыбаться. – Ну, как тебе наш начальник?

– Да вроде ничего. Встретил приветливо. Я, признаться, не ожидал.

– Да и я тоже. Обычно он не такой любезный. С твоим предшественником круто расстались.

– А почему, если не секрет?

– Длинная история... – Юрий глубоко затянулся, пуская дым в лестничный пролёт.

Распахнулась дверь – вышла длинноногая молодая женщина в короткой, выше колен, юбке, лёгкой кофточке. Волосы крашеные, жёлтые, коротко стриженные. Лицо удлинённое, волевое, губы ярко-красные, чувственные.

Посмотрела на мужчин иронично, глазами насмешливыми, голубыми, с ярко накрашенными ресницами.

– Сплетничаете? – спросила, показывая Юрию, чтобы он дал ей сигарету.

– Инга, – представил её Юрий. – Первая наша леди. Будь с ней внимателен и предельно услужлив.

– Охотно, раз она первая леди.

Инга закурила, рассматривая Георгия.

– Чем нас удивлять будете? – спросила она, пуская дым. – Говорят, вы языки знаете? Даже итальянский?

– Быстро же у вас разведка работает, – удивился Георгий.

Таких накрашенных девиц он встречал и в Кручинске.

Но не на работе, конечно.

– Инга всё знает, – пояснил Юрий. – Недаром же она первая леди.

«Наверное, жена начальника, – подумал Георгий. – Или...»

– Вы слишком внимательно на меня смотрите.

Говорила Инга с акцентом, подчёркивая этим, что она местная, рижанка.

– Чтобы вы не мучались, скажу, что Генрих Лаубе – мой дядя.

На площадку вышла ещё одна молодая женщина, ещё более эффектная, чем Инга.

Её Георгий сразу заметил, когда его впервые направили к Лаубе.

Она была ниже ростом, чем Инга, но ненамного. Одета в белый брючный костюм. Волосы свободно падают на узкие плечи. Светло-жёлтые, но не крашеные. Хотя, может, умело подкрашенные, потому что на её чистом лице косметика тоже почти не видна.

«Их прямо хоть на подиум, – подумал Георгий, – а они взялись за архитектуру».

– Знакомьтесь: Эльга, наш молодой талант, – представил белокурую красавицу Юрий.

– Так что там насчёт итальянского? – повторила вопрос Инга. – Берта, кадровичка, сказала, что наш новый коллега знает английский и французский. А сверх того и итальянский.

– Ого, – сказала Эльга, тоже закуривая. – Вы в самом деле полиглот?

Георгий понял, что за ним наблюдают, может, и вышучивают.

Он облокотился на лестничные перила, чуть откинулся, улыбнулся. В этот важный для него день он хорошо запомнил, что ответил Эльге.

– *la bellezza non è tutto cit che luccica, sinorita**, – сказал он по-итальянски.

Молодые люди поняли лишь одно слово – «синьорита».

– А перевод? – Эльга продолжала изучать Георгия.

Перед ней стоял высокий, чернобровый и черноокий мужчина двадцати семи лет. Волосы до плеч, стрижка современная. Одет в летний костюм из светлой плащёвки, купленный мамой и подаренный ему на день рождения. Мама ещё сказала, что дарит этот летний костюм, чтобы он поехал отдыхать в Крым, набираться сил. Намёк был слишком прозрачный – он же отправил Валентину с малышкой Никой в Эссентуки. А Валентина там завела роман. Об этом, как водится, Георгий узнал последним и загремел в больницу.

– Переведу потом, в более удобном месте для бесед. А сейчас, Юрий, не познакомишь ли меня с делом? Как я догадываюсь, оно дано мне для проверки на вшивость.

Он загасил сигарету о край металлической пепельницы на высокой ножке, стоящей в углу лестничной площадки.

Поклонился молодым женщинам и пошёл в мастерскую отдела архитектуры.

Глава третья

«ПОДВЕЛИ ПОД МОНАСТЫРЬ»

На первой же странице дела значилось, что оно открыто два года назад. Ремонтные работы начали, когда вроде бы закончились всевозможные согласования. Георгий догадался, что согласования в разных инстанциях велись по определению статуса здания, который так и не смогли определить. Относится ли строение к историко-культурному наследию или не представляет собой ничего ценного, что надо сберечь? «Объект» остался неопределённым: с одной стороны, здание ценное, всё-таки 14-й век, а с другой – вроде ничего особенного, таких жилых домов в старой Риге полно. К ремонтным работам всё же приступили. Но недолго они длились. Началась волокита то с материалами, которых вовремя не оказывалось, то с отсутствием специалистов, которые всё же требовались для отдельных видов работ, то с отсутствием строительного крана, то с невозможностью разместить его на узкой улочке старого города, и так далее, и так далее. Самое ужасное для Георгия заключалось в том, что часть переписки велась на латышском языке. Некоторые документы написаны к тому же от руки – почерком, явно свидетельствующим о том, что в институт направляли отписки.

На другой день, с утра, выяснив, кому надо докладывать, что он отправился на «объект», Георгий не без труда всё же нашёл этот дом, дело

* красота не всё, что блестит (итальянский).

о котором, как он уже понял, дано ему специально: проверить, кого же прислали к ним в архитектурный отдел.

Дом в два этажа прилепился к боковой стене солидной постройки. Как предположил Георгий по входной стрельчатой арке, это была стена или монастыря, или храма. Сам дом представлял собой какое-то служебное помещение.

Открыв дверь, он вошёл в дом.

Взгляду предстала картина, которую он и предположить не мог.

Посреди довольно просторного помещения стоял какой-то станок – скорее всего, токарный. Около него сидели двое рабочих.

Похоже, что они были несколько ошеломлены внезапным приходом незнакомца.

Рядом с рабочими на ящике, застеленном газеткой, в банках и тарелочках разложена еда, стояли стаканчики, тёмно-коричневая керамическая бутылка, по форме уже знакомая Георгию – «Рижский бальзам». Баночки Георгий тоже сразу же определил: одну как «сельдь в маринаде», другую как «шпроты в масле».

Аккуратно нарезанный огурчик, дополнявший натюрморт, свидетельствовал, что в фирменной бутылочке налит не популярный бальзам, а напиток более распространённый и более приемлемый по цене.

– Свейки, – сказал Георгий, сразу же сориентировавшись, что на просторах СССР, на каждой стройке, большой и малой, всюду в обеденное и даже в неурочное время рабочий класс ведёт себя почти одинаково. Разница лишь в национальных особенностях. Поэтому он поздоровался по-латышски, конечно же, запомнив приветствие. Во Фрунзе, где проходил практику, он приветствовал рабочих, произнося: «Салам аллеюкум», получая в ответ дружное: «Аллеюкум салам!»

Но здесь на приветствие «свейки», ему ответил один рабочий, и голосом совсем не радостным, а вопрошающим:

– Здравствуйте, если не шутите.

Это ответил среднего роста рабочий в комбинезоне тёмно-стального цвета, в кепочке из такой же материи, с козырьком.

– Простите, что прерываю вашу трапезу. Я из проектного института, отдел архитектуры. Мне поручено познакомиться с объектом. И с вами полезно познакомиться.

Рабочего в комбинезоне ответ Георгия не удовлетворил.

– Всё же кто вы такой? Нельзя ли поконкретнее? И документик, если не затруднит.

Рабочий, встав, приблизился к Георгию.

Вытерев руки о платок, извлечённый из кармана, он взял картонную «корочку», серенькую, невзрачную, которую выдавали в отделе кадров временно нанятым работникам. По-латышски в графе «должность» всё-таки можно было разобрать надпись: «Архитектор».

– Так ведь был у нас не раз этот, как его...

– Дудко, – подсказал второй рабочий, который и не думал вставать из-за стола.

Есть, однако, перестал.

Был он лысоват, белобрыс, тщательно причёсан, одет не в рабочий комбинезон, а в куртку на молнии, с выпущенным поверх белым воротником рубашки. Когда он всё же поднялся, стал виден его высокий рост.

– Юрис Дудко передал дело мне, – Георгий взял удостоверение, спрятал его в карман. Улыбнулся.

Но вместо ответной приветливости он встретил сухость и неприязнь длинного человека, которую, похоже, он и не хотел скрывать.

– Ну, и что же вы, товарищ, хотите выяснить?

Слово «товарищ» длинный произнёс с акцентом, нажав на второй слог.

– Вопросы у меня есть, товарищ, – ответил Георгий. – Но всё же лучше было бы сначала познакомиться. И ещё раз извините, что прервал вашу трапезу.

В это время из-за станка возникла голова со взъерошенными волосами:

– Это кто тут у нас такой вежливый? С какой горы?

– Архитекторс. Новый! Пришёл знакомиться! – сказал длинный.

– Вова, ты приведи себя в порядок, – человек в комбинезоне быстро подошёл к лохматому. – Товарищ из института.

– А, из института! Из какого, интересно? Может, из того, серого?

Он приподнялся, опираясь на станок, покосился на столик.

– Юзик, у нас ещё осталось? Может, товарищ из института тоже с нами дерзнёт? Или ему по рангу не разрешено с нами, работягами, дерзать? Как, товарищ офицер? Вы в каком звании будете?

Лохматый, которого назвали Вовой, пригладил волосы, вышел из-за станка. Был он среднего роста, одет в помятую рубашку, но с галстуком.

Взглядом он что-то искал, видимо, пиджак.

– Извините нас, конечно. У нашего Владимира вчера был торжественный день. Сын у него родился. Вот он и заглянул к нам... прямо из роддома. Ну и... сами понимаете... как тут не отметить... Хотя на бегу, конечно...

– А, вот в чём дело! – Георгий подошёл к Владимиру, улыбнулся. – Поздравляю! Меня зовут Георгием. – Он протянул руку новоявленному отцу. – Я архитектор, меня сюда направили, чтобы разобраться, как быть с этим зданием. Проект я посмотрел. Хотел бы ваше мнение услышать. Но сначала позвольте поздравить вас. Такое событие! Я бы точно напился бы до фонариков! Или, как вы говорите, Владимир, дерзнул бы не раз и не два!

– А сколько? – повеселел Владимир. – И что значит «до фонариков»?

– Это целая история, – охотно откликнулся Георгий. – Мой друг, Лёвик, когда у него дочь родилась, так набрался, что от восторга залез на фонарный столб. Вот в нашей компании и повелось – «до фонариков»! Ещё и песенка есть про фонарики...

– До фонаря! – уточнил Владимир. – А что, архитектор, и вправду дерзнёшь?

– Дерзну.

– Джон, наливай! – приказал Владимир.

И человек в комбинезоне, которого действительно звали Джоном, стал наливать из керамической бутылки не рижский бальзам, как было написано на этикетке, а русскую водку.

Георгий правильно определил.

Выпили.

Перезнакомились.

Владимир порывался сбежать за новой бутылкой, но Георгий остановил его. Предложил, чтобы сначала ему показали дом, а потом отправились бы в какое-нибудь хорошее кафе, где наливают, и там посидеть, побалакать.

Предложение приняли не без энтузиазма, проявленного не только Владимиром, но и его другом Джоном Ивановичем. Длинный, Юзеф Францевич, скептически улыбался, несколько даже снисходительно. Но когда в керамической бутылке не осталось ни капельки, он смягчился и стал настаивать,

чтобы отправились все вместе не в кафе, а в столовую, неподалёку от его дома. Там всё дешевле, и еда хорошая, и официантка Байба его давняя знакомая.

Про Байбу, оказывается, знали и Владимир, и Джон.

Рабочие, немало изумлённые таким проверяющим, очнулись от неожиданности, вытерли рты салфетками, которые, к удивлению Георгия, лежали на ящике, приспособленном под стол.

Всё же они встали, чтобы показать дом молодому архитектору.

Стены помещения, серо-чёрные, в подтёках и выщербинах, кое-где уже замазанные штукатуркой, говорили о том, что здесь что-то делалось – тем более к одной из стен была приставлена лестница, заляпанная краской и белилами.

Окна, заколоченные досками, не пропускали свет. Одинокая лампочка, висевшая над сидящими рабочими, дополняла эту картину в стиле «сурового реализма», модного в это время в живописи.

Собственно, рассматривать в комнатах на первом этаже было нечего, потому что они являли собой такое же неприглядное зрелище, но Гоша внимательно смотрел на выщербленные стены, трогал их ладонью и почему-то улыбался.

– Четырнадцатый век, – сказал он. – Поразительно!

– Поразительно? – Джон Иванович шёл рядом с Гошей и на правах хозяйина готов был отвечать на любые вопросы гостя. Шёл он осторожно, переступая со ступеньки на ступеньку, которые вели на второй этаж. Георгий обратил внимание, что ботинки у Джона тщательно начищены.

– Ну, как вам этот бардак?

– Стены великолепны. Руки только приложить... И они заиграют...

– Да о чём вы? – удивление Джона было искренним. – Чему улыбаетесь?

Помещения второго этажа тоже понравились Гоше.

– А там что? – Он показал на боковую лесенку, которая вела, похоже, на чердак.

– Ой, туда нельзя. Там бардак ещё пострашней.

Но Георгий пробрался и на чердак.

В полумраке запустелого помещения он осторожно стал пробираться вперёд, не боясь испачкаться, опирался на стропила, пробовал их на прочность. Нашёл люк, открыл его.

Поток света хлынул в пространство чердака.

Словно свет настоящего ворвался в прошедшие века.

– Куда вы? – не на шутку испугался Джон, видя, что Георгий вылезает на крышу. – Опасно!

Но Георгий уже был наверху. Балансируя, он добрался до трубы и, придерживаясь за неё, осмотрелся.

Слева от него поднималась стена бывшего монастыря, закрывая вид на соседние дома. Зато справа и прямо перед ним открывалось пространство Старой Риги – с покатыми черепичными крышами домов, шпилем англиканской церкви, прихотливыми башенками какого-то, пока ещё незнакомого Георгию чудесного здания.

Вид был сейчас такой, какой он и представлял себе, думая о Старой Риге, впервые увиденной в детстве.

Словно ожила знакомая страничка из книги сказок Андерсена, купленной именно здесь, в Риге, как самый памятный и дорогой символ детства.

Голова Джона Ивановича с аккуратно причёсанными, редкими белёсыми волосами продолжала выглядывать из люка.

- Георгий, давайте сюда! – требовательно сказал он. – Время!
– Иду! – И Гоша двинулся к люку, по-прежнему улыбаясь.

Глава четвёртая

ВЕЙ, ВЕТЕРОК

На праздник Ивана Купалы устроили корпоратив в Дубултах, где у института был свой Дом отдыха. Здесь за ответственными сотрудниками были закреплены лучшие комнаты, за менее ответственными – комнаты похуже, а рядовым, вроде Гоши, но уже ставшим своими в институте, комнаты выделялись на определённый срок, но не больше месяца.

Юрий Дудко, «архитектор со стажем», на правах старожилы вводил Георгия в курс дел, проявив к новичку дружеский интерес с того дня, как познакомился с проектом перестройки того самого дома в старой Риге, дело о котором он вручил Гоше.

Проект Георгий сделал быстро. Решение пришло к нему как-то сразу, и он не без вдохновения стал воплощать замысел с помощью новых друзей, с которыми отметили рождение сына у Володи Петрова. Они приняли Гошу за своего, особенно после того, как Георгий спел популярную в студенческих кругах песенку «Когда качаются фонарики ночные». После этого длинный Юзеф Францевич перестал подкалывать Георгия, задавая неудобные вопросы как по строительным делам, так и по общим, национальным, вроде того, почему русские запустили человека в космос, а не научились делать нормальные ватерклозеты.

Георгий предложил преобразить монашеский дом, скорее всего, трапезный, в современное кафе – со стилизованной атрибутикой монастырского быта. Образную основу он взял у Яна Райниса, пьесу которого «Вей, ветерок» посмотрел этим летом, когда местный театр показывал спектакль в Дзинтари. Впечатления были свежи, потому и вспомнились они, когда он думал над решением проекта. Георгий неплохо рисовал и чертежи украсил рисунками героев пьесы – завидного жениха-лодочника Улдиса, его невесты Заны, дочери зажиточных крестьян, и бедной батрачки Байбы, в которую влюбляется жених.

Кафе он предложил назвать «Вей, ветерок», а над входом повесить жестяной фонарик в виде лодки Улдиса. На первом этаже кафе, где будут стоять дубовые столы и лавки, а старые стены подсвечены стилизованными лампами, посетители могут выпить латышские напитки с травами; на втором этаже можно устроить отдельные кабинеты для деловых разговоров, а чердак оформить персонажами легенды о Трубочисте.

Там будут встречаться только влюблённые.

Он нарисовал дочку хозяина из этой легенды – красавицу Гарумзиму. Чтобы она сохранила девственность для достойного мужа, отец поселил её под самой крышей.

Но засорилась труба, и пришлось вызывать трубочиста.

Вот тут и появился трубочист Зилайс Димантс, которого Георгий рисовал и раньше – в цилиндре, в чёрном костюме, ловкого, и с длинным «ёжиком» в руке.

Для Георгия история про Трубочиста была историей о рижских Ромео и Джульетте. На рисунке Георгия трубочист приставил лестницу к слуховому окну и карабкается вверх, он не знает, что там притаился отец ему на погибель.

На другом рисунке Георгия молодые лежат уже погибшими – Гарумзиме, увидев мёртвого возлюбленного (отец оттолкнул лестницу от стены), выбросилась из окна.

А отца красавицы разбудили коты.

И вот они безутешно мяукают ровно в три часа, когда погибли молодые.

Коты Георгию особенно удались – орут, чёрные, задрав к звёздному небу свои морды.

И смешно, и трагично.

Тем более что «Дом с котами» особенно популярен у туристов.

Предлагались и небольшой выставочный зал, и пояснения к рисункам Георгия в печатном виде, а на крыше – смотровая площадка с флюгером, изображающим фигуру несчастной Заны, которая тоже, как и Гарумзиме, погибла – выход от всех бед нашла, бросившись в море.

Когда Георгий давал пояснения к своему проекту, к его словам прислушивались коллеги, а начальник отдела несколько удивлённо поглядывал то на листы, которые расстилал перед ним Георгий, то на самого молодого архитектора. Удивительной для начальника оказалась и быстрота, с которой новичок справился с заданием, а сверх того он не только дал заключение по проекту, но и предложил новое решение, столь неожиданное.

Неожиданным было и то, что Георгий хорошо рисует.

Проект посмотрели и сослуживцы отдела. Некоторые окрестили его театральной декорацией, некоторые даже решили, что он портит облик старой Риги.

Но то, что этот Вербов не без способностей, признали все.

Юрий Дудко, тоже посмотревший работу Георгия, назвал её удачной и талантливой. Предложил пообедать вместе, а потом взял его с собой в Дом отдыха, где у него была хорошая комната с высоким окном и видом на сосновый бор, за которым начиналось море.

Юрис (так на латышский лад звали Юрия) попутно объяснял Гоше по-дружески, как русскому человеку легче войти в жизнь советской, но всё же со своими особенностями республики.

Выпивали и закусывали в банкетном зале Дома отдыха – бывшего поместья какого-то латышского или немецкого богача. Стояли с бокалами в руках, совсем как на юге Германии или в предгорьях Швейцарии – по крайней мере, воображение Георгия рисовало такую романтическую картинку. Правда, её несколько портили отдельные персонажи корпоратива, одетые в летние рубашки, помятые джинсы и слишком громко смеющиеся.

Заметив, что Георгий косо смотрит на крепкого, спортивного вида человека в клетчатой разлетаке, слишком уж разгорячённого выпивкой, Юрис сказал:

- Это Игорь Стадник, наш партийный вождь.
- По-моему, он уже набрался. Странно, что он у вас вождь.
- Тебе теперь надо говорить «у нас».

К ним подошла молодая женщина, та самая Эльга, которую Юрис представил на лестничной площадке института.

– О чём беседуют наши таланты?

У неё были чувственные губы.

Платье летнее, открывающее её длинную шею и ложбинку между высокими грудями.

– Как вам у нас?

– Нравится, – ответил Георгий. – Не знаю только, придусь ли я к рижскому двору.

– Ещё как придётесь! Если будете гнуть нашу народную линию. Кстати, откуда вы знаете латышскую литературу? Инга мне говорила, что вы ей показали ваши эскизы витражей. На тему Лачплесиса и наших мореходов.

Гоша удивлённо глянул на Юриса.

Действительно, разговарившись с Юрисом за кружкой пива, вспомнили про эпос, который Георгий прочёл ещё в Кручинске, заинтересовавшись прибалтийским фольклором, – он вообще любил читать народные эпосы. Во Фрунзе, например, прочёл несколько песен из Манаса и даже сделал несколько рисунков, когда целое лето провёл в Киргизии, побывав на Иссык-Куле и в горах Ала-Тоо. Выпал ему такой счастливый билет – отец взял сына с собой, когда его пригласили поработать во Фрунзе.

– Прости, Гоша. Инга была у меня, папка с твоими рисунками лежала у меня на столе.

– О, да вы, кажется, смущены, Георгий! Так ответьте на мой вопрос.

– Да что тут отвечать? Я люблю старину. Особенно средневековье.

Подошла Инга Лаубе.

– Легка на помине, – сказал Юрис.

Его роман с Ингой, племянницей Лаубе, начальника отдела, в котором работал он и теперь Георгий, был в самом разгаре.

Инга слышала, что сказал Георгий, и потому сказала, усмехнувшись:

– Рыцарские времена! Как приятно, что есть хоть один человек, который помнит о них!

И она так посмотрела на Юриса, что взгляд её лучше всего сказал о их отношениях.

Юрис был сибиряк – высокий, плечистый, крепко сколоченный.

В Риге он оказался потому, что в годы войны латышская ссыльная мать с ребёнком жила в иркутской деревне у Марии Дудко, тётки Юры. Она и пригрела ссыльных, и после 53-го года, когда ссыльные вернулись на родину, связь их не прекратилась. Вот племян тётки Марии поехал как-то на Рижское взморье, разыскал девочку Лайму, с которой рос, гостил у неё, а потом, после института, приехал в Ригу и здесь сделал успешную карьеру.

– Не выпить ли чего-нибудь покрепче? – предложил Юрис.

– Здесь, кроме этой дешёвой шипучки, ничего нет. Советский местком экономит.

– И блюдет нравственность, – прибавила Эльга.

– Зато у меня есть, – сказал Юрис. – Вы идите во двор. Сейчас время разжигать костёр к тому же. Я быстро.

Двор у Дома архитекторов просторный, ухоженный. Беседка, газоны, подстриженный кустарник, образующий аллеи. На поляне уже разложены сучья для костра, который зажигается на праздник Купалы. Через костёр надо прыгать и не обжечься. Потом искать заветный цветок: у латышей и прибалтов – руну, у карпатов – руту, у русских – папоротник, у других народов – свой заветный цветок, который, если найдёшь, даст тебе любимого. У русских в купальную ночь вообще можно было любить кого хочешь, если поймаешь её, свою нагую русалочку.

Юрис принёс коньяк, выпили.

К ним пристраивались разные сослуживцы, первым оказался партийный вождь, бесцеремонно выхвативший у Георгия фужер.

– Наливай, Юрок, не скупись!

Юрис не скупился.

Бойкий Стадник, выпив, сунул фужер Георгию и, задрвав джинсы, побегал к уже вспыхнувшему костру.

Через него, раскорячившись, он перепрыгнул.
– А ты? – спросила Инга Юриса.
– Погоди, мне не хочется, задрав штаны, бежать вослед за этим комсомолом, – процитировал он строку из стихов Есенина.
– Боишься? – подзадорила его Инга.
– Даю костру разгореться.
Костёр и впрямь разгорелся.
Пламя высоко вздымалось вверх.
Ветер шевелил его.
Юрис отдал бутылку Гоше.
– Юрис! – попыталась остановить его Эльга.
А Инга побледнела.
Потому что Юрис, выйдя на поляну, пригнулся, подготовив своё большое тело к прыжку.
– Остановите его! – не выдержав, крикнула Инга.
Но Юрис ещё ниже пригнулся, как опытный стайер перед забегом, и побежал вперёд.
Оттолкнувшись от земли, он высоко поднялся, перебирая ногами, как прыгун в длину, и перемахнул через огонь.
– Bravo! – крикнуло сразу несколько человек.
Юрис подошёл к своим, победно посмотрел на Ингу.
Гоша вручил ему свой фужер и налил в него коньяк.
– Приз! А теперь попробую я.
Пламя костра не уменьшилось.
Юрис с опаской посмотрел на Гошу.
– Не высоко для тебя?
Георгий вышел на поляну.
Отставил правую ногу назад, посильнее упершись ею в траву.
На него смотрели сослуживцы, замерев.
– Воды принесите! – крикнул кто-то. – Обожжётся!
Но Георгий уже бежал вперёд, прикидывая, где надо посильнее оттолкнуться от земли.
Оттолкнулся, перелетел через огонь, упал на траву, тут же поднявшись.
Кто-то охнул.
Кто-то крикнул: «Ура!»
Георгий, отряхивая траву, обошёл костёр, возвращаясь с победой.
Лицо его было в полосах копоти. И летние светлые брюки закоптились внизу, опалённые.
– Господи! – Эльга вынула из сумочки платок, стала вытирать Гоше лицо. – Не обжётся?
– Где мой приз? – спросил Георгий.
Юрис наполнил фужер и дал его Гоше.
– Вы и в самом деле рыцари, – сказала Эльга.
Она сейчас была очень хороша собой.
– Предлагаю пойти купнуться, – предложил Юрис.
– А купальники? – спросила Эльга.
– Подготовлены. – Инга шутливо толкнула Юриса в плечо, показывая этим, что он заслужил её расположение.

Глава пятая

ЯНОВ ДЕНЬ

Море лежало перед ними – спокойное, тихое, просторное. Луна посеребрила свою дорожку. пляжные фонари на столбах горели тускло, освещая лишь небольшое пространство у скамеек. Ни ветерка.

Эта тишина и покой находились в полном контрасте с теми чувствами, которые Георгий ощущал в своей груди. Он боялся, что новые знакомые заметят его волнение, и потому быстро разделся и побежал к воде, стремясь поскорее остудиться и унять беспокойство, завладевшее им.

Вода холодная, и, чтобы быстрее привыкнуть к ней, надо поскорее окунуться. Но как это сделать, если здесь мель чуть ли не на километр. Он убыстрил шаг, подпрыгивая, но мель всё не кончалась.

Вдруг почувствовал брызги холодной воды на спине. Оглянулся и увидел смеющуюся Эльгу. Не успел он опомниться, как она вновь плеснула на него, а потом ещё и ещё.

Он двинулся к ней, намереваясь тоже окатить её, но она сама приблизилась к нему, продолжая осыпать его пригоршнями брызг.

Они сблизились, Георгий обхватил её за талию. Она не удержалась на ногах, и они упали.

Отфыркиваясь, Георгий поднял голову, увидел её смеющееся лицо в каплях серебристой воды.

Они упали как раз на лунную дорожку.

– Как в детском бассейне! – сказал он, сидя на песке.

– Так и есть! – Она неожиданно взяла его за голову, надавила на неё и постаралась подольше подержать её под водой.

Он с трудом вырвался, и, пока очухивался, она успела вскочить и, подпрыгивая, побежала вперёд.

Брызги летели во все стороны, серебрились, мерцали, как и её тело – сейчас голубовато-призрачное, справа и слева прикрытое чернотой моря.

Надо бежать вперёд, чтобы наконец поплыть.

Но он замер, продолжая наблюдать нечто загадочно-прекрасное, что внезапно открылось перед ним.

– Что же ты стоишь, Гоша? – Юрис догнал и обогнал его, широко шагая и отгребая воду своими мощными ногами.

– Вперёд!

Гоша пошёл за ним. Наконец вода стала доходить до груди, и он поплыл.

Он хотел догнать Эльгу, но она исчезла из видимости.

Будто море поглотило её.

Он вертелся в воде, глядя в разные стороны, но всё не мог увидеть её.

– Эльга! – громко крикнул он. – Эльга!

Всё напрасно.

Поплыл вперёд, быстрее и быстрее.

Опять крикнул, вертясь и глядя в разные стороны.

Вдруг позади него чего-то булькнуло.

Он оглянулся и увидел её лицо.

Она подплыла к нему.

– Хорошо, что умеешь плавать. А то я тебя хотела утопить.

Он засмеялся.

– Слабо тебе. Я ведь вырос на Волге.

– Да? А вот сейчас посмотрим.

Её голова в купальной шапочке оказалась рядом.

Она обхватила его и потянула ко дну.

И здесь было достаточно мелко, так что они встали на песчаное дно, тесно прижавшись друг к другу.

Она нашла губами его губы.

Поцелуй оказался томительно-долгим.

Когда он очнулся, то прерывисто дышал, жадно глотая воздух.

Эльга уже плыла к берегу.

Взмахи её рук были мужскими, сильными.

Георгий бросился в погоню.

На берегу растёрлись мохнатыми полотенцами, вернулись в Дом архитектора.

На первом этаже, в комнате, неподалёку от банкетного зала, пели латышскую песню.

– Узнаю голос папочки, – сказал Юрис Инге.

– Можем зайти.

– Ну уж нет. Наверняка пьют настойку собственного приготовления. Из крыжовника. Терпеть не могу.

– Однако пил и хвалил.

Инга поднималась по ступенькам, а Юрис подталкивал её.

– Я ему сказал, что крыжовник – ягода символическая. А он принял это за комплимент. Представляешь? Потому что Чехова не читал.

У Юриса оказалась ещё одна бутылочка. Была и закуска – к празднику этому, как понял Георгий, подготовились капитально. Если бы он знал, что этот праздник значит для латышей так много, то он бы тоже подготовился, не чувствовал бы себя скованно.

Но сейчас он думал не о том, что он на чужом пиру, а совсем о другом.

Эльга держалась так, как будто ничего не случилось. Выпивала по глоточку, закусывала долькой лимончика, шоколадкой, шутила, смотря на Гошу, лишь когда он что-то говорил. А говорил он отрывочно, большей частью междометиями. Лишь когда речь опять зашла о Яне Райнисе и его проекте, он сказал, что к поэзии его с детства приучила мама. Она филолог, преподаёт литературу в университете, это по её наводке он знает и про Манаса, и про Лачплесиса. Знает и про Нибелунгов, а про рыцарей, о которых упомянула Эльга, узнал ещё со школьной скамьи. Между прочим, книгу о доблестном рыцаре Айвенго купил именно в Риге.

– А кто твой отец? Тоже профессор? – спросила Эльга.

– Нет, он журналист.

– Пишет про искусство?

– Нет, он очеркист. Но пишет и рецензии.

– О художниках? – допытывалась Эльга.

– И о них тоже.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – съязвила Инга, почувствовав излишнюю заинтересованность подруги.

– Многое, – невозмутимо ответила Эльга. – Его эрудиция, например. Уверена, что он не только умеет проектировать и рисовать, но ещё и стихи пишет. Потому что в поэзии начитан. Так, Гоша?

Все почувствовали издёвку в голосе Эльги.

– Допустим, пишу. Объясни, чем это плохо.

– Пожалуйста.

Эльга сидела в кресле, нога на ногу, в одной руке бокал с коньяком, который она время от времени пригубляла, в другой – сигарета, вставленная в длинный мундштук.

Совсем другая Эльга. Не та, что заходила в море по лунной дорожке, и серебристые брызги, похожие на жемчужины, летели от неё в тёмное море.

Не та, что, прижавшись к нему, целовала.

А какая-то другая, почти вульгарная женщина.

Он напряжённо смотрел на неё, ожидая, что она скажет.

Вот она потушила сигарету, допила коньяк.

– Поэты – пропащие люди, если они настоящие поэты. И это тебе хорошо известно. – Она посмотрела на Ингу. – Как мы разместимся? Об этом ты подумала?

– Естественно. Мы с тобой пойдём к дяде, у него две комнаты. А Георгий останется здесь.

Глава шестая

«УБЕРИТЕ ЛЕНИНА С ДЕНЕГ»

«Вей, ветерок» прошумел, пахнул и холодный ветер – в прямом и переносном смысле. Потому что проверка Георгия продолжилась. Теперь ему давали обычные рутинные задания, от которых он бежал из Кручинска. Какое может быть творчество, если надо работать по типовым проектам, по тем самым зданиям, которые стали вырастать по всей стране великой от Балтики и до Сахалина. Даже в зажиточных сельских поселениях пытались в качестве «достижений народного хозяйства» построить «пятиэтажки» – «хрущёвки», как окрестил их народ. Переселение деревенских жителей в эти дома «победившего социализма» обернулось драмой, а то и трагедией. Потому что жизнь в новостройках лишала селян огородов и садов – главного средства для жизни простого народа. К одиноким «хрущёвкам» на селе не подводились очистительные коммуникации. Дома торчали в деревнях и сёлах как искусственные зубы, окружённые канавами и ямами, куда сливались нечистоты.

В Риге новый микрорайон возник у озера Югла, по северному берегу, поросшему сосновым бором, и поэтому картина здесь получилась пристойная, даже привлекательная. Но всё равно и здесь стандарт убивал ту неповторимость жилой застройки, которую несли старые, особенно средневековые части города.

Георгию пришлось доводить до ума именно сельскую «хрущёвку» в одном из близких к Риге районов.

Это испытание оказалось труднее первого, потому что нелепость строительства пятиэтажки в этом селе казалась слишком вопиющей.

Георгий столкнулся здесь не только с неприязнью коренных жителей к новшествам, которые принесла советская власть, но и лицемерием, которое выдавалось за гостеприимство местным начальством. Он ввязался в тяжбу с директором совхоза «Путь Ленина», который наотрез отказывался взяться за претворение в жизнь предложений Георгия. Дело касалось канализационных работ. Георгий представил проект по отводному каналу, который приводил бы к местной речке. Вдоль канала он нарисовал деревья, укрывшие его. От деревьев проложил аллею к местному скверу, там нарисовал скамейки у клумб с цветами, а в центре поставил вместо маленького, даже в чём-то

смешного памятника Ленину фонтан с фигурой девушки. Она-то и вызвала недоумение председателя совхоза и гнев местного секретаря парткома.

Дело дошло до райкома партии, потому что Георгий не собирался сдаваться. Лаубе вынужден был доложить о конфликте директору института. Тот, чуть посмеиваясь, не увидел в проекте Георгия ничего плохого. Подивился смелости русского молодца, который посягнул убрать памятник Ленину, пусть и неказистый. Предложил послать на заседание райкома кого-нибудь из отдела в поддержку Георгия. Снисходительность директора института Гунара Юлиановича Эглитиса к молодому архитектору заключалась в том, что в душе терпеть не мог людей, вроде руководства совхоза «Путь Ленина», которые, мягко говоря, не любили советскую власть, а на людях показывали непоколебимую верность ей.

На беду начальству совхоза и Георгия, на заседании райкома партии оказался газетчик Люсьен Фрумкин, который рассказал (в красках) эту забавную историю своему приятелю с республиканского телевидения Якавсу Шеркасу (Якову Шеру), известному в Риге комментатору, любившему «горячие» новости. Сначала появилась информация, а после возникла и передача, на которую Гунар Юлианович отправил Лаубе и Георгия.

Лаубе от передачи отбился, послав вместо себя секретаря парторганизации Стадника. В поддержку Георгия отправил ещё Юриса Дудко, как человека, который подружился с Вербовым и даже поселил у себя в комнате Дома архитекторов. Георгий, как оказалось, живёт не у тётки в Риге, а снимает убогую комнатку в Дубултах.

И вот наступил памятный Георгию день поздней осени.

Шеркас напутствовал участников передачи приветственными словами, объясняя по-русски и по-латышски, что говорить надо не стесняясь, сейчас такое время – глас народа должен быть услышан. Обращаясь к сельским товарищам, он сказал, что, если им трудно высказаться по-русски, пусть говорят по-латышски – он переведёт.

К Георгию он нагнулся заговорщически:

– Палку не перегибайте, Жора. Как условились: смело, но осторожно. Вы меня поняли?

– Я же вас просил не называть меня Жорой. Я – Георгий.

– Да, извини, я теперь запомнил.

Шеркас был худ, с лицом, на котором была как бы приклеенная улыбка. Зубы большие, белые, бакенбарды колбасками, волосы гладко причёсаны, чуть напомажены. Одет он в клетчатый пиджак, галстук-бабочка всегда в цвет пиджакам, которые он часто менял, в зависимости от содержания передачи. Если весёлая – галстук весёлый, цветной, если серьёзная тема – чёрный к чёрному пиджаку, и так далее. Но чаще всего пиджак был именно клетчатый – наверное, в подражание персонажу из «Мастера и Маргариты», романа Булгакова.

Когда ему говорили об этом, он лишь широко улыбался и отвечал с загадкой в голосе:

– Может быть, может быть...

Зажглись осветительные приборы, передача началась.

Кратко изложив суть передачи, Шеркас обратился к председателю совхоза Туминасу:

– Гирт Модестович, вы же говорили, что многоэтажный дом в совхозе – это знак сегодняшнего, когда-то захолустного хутора. Но вот дом почти построили, а в вашем хозяйстве недовольство. В чём оно?

– Недовольства нет. Есть неувязки.

Туминас, парадно одетый в чёрный костюм и белую рубашку с галстуком, строгий, не привыкший рассуждать долго, а дело делать, сурово посмотрел на Шеркаса.

– А какие неувязки?

– В сантехнике.

– А именно?

– Нужны отводные трубы. Но на них пока денег нет.

– А будут? В обозримом будущем, как мне стало известно, таких средств не предвидится. Так?

– Так.

– Тогда зачем же, позволительно спросить, стали строить в селе многоэтажку?

Туминас пожал плечами.

– У вас нет ответа, Гирт Модестович?

Туминас опять пожал плечами, но всё же ответил:

– Этот вопрос не ко мне. Есть начальство повыше.

– Ага, – оживился Шеркас, – вот у меня распоряжение республиканского министерства... Вот одобрение районного партактива... А вот и совхозного собрания... Ваша подпись первая... Как же вы могли ставить подпись, понимая, что многоэтажный дом в деревне не нужен?

Документы показывали крупным планом.

Лицо Туминаса становилось всё мрачнее.

– Можно сказать, что вас заставили одобрить это никому ненужное строительство?

– Нет, так не скажу. Новое дело... Казалось полезным...

Шеркас сделал понимающее лицо. Кивнул, развёл руками. Мол, приказ, куда от него деться...

В это время показали недостроенную многоэтажку.

Выглядела она уродливо.

– А что скажете вы, Владимир Андреевич? – обратился он к Стаднику. – Как специалист, вы бы могли остановить этот проект? Видя его полную непригодность к местным условиям?

– Я бы так не сказал, – решительно ответил Стадник. – Мы знаем немало примеров, когда современное село приобретает новый, замечательный облик. Возникают агрогорода – на Ставрополье, например. Да и в других областях и республиках нашей страны...

– Но ведь у каждой республики есть свои традиции, свой сложившийся столетиями уклад, – перебил его Шеркас. – У нас Латвия, степей, как в Ставрополье, нет. И казаков, извините, нет.

– Но я не о том...

– А я вот о том как раз. Проект ваш институт дал закончить архитектору Вербову. Вы взялись за него, Георгий. И что получилось?

– Пока мало чего. Пока мои предложения только на бумаге.

– Интересно. Покажите.

Георгий показал листы, пояснил, как будет выглядеть дом – на торце его он нарисовал девушку, заходящую в море – воспоминанье о Эльге не оставляло его.

Показал, где пройдёт канал, как он будет благоустроен. Дошёл до сквера с фонтаном...

– Вот тут давайте остановимся. Здесь стоит памятник Владимиру Ильичу Ленину. Почему вы предлагаете убрать его, заменив какой-то девушкой?

– Во-первых, не какой-то, а героиней латышского народного эпоса о Лачплесисе. Кто такая Спидола, вы знаете? – спросил он, пристально глядя на Шеркаса.

– Кто ж не знает! Так наш известный всей стране транзистор назвали.

– Вот именно, транзистор. А что это волшебница, ведьма даже – и вы не знаете. Именно она полюбила Лачплесиса. И под силой любви Спидола превратилась в творящее добро красавицу. Но она, как и положено в народных сказаниях, не может пробиться к герою, уходит в море...

– Красиво, красиво, Георгий, – Шеркас улыбался, но улыбка вышла не без ядовитости. – Но позвольте вас спросить, почему ваша красавица встанет на место Ленина? Ведь совхоз называется «Путь Ленина».

Последние слова Шеркас подчеркнул голосом.

Георгий ждал этого вопроса. Они обговорили ответ с Юрисом.

– Мне уже задавали этот вопрос. Место памятника не здесь. А вот здесь, на небольшой площади, которую я предлагаю создать напротив правления совхоза. Небольшая площадь – для торжественных мероприятий. И памятник должен быть посolidнее. Да и выполнен он должен быть профессионально.

– Так это же ваши мечты! Где такие деньги у совхоза, когда и эту никому не нужную «хрущёвку» они не могут достроить?

– Мечтать не вредно. Вредно не мечтать, – вступил в разговор Юрис. – У нас должна быть перспектива. Пусть пока на бумаге. Но можно у правления установить стенд, показать людям, какое у них будет поселение. Которым можно будет гордиться. Не так ли, Гирт Модестович? С умом больше сделаешь, чем одной силой, – закончил Юрис латышской поговоркой по-латышски.

Туминас заулыбался.

– Да я разве против. Нам бы только техники побольше, да новенькой, из Ростова, к примеру. Так мы бы и на эту Спидолу заработали!

Засмеялся даже Стадник.

– А мы вам поможем, чем можем! Со Спидолой наш молодой талант несколько перегнул, но идея сама по себе неплохая. Всё же на первое место поставим Ленина, а потом займёмся Спидолой.

Надо бы Георгию промолчать, но он в подобных случаях не сдерживался со студенческой скамьи.

– Мне сейчас вспомнилось стихотворение нашего замечательного поэта Андрея Вознесенского. Он написал:

*Я не знаю, как это сделать,
Но, товарищи из ЦКа,
Уберите Ленина с денег,
Слишком эта цена высока.*

Читал Георгий хорошо и вспомнил стихи, кстати, окончательно поставив и Шеркаса, и Стадника на место.

– Если мы действительно любим Ленина, то прав поэт. Нельзя мусолить его изображение пьяными пальцами. Нельзя ставить такие памятники, как тот, который вы видели.

Шеркас опомнился.

Передача, которую он надеялся сделать в обвинение глупости советской власти, получилась совсем иной.

– К сожалению, наше время подошло к концу. Надеюсь, что мы ещё встретимся с вами, молодые наши архитекторы. Тем более что вы, оказы-

вается, ещё и поэты. Помечтаем вместе! – И он улыбнулся своей привычно-сладенькой улыбкой.

Глава седьмая

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

Юрис пригласил Георгия на прогулку по морю на своём катере.

Катер с каютой вмещает четырёх человек, при желании и шестерых, как это получилось сегодня, прощальным днём осени.

Светило неяркое солнце, катер резво шёл довольно далеко от пляжных курортных мест. Волна весело пенилась за кормой, свежий ветер обдувал лица, и хорошо было чувствовать и свежесть моря, и его тёмно-синий простор.

За штурвалом стоял Юрис, его чубчик вился на ветру. Рядом с ним стояла Инга, и он время от времени давал ей порудить. К штурвалу тянулся и малыш Альгис, сын Эльги, пяти лет.

Инга, получив управление катером, допускала мальчишку к штурвалу, крепко прижимая ладони малыша своими длинными пальцами.

Катер можно было бы назвать и яхтой, если бы его оборудовать покомфортнее, поставить помощнее мотор, а может, и парус.

Юрис всё собирался это предпринять, но вот опять лето прошло, а катер «Leda» так и остался с этим же названием, хотя Юрис грозился переименовать его в «Inga» и переоборудовать.

За дальним мысом катер взял курс к берегу, к тому месту, где у Юриса и его друзей было своё место под соснами.

На этот раз в компании были Эльга, Лаубе и приглашённый Георгий.

Причалили, натянули концы палатки к вбитым в землю колышкам, установили жаровню для барбекю и треногу для чайника.

Юрис всё делал привычно быстро, отдавал команды. Ему охотно помогали все, кроме Генриха Лаубе, который подставлял лицо солнцу, улыбаясь и потягиваясь.

Очки на этот раз у него были особенные – к дужкам оправы прикреплялись светло-розовые крылышки, которые опускались и поднимались на шарнирчиках, закрывая и открывая основные стёкла.

Генрих Теодорович был в соломенной шляпе, комбинезоне, надетом уже не на привычную клетчатую рубашку с подлокотниками, а в куртку из зелёной прорезиненной ткани.

Лаубе благодушествовал, поглядывая на молодёжь и рассеянно улыбаясь.

Юрис подложил под жаровню заранее приготовленные полешки, наказав Георгию набрать хворосту, и принялся жарить мясо.

Георгий, увидев, что Эльга тоже пошла за хворостом, отправился за ней к кустарнику, росшему перед сосновым бором.

– Эльга, – окликнул он.

Она подняла голову, посмотрев на него так, словно ничего между ними и не было той Яновой ночью. Будто и на работе она не замечала, что несколько раз он пытался с ней заговорить, но она всё время находила какие-то причины, чтобы избежать встреч с ним один на один.

На ней цветастая косынка, из-под неё выглядывает льняная чёлка. Одета в спортивный синий костюм, под цвет глаз.

– Почему ты избегаешь меня? – напрямую спросил он. – Чем я провинился?

- Я? – удивлённо ответила она. – С чего это ты взял?
Она смотрела на него невинными насмешливыми глазами.
- Перестань, прошу тебя. Ты же в упор не видишь меня.
- Новости! По-моему, у тебя вырабатывается мания величия.
- Мания? Величия?
- Ну да. Ты же теперь телезвезда.
- Господи! Насильно воткнули меня в эту передачу. А теперь носом в неё кто только меня не тычет! Такую бадягу, оказывается, все в институте посмотрели.
- Бадягу? Объясни, что это такое. И подними вон ту корягу. – Она указала на лежащий на песке обрубок.
- Бадяга... это... ну, в общем, ерунда, пустяки.
- Ерунда? Пустяки? – передразнила она. – Убрать памятник Ленину? Ха! Да ещё стишок какой-то антисоветский приплёл.
- Да что такое? Я совсем про другое говорил!
- Про другое? Да ты читал ли, что в «Ригас балс» напечатали? Тебя что, Юлиан не вызывал на ковёр?
- Юлианом между собой звали Гунара Юлиановича, директора института, подспудно имея в виду императора Византии Юлиана Отступника, который на время вернул языческие культы вместо христианства.
- Глупость! Ну, если даже и так, то что же здесь крамольного? Ты такая советская-рассоветская, что из-за моей реплики здороваться со мной прекратила?
- Я к тебе как относилась, так и отношусь... Как ко всем.
- Как ко всем? Значит, ничего с нами не было? В ту ночь, на Купала?
- А что было-то? – Она выпрямилась, лицо стало серьёзным.
- Вот как... А я-то, дурак, нафантазировал, значит, невесть что.
- Ты слишком многое о себе думаешь, Георгий. Только начинаешь у нас работать... А уже... нос кверху! Идём, нас ждут.
- И она направилась к костру и палатке.
- Георгий двинулся следом.
- «Значит, так. Пококетничали с тобой, парень, – подумал он. – Мало тебя по носу били. Мало!»
- Походный столик уже был накрыт.
- Выпили по рюмочке, закусили овощами, шутили, подсмеивались над Юрисом, который просто профессионально жарил мясо и заслуживал не шуток, а похвалы. Их он дождался, когда приступили к умело зажаренному мясу, потом ещё выпили, потом был ароматный, душистый чай.
- Лаубе предложил Георгию прогуляться вдоль кромки моря и взял его под руку.
- Лицо его стало серьёзным, он значительно посмотрел на Георгия.
- Фидите ли, молодой челофек, мне надлежит с вами погофорить серьёзно. – Он коверкал русские слова, так и не научившись правильно произносить их.
- Слушаю вас внимательно, Генрих Теодорович.
- Фот на той передаче, по телефидению...
- «Опять!» – с досадой подумал Георгий и глянул на Лаубе – невольно сверху вниз.
- Не удифляйтесь, передачей зинтересофались там... – И он показал пальцем вверх.
- И что?

– Понимаеть, теперь будет собраний всего коллектива. Так там решил. – Он опять показал пальцем вверх. – И уфажаемый Гунар Юлиано-фич пософетофаль мне поговорить с фамаи.

Говорил он довольно долго, временами улыбаясь. Временами снова делая начальственное лицо, очки поднимал на лоб, и тогда Георгий видел зоркие маленькие глаза, буравящие его.

Опускал очки, прятал глаза.

Суть его речи сводилась к тому, что Георгию надлежит обязательно выступить и более мягко объяснить суть своего выступления. Время сейчас бурное, перестройка, но всё же надо высказаться более определённо.

– То есть покаяться? – сказал Георгий, терпеливо выслушав Лаубе.

– Нет, ни в коем случае! Надо быть дипломатом.

– И вашим, и нашим, – съязвил Георгий.

– Фи умный челофек, Георгий. Нашим – значит Латвия, так? Вашим – это слишком много политика. Надо, чтобы больше о челофেকে думать. Фи умеете это сказать, понимаеть?

– Да, понимаю. Я же об этом говорил и сейчас повторю. Не беспокойтесь, я найду слова – дипломатические, так?

– Так, так, – заулыбался Лаубе. – Я сразу понимал, что фи наш челофек, – он говорил не как начальник, а скорее как заискивающий почему-то перед Георгием человек. – Наш собраний будут показывать по телевидений.

– Вот в чём дело! Не беспокойтесь, у меня есть некоторый опыт... Я смогу.

– Не сомнефаюсь, – быстро сказал Лаубе, поворачиваясь и идя теперь вдоль кромки моря к месту, где они устроили стоянку. – Но не забыфайте – дипломатия!

Некоторое время они шли молча, потом Лаубе, словно что-то вспомнив, сказал:

– Да вот, забыль спросить... Как у фас с жильём?

– Юрис помог найти комнату. Хозяйка почтенная дама.

– Почтенная дама! – Лаубе опять засмеялся. – Но фсё же... хозяйка! А фам, как челофек тфорческий, нужен сфой жилище... Этот фопрос скоро будет решать... Я буду за фас голософать! – И Лаубе опять засмеялся, растягивая свои длинные губы.

Потом опустил защитные крылышки на своих очках и степенно пошёл от моря к палатке, оставив Георгия одного.

«Что же все они хотят от меня? – подумал Георгий. – И Эльга ведь тоже не зря заговорила о передаче... и статьях... Мне же Юрис показывал реплику в «Советской Латвии» и заметку из «Ригас балс» перевёл... Лаубе квартиру посулил! Это всё одно к одному... Зачем?»

Он заметил, что Альгис, забытый всеми, сидит и бессмысленно сыплет песок на горку.

Георгий подошёл к малышу.

Набрал в пригоршни воды и полил горку Альгиса.

Сел рядом.

– А давай построим что-нибудь, – сказал он. – Например, замок.

Альгис недоверчиво посмотрел на Георгия.

– Из песка?

– А мы сначала сделаем замес.

Он закатал рукава джинсовой куртки и стал месить прибрежный песок с водой как тесто.

– Вот здесь у нас с тобой будет пороховая башня. Как в Риге. Ты её, конечно, знаешь.

Альгис кивнул.

– От башни протянем защитную стену... Принеси-ка веточек для укрепления стены... И камешки набери.

Пока Альгис бегал за ветками, Георгий успел вылепить довольно большую стену из песка. Вставил в неё камешки.

Попросил Альгиса продолжать строить стену, а сам принялся лепить один домик, потом второй.

– А в башне есть комнаты. Поэтому сделаем с тобой не только бойницы, но и окошко на самом верху башни. Согласен?

Альгис опять кивнул, всё более увлекаясь игрой.

Георгий и сам увлёкся, продолжая строить теперь не только маленькие домики, но и замок – с въездными воротами, со рвом перед ними, с мостом через ров.

Альгис преобразился – из аккуратного, причёсанного как белокурый принц, он стал живым мальчишкой, запачканным глиной и песком.

– А теперь решим, кто будет в замке обороняться от врагов. Ну, кто у нас самый главный в замке?

– Король!

– Нет, он уехал на Святую Землю спасать Иерусалим. И тайно возвращается под видом Чёрного Рыцаря.

– Чёрный Рыцарь! Я знаю!

– Его зовут рыцарь... ну, как?

– Рыцарь... рыцарь...

– Львиное Сердце, – подсказал Георгий.

– Да! Я фильм смотрел!

– Точно, есть такой фильм. Но прежде всего вспомним о книжке – книга называется «Айвенго».

В это время Георгий слепил небольшого коня, сделав ему ноги из веток.

Посадил на него всадника.

Обозначил ему палочкой по глине доспехи.

Дал в руку копьё из спички.

Потом стал лепить такого же второго всадника на коне.

Его первый учитель, Николай Иванович Садковой, говорил, чтобы стать настоящим архитектором, надо уметь рисовать, лепить, строить. Вот три кита, которые делают специалиста высокого класса. А Георгий и хотел стать таким.

– Два рыцаря сходятся. Поединок. У одного из них на щите написано: «Лишённый наследства». Это доблестный рыцарь Айвенго.

Второй – Бриан де Буагильбер. Это рыцарь без чести – в общем, плохиш. Айвенго, если победит, то выберет даму красоты и любви сердца. Это его возлюбленная Ровена. Сейчас мы её слепим... Минутку, вот из моего платка мы сделаем ей красивое платье... А на голову ей наденем корону... Давай сделаем её из кожуры лимона... Не спеши, корона должна быть с зубчиками...

Они так увлеклись игрой, что не заметили, как сзади подошли Эльга и Лаубе.

– Айвенго – это твой рыцарь. – Георгий дал малышу глиняного рыцаря. Поднял своего и направил его копьё прямо в сердце противника. – Ну, а ты бей копьём в ненавистного Бриана! Подожди... Давай я подожгу спички в тот момент, когда копьё ударятся о щиты!

Он так и сделал.

– Сильней! – крикнул он. – Копья трещат! Оба рыцаря слетают с коней! Так! Но вот Айвенго встаёт. Несёт венок к ногам Ровены. Он в крови! Но его победа!

Он поднял руку мальчишки с остатком игрушки вверх.

И тут увидел Эльгу.

Она странно улыбалась, смотря то на сына, орущего «ура!», то на Георгия.

Потом, словно очнувшись, подошла к Альгису, стряхивая с него песок и кусочки глины.

– На кого ты похож! – запрочитала она по-латышски. – Весь перемазался! Приведи себя в порядок!

Стала поправлять ему курточку, джинсы, продолжая отчитывать.

– А ты? – обратилась она к Георгию. – Что со своими джинсами сделал? В них теперь ходить нельзя!

– Почему? – Георгий стал отряхиваться. Костюм его, перепачканный местами, даже намок. – Ерунда, подсохнет.

– Какой у фас получился замок прекрасный! – Лаубе даже похлопал в ладоши. – Настоящий Эльсинор!

– Нет, Эльсинор в Дании. А это Англия, Замок Ротервуд.

Волны тихонько накатывали на стены замка, подмывая их.

Эльга взяла сына за руку и хотела повести его к палатке.

Альгис вырвался.

– Мы же играем! – крикнул он по-латышски. – Не мешай!

– Это ещё что такое? – строго сказала Эльга и снова взяла сына за руку.

Но он опять вырвался, приготовившись зареветь.

– Подожди, Эльга. Дай хоть пару слов сказать в завершение игры, – вступился за мальчишку Георгий. – Альгис, это всё из песка, через пару часов исчезнет. Вот если мама разрешит, мы с тобой построим замок из картона. Даже из дерева. Надёжный и прекрасный. Повесим флаг на башне, как положено. А к воротам прикрепим щит с гербом. Ты его должен сам придумать. Идёт?

Альгис оживился.

– А когда... ты придёшь?

– С мамой договоримся. А сейчас идём. Домой пора, нас зовут.

И вправду – им махали руками, призывая собираться в обратный путь.

Альгис обвёл прощальным взглядом всё, что построили они из песка и на песке. И только после этого, сам взяв Георгия за руку, повёл его к палатке.

Глава восьмая

«ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ»

Нельзя сказать, что Георгий не готовился к своему выступлению. Он по своей привычке, к которой приучил его отец, обдумывал предстоящее с вечера, когда оставался один. Прочитывал то, что предстояло сказать завтра, подготавливая себя к важным событиям в своей жизни. Например, к защите диплома или своего проекта в особо ответственных инстанциях.

Но в этот раз, припоминая свои разговоры и с Эльгой, и особенно с Лаубе, он пришёл к выводу, что его почему-то выбрали кем-то вроде козла отпущения. Он русский молодой специалист с красным дипломом, начал

успешно работать у себя в Кручинске. Здесь, в Риге, тоже хорошо зарекомендовал себя. Вот он пусть и прояснит промахи советской власти, которая не учитывает специфики прибалтийской республики, допускает ошибки, порой очень серьёзные. Пусть выступит смело, но с дипломатической осторожностью, о которой так настойчиво говорил Лаубе.

Но как совместить смелость и осторожность?

Это ведь две вещи несовместные.

Прикидывая так и эдак своё выступление, он наконец перестал думать о своих первых впечатлениях здесь, в Риге.

Махнул рукой и решил: что будет, то и будет.

Георгий не понимал тогда, что поступил совершенно правильно, положившись на волю Божью. О Боге он, разумеется, и не думал вовсе и не знал, что за него молится не только мать, но и другие люди, о которых он узнал позже.

Утром того осеннего дня он встал, привёл себя в порядок, надел чистую белую рубашку, светло-зелёный джемпер, который связала мама, выгладил чёрные парадные брюки, надел кожаную чёрную куртку, перешитую мамой из отцовского пальто, и приехал в институт ровно к началу собрания.

Собрание устроили в главном зале, достаточно просторном, официально торжественном сейчас, хорошо освещённом телевизионщиками. То, что будет прямая трансляция, особенно модная во времена гласности и перестройки, будоражило воображение многих и многих людей, которые почувствовали себя словно на сцене и оттого впадали большей частью в совершенно несвойственное им состояние.

Открыл собрание Гунар Юлианович, представил секретаря ЦК Латвии Герарда Францевича Клаудиньша, рослого, седовласого человека, с лицом, как бы отрешённым от суеты и людей, собравшихся в зале. Гунар Юлианович тоже имел начальственный вид, но по сравнению с Клаудиньшем он явно выглядел мельче, не столь значительно, как партийный лидер.

Особенно это стало заметно, когда директор института начал своё выступление, перечисляя достигнутые успехи и отмечая некоторые недостатки.

Затем, как водится, выступили начальники помельче, дошло дело и до записного оратора Сёмы Мотыля, который в меру мог подперчить, пошутить и даже вызвать аплодисменты в зале.

Дошла очередь и до секретаря парткома Стадника. И тут он впервые коснулся инцидента с проектом в совхозе «Путь Ленина» и дал оценку некорректному, как он выразился, выступлению молодого специалиста Вербова и его проекту по стройке в совхозе. Упомянул он и про памятник Ленину, назвав неуместным цитирование явно провокационного стихотворения поэта Вознесенского. На денежных купюрах принято печатать портреты вождей – так ведётся от века среди малых и больших государств. Зачем же убирать Ленина с денег, ведь Ленин – вождь мирового пролетариата и нашей многонациональной страны.

В зале поднялся лёгкий шум, который походил на звуки растревоженного улья. Яков Шеркас вёл комментарий за кадром. Режиссёр, руководивший трансляцией передачи, показал в это время и недостроенную многоэтажку в совхозе, и лица Юриса Дудко и Георгия Вербова.

Наконец дали слово и Георгию.

Он шёл к трибуне, совершенно не зная, о чём будет говорить. Голова словно пустая, с отсутствием хотя бы одной мысли.

Обычно, когда у него возникали похожие ситуации, он, идя к трибуне, уже знал, с чего начать выступление.

А тут – пустота, дыра в голове, да и только.
 Он посмотрел на президиум собрания. Увидел лицо секретаря ЦК.
 Потом посмотрел на притихший зал.
 Отыскал лицо, нужное ему для разговора – так учил его отец.
 И слова придут сами, убеждал он.
 Георгий нашёл лицо Эльги и подумал, что надо объяснять ей, о чём думал всё последнее время.
 И не только в Риге, но и дома, в Кручинске.
 И тут словно кто-то подсказал ему, с чего начать.

*Духовной жаждою томим,
 В пустыне мрачной я влачился,
 И шестикрылый Серафим
 На перепутье мне явился, –*

неожданно для самого себя сказал он.
 «Пророка» Пушкина он не читал со школьной скамьи, но строки великого стихотворения, поразившие его в юности, покорно возникали в памяти – естественно, сами собой.
 И он стал говорить о жажде творчества, по которой истосковалась не только его душа.
 Эльга слушала его напряжённо, кажется, даже перестав дышать.
 И зал слушал его слова с интересом.
 Было видно, что Георгий говорит от сердца.
 Вот он вспомнил, что Вера Мухина, создатель великого монумента «Рабочий и Колхозница», по рождению рижанка.
 И Сергей Эйзенштейн, признанный во всём мире великим кинорежиссёром, тоже рижанин.
 И скульптора монумента «Отчизне и Свободе» Карлиса Зале, и архитектора Эрнеста Шталберга – рижан, создавших монумент, олицетворяющий Латвию, тоже можно назвать великими. Монумент хотели снести.
 Но народ не позволил этого сделать.
 И Вера Мухина, русский скульптор, и архитектор академик Руднев, тоже рижанин, сказали своё веское слово в защиту монумента.
 И великие слова, навечно начертанные на монументе: «Отчизне и Свободе» – остались сиять навечно.
 Вот ориентиры, вот каким заповедям надо следовать.
 Особенно сегодня, когда маятник часов истории качнулся в сторону именно этих великих слов.
 Но большие цели должны быть и в делах малых.
 В том же совхозе «Путь Ленина» почему не стоять скульптуре красавице Спидоле? Почему простым людям нельзя знать о своём родном, заповедном? Ведь в Риге есть рядом с монументом Свободы не менее знаменитый Дом с котами. Рижские коты знамениты на всю Европу. Почему же туристам, да и своим, нельзя знать о Трубочисте, о его возлюбленной, которые есть рижские Ромео и Джульетта?
 Это легенда?
 Да.
 Прекрасная?
 Да.
 Почему же проект перестройки старого рижского здания в кафе «Вей, ветерок» футболился от инстанции к инстанции?

Где конец этой волоките?

Закончил Георгий так:

– Я не собираюсь никого учить. Просто высказал своё мнение – как и в прошлый раз на передаче. Прошу меня простить, что не говорю по-латышски. В следующий раз, ровно через год, на таком же отчётном собрании обещаю выступить на латышском языке. Если меня к тому времени не выгонят, конечно.

В зале засмеялись одобрительно и даже захлопали.

Георгий сел на своё место.

Юрис сжал его руку.

Когда Георгий только вышел из зала, к нему подскочила бойкая Велта, секретарша Гунара Юлиановича:

– Вас просит зайти директор.

«Ну вот, допрыгался», – подумал он.

И Юрису:

– Подожди меня, ладно?

Юрис кивнул.

Кабинет Юлиановича просторен. Важен. На стене, над столом директора, висят портреты Горбачёва и первого секретаря ЦК КП Латвии. А на боковой стене, напротив высокого окна, большая картина с изображением Старой Риги в солидной музейной раме.

Георгий обратил внимание, что в кабинете и Клаудиньш. Он предложил Георгию пройти к столу, придвинутому торцом к столу директора, сесть. Сам сел напротив Георгия, посмотрев на него немигающими глазами.

– Нам есть о чём поговорить, поэтому я пригласил вас. Не правда ли, Гунар Юлианович?

Тот немедленно согласился.

– Вы неплохо выступили. Скажите, в Кручинске вам, видимо, тоже приходилось нередко выступать?

– Только по необходимости. Вообще я не люблю ораторствовать. Это не моё дело.

– А необходимость, как вы заметили... сейчас, значит, есть? И это совершенно правильно. И смысл вашего выступления в основном правильный. Но вот что хотелось бы узнать... Вы понимаете опасности, которые возникают при перестройке? – Он прямо посмотрел Георгию в глаза. – Какие тут могут быть серьёзные ошибки?

Георгий выдержал взгляд Клаудиньша.

– Что вы конкретно имеете в виду? – спросил он, не совсем понимая, куда клонит партийный лидер.

– Буду с вами говорить прямо, Георгий Фёдорович, – Клаудиньш хорошо говорил по-русски, совсем без акцента. Выучился этому с молодых лет, воюя в Красной Армии, после Гражданской побывав и на партийной работе, и в лагере. Восстановленный в партии после пятьдесят третьего и опять выдвинутый на руководящие посты. – У нас в республике проявляются опять довольно выраженные, так скажем, националистические настроения. Особенно они стали сильны сейчас. Есть и самые крайние выпады. И этим настроениям и выпадам партия обязана противостоять. Понимаете?

– Конечно.

– Это приятно слышать. Но вот в ваших выступлениях не слышно чёткой позиции. Получается, что всё данное советской властью плохо. А всё, что было в прошлом, хорошо.

– Почему же? Я говорил о конкретных вещах. И не обобщал.

– Я и не говорю, что вы обобщали. Про Веру Мухину и Эйзенштейна вспомнили – хорошо. Что латышский язык обещали выучить – тоже хорошо. Но вот про новые дома в деревне – плохо. Ведь надо чётче сказать, что новь сельская тоже благо для республики. Надо только с умом эту новь внедрять! Не бояться о новом говорить в положительном смысле. Понимаете?

– Да, понимаю, – согласился Георгий.

– Вот и прекрасно, – веско сказал Клаудиньш. – Мы хотели бы, Георгий, и я лично хотел бы, чтобы вы в следующий раз – увидите, журналисты теперь набросятся на вас – не забывали, что нам с вами надо суметь проводить твёрдо нашу линию.

Слово «нашу» он подчеркнул.

Лицо его сейчас перестало быть отрешённым, далёким, теперь оно приблизилось к Георгию и в прямом смысле.

Седина усиливала благородный вид Клаудиньша.

Он встал, протянул руку Георгию:

– Я рад, что вы поняли меня. А насчёт кафе не сомневайтесь. Вместе там ещё посидим, увидите.

Георгий, вставая, ответил на крепкое рукопожатие.

Заметил, что и Гунар Юлианович встал, и тоже улыбается, но как-то натужно.

Глава девятая

СМОТРИНЫ

– Ты колдун, что ли? Альгис просто замучил меня: «Где дядя Георг? Когда придёт?»

Они стояли на лестничной клетке, курили, там, где Георгий впервые заговорил с Эльгой. Она смотрела на него так же, как и тогда – с лёгкой усмешкой, с наигранной весёлостью.

Георгий пожал плечами.

– Так в чём же дело? Пригласи – приду.

– Получится, что я за тобой гоняюсь. Ты должен сам попроситься ко мне в гости.

Он не выдержал и ответил ей такой же иронической улыбкой.

– Я извиняюсь, конечно. По каким дням вы принимаете? И в котором часу?

– Приходи завтра к обеду.

Она загасила сигарету и ушла в мастерскую.

На завтра выпадала суббота.

Георгий надел выходной чёрный костюм, белую рубашку с лучшим белым галстуком в синюю полоску, неизменную кожанку и отправился к Эльге – он понял, что ему назначены смотрины.

Эльга жила в квартале буржуйском, где дома каменные, с лепниной на фронтонах, с массивными входными дверями, высокими окнами.

У дома, где жила Эльга, кариатиды по бокам подъезда украшали его.

Весь третий этаж когда-то занимал архитектор Бруно Ясонс. Его семья состояла из красавицы жены Аниты, тогда молодой пианистки, и прислуги.

С приходом советской власти в сорок четвёртом архитектор вызывался на допросы, как сотрудничавший с оккупационной властью, что сильно подо-

рвало его здоровье. Учитывая заслуги перед республикой, его всё-таки оставили в покое. Аниту не тронули, поскольку она всего лишь музыкант.

Эльга родилась уже в советской Латвии, в пятьдесят первом, но хорошо помнила, что пережил отец. Он так и не простил новой власти ни допросов, ни короткой отсидки. Новые порядки совсем не пришлись Ясонсу по душе. И он ушёл из жизни, оставив жену с маленькой дочкой выживать одних.

После ухода мужа мать с дочерью занимали только две комнаты, удержанные с огромным трудом. А остальные комнаты заняли разные советские работники – тоже ответственные, но совсем неизвестные в Риге, в отличие от архитектора Бруно Ясонса.

Эльга подросла и сама стала архитектором. Она сумела отвоевать ещё одну комнату, после того как у неё родился сын. Помогли бывшие друзья и почитатели Ясонса, благодаря которым Анита смогла вырастить и выучить Эльгу.

Дверь с несколькими кнопками звонков, на одну из которых Георгий нажал, прочитав фамилию Ясонс. Открыла дама. Она была черноволоса, но с эффектной широкой седой прядью, шедшей от лба к затылку. Дама осмотрела Георгия, букет белых хризантем, который он держал в руке, и повела его по коридору к одной из приоткрытых дверей. Из неё выглядывала белокурая головка Альгиса. Увидев Георгия, он распахнул дверь и побежал навстречу гостю.

– Альгис, – хотела остановить его дама, но он уже успел запрыгнуть на руки Георгию.

Совсем как обыкновенный мальчишка, не ариец голубых кровей.

– Здравствуй, Альгис, здравствуй! – Георгий держал букет на отлёте, чтобы не поломать цветы.

– Ты почему так долго не приходил? – по-русски спросил малыш. – Я тебя ждал!

– Да понимаешь, тут все дела какие-то срочные. Так говорят, а на самом деле всё пустяки! – стал оправдываться Георгий, снимая Альгиса с рук и протягивая Эльге хризантемы.

Она стояла у полукруглого стола в центре комнаты. У боковой стены – пианино, на его крышке красовалась ваза тёмно-синего стекла. В неё Эльга и поставила цветы.

– Спасибо. Это моя мама. Можешь звать её просто Анитой, ей это больше нравится. А это Георгий, о котором я тебе говорила, – сказала она матери.

– Я уже догадалась, – ответила Анита. – Вы присаживайтесь, – она указала на кресло, стоящее у маленького столика, сбоку от окна.

Георгий сел, Альгис устроился рядом.

– Я пластелина целых две коробки приготовил, – сказал он, путая русские слова с латышскими. – И картонки у мамы выпросил. Рыцарей сначала надо нарисовать. Она так сказала.

– Правильно. Без рисунка никуда.

Обменялись любезностями, потом Эльга стала накрывать на стол. Закуски, вино, чайные приборы поставила быстро – видно, что готовились к приёму гостя.

Сначала говорили как бы ни о чём, а на самом деле выясняли, какого уровня гость, соответствует ли он их положению и культуре. Пробный шар запустила Анита, поклонница всего немецкого. Прекрасно зная, что русские уже воспринимают немцев не как идеологов фашизма, что война не забыта, но всё-таки прошли годы, её отголоски слышны не слишком громко, она спросила Георгия:

- Вы ходите в оперу? На концерты?
- К сожалению, слишком редко.
- Почему же?
- Ещё не обжился. Пока музыку слушаю в записях.
- Да? А вот Вагнер, например. Его оперы... вам нравятся?

«Ага, вот ты куда клонишь», – догадался Георгий.

Он знал, что Вагнер был любимым композитором Гитлера.

– Музыка выше политики, – сказал он вслух. – Но бывает, что даже таланты слишком угождают власть предержащим. И получается не музыка, а медные трубы и барабан.

– Да? Вы так думаете? – Анита была умна, начитанна, но пианистка из неё вышла средняя, хотя она давала и сольные концерты – сейчас, правда, редко. Чаще выступала как концертмейстер.

- Можете привести пример? – спросила она.
- Да возьмите хоть советскую оперу. Хорошей музыки почти нет.
- Это верно. Ну, а Вагнер? Или Бетховен?

– Вагнер остался Вагнером, несмотря на пристрастие к его музыке некоторых фашистов. Не хочу даже называть их имена, чтобы не пачкать великую музыку.

– О! – искренне удивилась, Анита, обожавшая Вагнера. – Вы учились музыке?

– Два класса музыкальной школы. Сбежал. Потому что увлёкся рисованием и архитектурой. Альгис, по-моему, тоже не очень-то любит уроки сольфеджио.

Георгий попал в точку – Альгис поморщился.

– Ему не терпится, чтобы ты, Георгий, принялся с ним строить замок, – сказала Эльга. – Ты, надеюсь, не откажешь ему?

– Конечно, – согласился Георгий, ещё не совсем понимая, что же в это время будет делать сама Эльга. Да и её мама тоже.

– У меня тут одно дело небольшое. Я отлучусь ненадолго. А вы с Альгисом пока замком займётесь... Ладно? А мама приготовит пудинг, у неё замечательно получается. На ланч я как раз вернусь.

Она встала из-за стола.

Встал и Георгий.

Альгис радостно взял его за руку.

– Не слишком ли резко ты взялась за него? – спросила Анита по-латышски, видя что Эльга собирается уходить.

– Вот ты и проверишь, – ответила она и улыбнулась Георгию.

Он понял, что речь ведётся о нём.

– Не беспокойся. Я построю замок, – сказал Георгий со значением. – В нём хватит места для троих. Даже для четверых. Правда, Алька? Давай я так буду тебя звать. Согласен? А ты зови меня не дядя Георг, а Айвенго. Пока мы играем. А мама пусть будет принцессой Ровеной. А бабушка королевой. Давай-ка сначала всё это нарисуем. Где твои картонка и пластилин? Где мы устроим замок?

– Вот здесь, в моей комнате! – крикнул Альгис.

Глава десятая

ЗАМОК ЛЮБВИ

Карандаши нашлись, Георгий заточил их и приступил к работе. Он пояснял Альгису всё, что делал, как когда-то поясняли ему в школе и училище. Набросал план крепости, а Альгису дал карандаш и стал учить его делать прямые и кривые линии, а сам всё время присматривался к мальчишке, рисуя его сидящим на полу у развёрнутого белого листа, закреплённого по углам. Рисовать с натуры лица и фигуры людей, предметы он выучился быстро и давно, и ему не составило большого труда нарисовать в общих чертах и Альгиса, и план крепости, окружавшей замок.

Когда на бумаге стали возникать и замок, и всадники на конях, у Альгиса стали восторженно блестеть глаза. Это вообще чудо, когда как бы из ничего появляется рисунок, особенно если это рисунок человека, на тебя похожего.

– Это же я! – воскликнул Альгис, увидев себя. – Как это у тебя получается?

– А вот как! – Георгий взял ладошку Альгиса с карандашом и стал направлять её по контурам рисунка. – Твёрже держи карандаш. Нет, не так. А вот так. Смелей. Если вот эту часть заштриховать, то рядом возникнет то, что раньше было не видно. Понял?

– Я не умею! У меня не получается!

– Старайся – и всё получится. Вот, видишь? Нет, давай эту линию сотрём. А проведём её вот так. Молодец!

Подошла Анита.

– Ну, что тут у вас? О, да это королевский замок! Я правильно поняла? А это... Альгис! Похоже... Как быстро у вас получается.

– Время такое. Принесите мне ваши фотографии. Вы с Альгисом. Альгис один. Эльга одна. Можно?

Она кивнула, ушла за альбомом.

В это время Георгий делал заготовки коней из пластилина.

Подключил к этому Альгиса.

Фотографий нашлось предостаточно. Крупные планы Аниты, Эльги, Альгиса Георгий отложил.

А вот эта...

Ну, конечно, это он.

Обнимает Эльгу. Смеётся. Крепкий. Сидят за лавочке где-то в саду. Лицо... Пожалуй, слишком уж самодоволен.

– Это у него на даче, в Дзинтари, – сказала Анита. – Три года назад.

– Чем он занимается?

– Торгпредство. Дипломатия.

– В Риге?

– Да. Но командировки в Европу. – Она поспешно закрыла страницу альбома, потому что подошёл Альгис.

– У меня не получается. – Он протянул Георгию кусок пластилина, из которого лепил фигуру коня.

– Сейчас поправим... – Под длинными пальцами Георгия пластилин приобретал нужную форму. – Научу тебя и лепить, Алька. А ты учи меня латышскому языку.

– Лаби, – ответил Альгис.

– А бабушку сейчас попросим маленько попозировать.

У Георгия оказался заранее припасённый блокнот с толстыми листами бумаги, с которым редко когда он расставался.

И он стал рисовать лицо Аниты.

Много чего повидавшее лицо, увядающее, осеннее, как хризантемы, которые он принёс. Она будет сидеть у рояля, в чёрном платье, а на её коленях будут лежать цветы.

А какой будет Эльга?

Он уже знал, какой, но смутно, ещё не до конца увиденной.

Только бы не скатиться в сентиментальность.

Или хуже того – в китч.

– Спасибо, Анита. Вот, посмотрите набросок.

Он протянул ей блокнот.

– Ты здесь красивая, – сказал Альгис, заглянувший в блокнот. – А маму ты нарисуешь, Айвенго?

– Айвенго? Это ты сам придумал? – удивилась Анита.

– Нет, это он. – Альгис указал на гостя. – А я буду Чёрным Рыцарем.

– Теперь примемся за фигурки рыцарей, – сказал Георгий. – Вы, Анита, найдите нам кусочек красивой ткани для принцессы.

Он стал лепить фигурки, как тогда, на пикнике, у кромки моря.

То были замки на песке, а сейчас он рисовал замок на бумаге и лепил фигурки из пластилина.

Это то же самое, что у моря?

Он для Эльги просто сослуживец? Она же сказала: «Я отношусь к тебе как ко всем».

И ещё добавила, что он слишком много о себе возомнил.

Часа два уже прошло, а её всё нет.

– Если мы будем делать замок настоящий, то пластилин для нас как заготовка. Предстоит лепить из глины, потом раскрасить её. Или выберем дерево. Тогда надо заняться выпиливанием. Для этого нужны инструменты – их надо доставать. Как решим, Алька?

– А какие инструменты?

– Свёрла, ножи. Я их у моих друзей могу попросить – на время. Но нужна мастерская. Будет немало мусора от нашей работы.

– У меня в комнате всё сделаем. Всё будет как настоящее!

– Ты готов? – спросил Георгий. – Много времени понадобится. И сил.

– Готов! – крикнул Альгис.

– К чему это вы тут готовы?

В дверях стояла Эльга – в осенней куртке, в коричневом брючном костюме. Волосы свободно падают на плечи, лицо свежее, с лёгкого морозца.

Но солнышко ещё в небе, листва на бульварах Риги ещё не вся облетела, ещё плывёт она по городскому каналу, ещё синее вода в Даугаве...

– Мама, у нас план готов, посмотри! – Альгис подбежал к Эльге, потащил её к большому листу, расстеленному на полу комнаты. – Замок у нас будет как настоящий! Из дерева! Айвенго сказал!

– Айвенго? Это кто же? – она притворно, будто испугавшись, посмотрела на Георгия. – А вдруг прискачет Ричард Львиное Сердце?

– Это я! – крикнул Альгис. – Я!

Но Эльга не унималась:

– Ну, тогда этот... как его... забыла как звать...

– Бриан де Буагильбер, – подсказал Георгий, вставая и ставя на стол всадника на коне из пластилина.

Встрепнулась Анита:

– Альгис, игрушки унеси к себе. Руки мыть. Пудинг у меня готов.
 – И я не с пустыми руками. – Эльга вынула из пакета бутылку «Мартины» и поставила её на стол. – Шла мимо Центрального, смотрю, народ толпится. Гляжу «Мартины», настоящий, итальянский! Ты, Георгий, про него тогда на пикнике говорил?

– Совершенно верно. Это мой любимый напиток.

– Прекрасно. Несу пудинг. – Анита заспешила на кухню.

Настроение у неё стало под стать погоде.

Этот русский, которым увлечена дочь, оказался совсем не таким, каким она его представляла. Культурен, деликатен. И, главное, умён – выбрал верный путь к сердцу Эльги – через ребёнка, который, сразу видно, в нём души не чает.

Только бы Эльга не отпугнула его.

Только бы...

Ах, что загадывать!

Глава одиннадцатая

ПАРТИЙНЫЕ ИВАНЫ И ЕВАНГЕЛИСТЫ-ЛЮТЕРАНЕ ЛАУБЕ

Юрис и Георгий вышли из Домского собора и некоторое время шли молча, боясь расплескать впечатления от музыки Баха, которую только что слышали.

Георгий знал, что орган в Домском один из лучших в Европе, да и в мире, пожалуй. Играл знаменитый органист, так что получалось, что они оказались свидетелями современного чуда.

– Давно хотел тебя спросить, какие отношения у тебя с Богом?

Они уже почти перешли площадь перед собором.

Концерт был дневной, в воскресенье. Наступал вечер. По небу ало-синей полосой тянулись облака. Там, где они обрывались, ещё светлело небо.

Громада собора показалась Георгию слишком давящей на саму площадь. А люди, если бы окинуть их взглядом с неба, показались бы муравьями.

Он сказал Юрису об этом.

– Он не устремлён к небу, согласен? – сказал Георгий. – Готика возвышенной. Но не могу принять ни католической, ни протестантской веры.

– Я не о том тебя спросил. Вообще о Боге, вот я о чём.

– Понимаю. Когда слушаешься Баха, трудно не поверить в Бога.

– Вот и я так думаю. Но ведь архитектура – это застывшая музыка – так нас учили. Как же нам не верить в Бога?

– А вот так, – Георгий улыбнулся. – Я даже заикнуться о Боге не мог. Ведь отец у меня коммунист ленинского призыва. В институте, сам понимаешь, мы были обязаны быть марксистами-ленинцами. Ты в Москве учился, у вас там всё было попроще.

– Какой там! В Москве, конечно, мы знали, что есть тайные христианские общества, но я не отважился туда ходить. Но кое-что почитал, и ёж в черепную коробку засел.

Они свернули на одну из улочек Старой Риги, по которой можно выйти к центру города.

Закатные лучи пробирались на стены домов, подсвечивали их.

Как будто вот сейчас должны были выйти им навстречу монахи-доминиканцы в чёрных рясах, в белых подрясниках, или какой-нибудь купец в кафтане и шляпе с пером.

Но вместо них прошли, громко разговаривая по-латышски, молодые люди в кожаных куртках и джинсах с заплатами.

Отношения Георгия с Юрисом выстроились так, что он вполне доверял ему и мог откровенничать.

И Юрис ответил Георгию тем же.

Во-первых, потому что гиблый проект по старому дому он спас, и авторство указал совместное, не исключив из него Юриса.

Во-вторых, мыслит современно, вкусы сходятся. Оказывается, в футбол играли подростками и даже студентами. Да и талантлив, смел – уже показал себя.

Вот только во что он верит – вот в чём вопрос.

Юрису показалось, что сейчас самое время выяснить это.

– Я всё больше ухожу от политики, – признался Юрис. – И всё больше склоняюсь к вере.

– Какой? – откликнулся Георгий. – Христианской?

– Конечно. Сильно повлияла на меня Инга.

– Вот это да! Баскетболистка! Носит короткие юбки. Красится как певица какой-нибудь бит-группы.

– Это мне в ней и нравится.

– Я это понял сразу. Не из-за Лаубе же ты её полюбил. Ты слишком самостоятелен. Сибиряк. А вы честные и надёжные.

– Спасибо. Зайдём вот сюда? Наше-то пока строится.

Он показал на кафе, которое им обоим нравилось. Уже заходили сюда – Юриса здесь знали.

Уселись за столик на двоих.

Скатерть по расцветке как шотландская юбка – клетчатая, светло-коричневого цвета. Настольная лампа под абажуром светит мягко, музыка струится через усилители приглушённо.

Какой-то блюз.

Подошла официантка, поздоровалась с Юрисом. Заказ он обсудил с Георгием по-русски, а отдал его по-латышски.

Официантка, средних лет женщина, стильная, молодящаяся, в меру строгая, в меру улыбчивая, ушла, и тогда Георгий сказал:

– Из марксизма я принимаю далеко не всё. Экономика – да. Объяснение литературы и искусства – нет. Тут правы идеалисты. Материализм примитивен.

– Но если так, то Бог есть?

– Это каждый решает для себя сам.

– Но ведь коммунисты – враги религии. Свободу вероисповедания соблюдают только на словах. А на деле? Ты знаешь, сколько духовенства они физически истребили? Сколько в тюрьмы и лагеря отправили – из Латвии в том числе?

Официантка, её звали Бирута, принесла водку, закуски.

Пожелала приятного аппетита – по-латышски, и по-русски – для Георгия.

– Выпьем за то, чтобы при нашей жизни исчезло лицемерие, – сказал Юрис, наполнив рюмки. – А то нам приходится юлить почти на каждом шагу.

– Ты преувеличиваешь. Но тост, конечно, поддерживаю.

– Вот ты ещё немного оклемаешься и поймёшь, что я прав. Хочу тебя ещё раз предупредить, хотя уже предупреждал: здесь принято врать вслух – особенно на работе и в публичных местах. А думать и жить прямо в противоположном направлении.

– Так именно из-за этого и уехал из Кручинска. Здесь, на Западе, свободы и творчества больше. Разве не так?

– Не так. Просто врут изощрённей. Вот Лаубе, например. По убеждениям чистый лютеранин, иезуит, хотя иезуиты вышли из доминиканцев. У Инги вообще вся семья протестантская. Как же мне быть?

– Да не лезь в их семью, вот и всё. У тебя однокомнатная, но всё же отдельная квартира.

– Ну и что? А молиться каждое воскресенье надо вместе. К ним ходить не только по праздникам. И вести себя так, как они – то есть ханжески, если честно сказать. Я же вырос хоть и у тётки, приёмных, так сказать, но всё равно ведь она верила по-другому, не так, как эти Лаубе. Вера тётки Маруси была непоказная, понимаешь? Она ссыльным латышам последние картошки отдавала, себе ничего почти не оставляя. Да ещё меня вырастила. Учиться в Москву отправила. Дядьку Ивана партийного умолила за меня хлопотать. У этого дядьки в Москве родственник, тоже партийный и тоже Иван. И денег мне на дорогу насобирала. И этот московский дядька Иван с голода подохнуть не дал. Подкармливал. А то я в голодные обмороки чуть не начал грохаться. Понимаешь, нет? Если бы они узнали, Иваны эти партийные, что их Юрка Дудко станет Юрисом-латышом, да ещё и антисоветчиком, они бы меня придушили своими руками!

Юрис так сжал свою ладонь в кулак, что он побелел.

– Постой, Юрок, не горячись. Давай выпьем за твоих Иванов. Они того заслуживают.

– И за тётю Марусю, пусть земля ей будет пухом.

Юрис осенил себя крестным знамением, но не по-православному, справа – налево, а по-католически – слева – направо.

Выпили.

Закусили.

– Давай разберёмся, Юрок. Мой отец не хуже и не лучше твоих Иванов. Тоже против того, чтобы я в Ригу ехал. Мои аргументы: во-первых, латышские стрелки. Охрана Ленина. Передовой отряд пролетариата. За советскую власть умирали не только в революцию и на гражданской. В партийных кадрах и на военных руководящих постах кто был? Разве имена Вацетиса, Стучки и других забыты? И через репрессии прошли. Но от убеждений своих не отказались. Нет, что ли, продолжателей их дела?

– Да знаю, знаю это, Гошка, – перебил Юрис, налив по третьей.

Теперь они называли друг друга по-мальчишески – Юрок, Гошка.

– Но сейчас-то время другое, – продолжил горячиться Юрис. – Вылезли те, кто отсидел и теперь мстить хочет. И серьёзно! Ты это знаешь?

– Нет. Но догадывался.

– И всё же приехал?

– Потому что верю в нашу победу.

– Какую – нашу?

– В братство народов.

– Интернационал? Коммунизм?

– Нет, что ты. Власть будет народная, которую всё-таки Советы успели вырастить. И победить фашизм.

– Но Советы-то тоже себя не оправдали. А коммунизм оказался утопией.

Лицо Юриса покраснелось, чубчик как-то задорно поднялся вверх.
– Нет, Юрок, советская власть не так уж плоха, как ты думаешь. Сколько она для всех народов страны сделала! Разве мало? Что, перечислить? Давай выпьем за то, чтобы тупость и примитив, глупость ушли в прошлое. Чтобы торжествовало творчество!

– Эх, Гошка, хороший ты парень! Но носишь розовые очки!

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

– Теперь вот о чём, – продолжил Юрис. – Раньше я не говорил, неудобно. А теперь скажу.

– Я знаю, ты об Эльге.

Юрис улыбнулся.

– Хорошо с тобой, понимаешь с полуслова.

Стёр улыбку с лица.

– Разрешаешь?

– Говори.

– Боюсь за тебя.. – Юрис достал сигареты.

Закурили.

– Ну почему боишься? – спросил Георгий.

– Видишь ли, – неторопливо начал Юрис, – ты её не знаешь. Я достаточно их изучил, они с Ингой давно дружат. Её бывший, Гришка Ратнер, тот ещё персонаж. Он может говорить о чём угодно, на какие хочешь темы. И всех он знает, и со всеми в хороших отношениях.. – Лицо Юриса покраснело, он нехорошо улыбнулся. – Такой расторопный всезнайка, сплошное обаяние!

– Мне попадались такие люди, – мрачно сказал Георгий.

– Не подумай, что подарками и презентами из-за бугра он Эльгу купил. Торгпредство, Европа! Нет, у него оружие было посильнее! Какого у нас с тобою нет!

– Какое же?

– Такая забота о своей избраннице на каждый день. Да что там день – на каждый час!

Юрис глубоко затягивался, пуская дым в сторону окна.

И всё злобно кривился.

– Ты его ненавидишь. Почему?

– Потому что эти люди могут не только предать, но ещё и доказать, что они поступили правильно. Что другого выхода не было. И говорить с такой убеждённостью, что ты и в самом деле согласишься, что другого выхода у них не было. А потом стукнешь себя по лбу и поймёшь – ты в абсолютных дураках!

Юрис и вправду хлопнул себя по лбу.

Георгий ждал, когда Юрис нанесёт главный удар.

Но не боялся.

Просто ждал.

– Понимаешь, у него и в Питере, оказалось, была любовница, а у неё от него ребёнок. Эльга родила Альгиса, только тогда они вступили в брак. А потом всплыла эта его питерская история. Ну ладно, разобрались, клятвы, уверения и прочее. Так потом у него новая история, теперь уже в Финлян-

дии. Один гэбэшник Эльге об этом сообщил. Конфиденциально! Вот такой он обаяшка, Григорис Ратнерс!

Георгий подытожил:

– А теперь я – Георгис Вербовс!

– Подожди, Гоша. Я же о Эльге ещё не сказал... После развода она изменилась. Как Инга о ней говорит, у неё исчезла вера. Не только в семейные отношения, но и вообще... Ведь она прежде тоже в церковь ходила. Также к лютеранам, как Инга. А после Гришки стали появляться разные персонажи. Так, случайные, когда ей кто-то глянется, понимаешь?

– И я из их числа, – мрачно сказал Георгий.

Юрис загасил сигарету, налил по четвёртой.

– Давай выпьем, Гоша, знаешь, за что?

– Ну?

– В боксе есть такой термин: «умение держать удар».

– Я боксировал. Правда, недолго.

– Значит, в курсе. И ведь тоже был женат?

– Да, удар выдержал.

– Вот видишь, значит, опыт есть. А дети?

– Дочка Ника, пять лет.

– Рана зажила?

– Нет. Ещё и поэтому уехал сюда.

– Ну вот. Всё-таки я должен был тебе сказать... про Эльгу.

– Верно, должен. Но бей ещё, не бойся. Я выдержу удар.

– А в каком весе ты выступал? – спросил Юрис.

– Средний. Голова болела, поэтому переключился на футбол.

– А-а-а. А я был полутяж. Получил первый разряд. А в футболе даже дали мастера спорта. Уговаривали стать профессионалом. Я на воротах стоял.

– Да ну? А я в нападении. Правда, на юношеской всё и закончил. Жалко, но надо было к поступлению в институт готовиться.

– Понятно. В следующий раз на пикник мячик возьмём. Постукаем.

– Идея хороша... – Георгий откинулся на спинку кресла, посмотрел на часы. – Мы не засиделись?

– Нет, ни капельки. Сидим отлично.

– Ну что же, Юрок. Давай бой заканчивать. Третий раунд.

– Ладно. У неё в последнее время был один...

– Кто такой?

– Один... из говорунов. Правозащитник. У них там общество. Довольно задиристые они. Митингуют. Эльга туда ходит.

– Хорошо, что предупредил.

– Ты поговори с ней. Ведь у тебя серьёзно, так я понял.

– Правильно понял. Один бой проиграл, хватит. Не хочу ходить с битой мордой.

– Ну зачем же ты так... Такие, как ты, на дороге не валяются.

Подошла Бирута.

– Послушайте, – обратился к ней Гоша, – почему у вашего кафе нет названия?

Бирута пожала плечами.

– У меня есть предложение. Назовите кафе «Последний дюйм».

Она сделала удивлённое лицо.

– Это такой фильм замечательный. О лётчике. Он вынужден заниматься ради заработка подводной съёмкой акул. На самолёте с сыном летит

к пустынному заливу, где-то в Аравии... Акулы нападают на лётчика. Окровавленный, он едва выбирается на берег.

Акула подруки откусила. И вот мальчишка вынужден не только затащить отца в самолёт, но и сесть за штурвал. Команды отца выполняет, когда тот время от времени приходит в себя.

Бирута уже внимательно слушала Гошу, а Юрок улыбался – он видел фильм.

– Труднее всего посадить самолёт, – продолжал Гоша. – Самолёт похож на наш «У-2», «кукурузник», знаешь?

– Нет.

– Это неважно. Лётчик говорит сыну: «Всё решает последний дюйм» – и отключается. А мальчишка лет двенадцати сумел посадить самолёт! И спас и отца, и себя.

Бирута улыбнулась.

– Вы скажите нашему директору. Может, он даст разрешение.

– Пойдём к нему! – Гоша хотел встать, но Юрок остановил его.

– Не сейчас.

– Почему? Я вывеску сам сделаю! Бесплатно!

– Потом, Гоша, потом.

– Эх, Юрок... Бирута, мы ещё посидим...

Она отошла.

Хочешь, я тебе расскажу про мой последний дюйм? – спросил Гоша.

– Расскажи.

– Значит, так, – начал Гоша. – Когда моя распрекрасная стала меня одолевать под лозунгом: «мой муж подлец, верните мне мужа» – я в это время снял комнату специально на окраине города, чтобы меня не беспокоили всякие мои и её друзья. Они никак не могли понять, что я после её измены стал совершенно равнодушен к ней. Переболел в прямом и переносном смысле. И вот однажды вышел из дома купить сигарет. Магазины на противоположной стороне улицы. Надо перейти трамвайные линии. Подхожу к дверям магазина – закрыты. До конца перерыва десять минут. Жду. А на противоположной стороне улицы – стена из красного кирпича, ограда какой-то фабрики. Лето, солнечный жаркий день. И вот у края этой стены появляется парочка. Он – в белой рубашке с короткими рукавами. Не узнать его я не могу! Славка, мой друг! Я за него под нож полез, когда в парке с урками подрались. Выбил у урки нож. Благо, тут менты подросли. Меня не порезали, и Славка уцелел. Ну вот, идёт мой Славик, а рядом моя жена. Ещё не развелись мы. В таком цветастом платье, которое я любил. И в белых туфельках на высоком каблуке, которые я ей подарил на Новый год. Идут рядышком, голубки прямо. И хоть бы один ещё человек на этой улице! Нет! Хоть бы трамвай прогремел – нет! Они идут вдоль этой стены из красного кирпича, и некуда им спрятаться! И мне некуда деться. Дверь-то магазинчика закрыта. Они идут, делают вид, что не заметили меня. А я стою и гляжу на них, гляжу, глаз не отвожу, как в песне поётся. Мне бы отвернуться, сделать вид, что я их не вижу! Нет, не могу.

Они дошли до края стены, скрылись за поворотом. Так и не посмотрели в мою сторону. Сделали вид, что якобы не видят меня.

Тут звонок прозвенел, магазинчик открылся.

Десять минут прошло. Они и решили всё, понимаешь, Юрок? Я ведь на суд два раза являлся, решил развестись, а она нет. По закону, значит, если один из супругов не явился, значит, не разводят. За это время меня

почти убедили вернуться ради дочки Ники. Мол, всё перемелется. Думаю, ладно. И тут – это стена из красного кирпича! В третий раз на суд пришёл, твёрдо решив развестись. А она в этот раз пришла – видимо, всё поняла после этих десяти минут около той стены. Развели.

Гоша облизнул пересохшие губы.

– Выьем, – сказал Юрок. – Ты же умеешь держать удар.

Выпили, рассчитались с Бирутой и вышли из кафе.

Решили идти пешком. Юрис предложил заночевать у него, и Георгий охотно согласился – не хотелось оставаться одному.

Двинулись к мосту через Даугаву. Юрису дали квартиру в новом микрорайоне, в Задвинье.

Шли, положив руки друг другу на плечи. Стемнело. Когда дошли до моста, направились на пешеходную часть.

Внизу чернела река, дул холодный ветер.

Георгию очень нравилась песня из фильма «Последний дюйм».

И сейчас он запел её, басовито, с настроем прямо хемингуэевским, как в лучших его повестях и рассказах:

*Тяжёлым басом гудит фугас,
Ударил фонтан огня,
А Боб Кеннеди пустился в пляс:
«Какое мне дело до всех до вас,
А вам до меня»...*

Песню подхватил Юрис – оказалось, он тоже знал и любил её.

Подпевал в унисон, и песня громко звучала над Даугавой, по-русски – Двиной, долетая до стен новых домов:

*Но пуля-дура прошла меж глаз
Ему на закате дня,
Успел сказать он и в этот раз:
«Какое мне дело до всех до вас,
А вам до меня»...*

Когда вошли в квартиру, Юрис забыл защёлкнуть английский замок на входной двери. Забыл и о том, что договорился с Ингой, что она придёт к нему – слишком они с Георгием оказались во власти музыки и алкоголя.

Инга давно собиралась показать подруге квартиру, где они будут жить с Юрисом. Свадьба намечалась вот-вот, предстояло обсудить некоторые важные обстоятельства, и именно в этот вечер Инга и Эльга отправились к Юрису.

Подойдя к квартире, Инга хотела нажать на кнопку звонка, но Эльга заметила, что дверь приоткрыта. Вошли в коридор и услышали разговор мужчин. Инга уже хотела войти в комнату, но Эльга взяла подругу за локоть и приложила палец к губам.

Сначала они стали невольными слушателями. Заинтересовались и уже сознательно подслушивали.

Потом уже неловко было обнаруживать себя.

И вот что они услышали.

Глава тринадцатая

МОЯ ЗВЕЗДА

– Я и представить не мог, что смогу так сильно вляпаться, – продолжал Гоша, размышляя вслух о своих отношениях с Эльгой. – Представляешь, внутри меня всё словно выгорело, я думал, что уже обречён жить холостяком.

– Да, крепкий у тебя получился последний дюйм. А что же Славик этот?

– Как мне сказали потом, они сами друг друга стали избегать. Славика я видел только издали, больше никогда к нему не подходил. И он ко мне. А потом я уехал. И она перебралась в Москву. Тебе я могу сказать... Понимаешь, в ту ночь, на Ивана Купала... я увидел Эльгу... когда она выходила из моря. И всё! Помнишь, ночь была чёрная, а она выходила по лунной дорожке... И брызги моря на ней были как жемчужины...

– Ты прямо поэт.

– Да, Юрок, в такие минуты и бываешь поэтом. Я потом не один раз, когда закрывал глаза, ложась спать, видел, как она выходит из моря. И не успокоился, пока не написал стихи. Хочешь, прочту?

– Хочу.

– Я помнил, что на памятнике Свободы, Милда, так её зовут, над головой держит Три звезды – Курземе, Витземе, Латгале. И мне показалось, что когда Эльга выходит из моря, то три звезды тоже сияют в небе. Только светят они по-другому и обозначают другое. Слушай.

И он начал читать:

*Ночь.
И три звезды,
всего только три.
Они льют синий свет
на притихшее тёмное море.
Лунная дорожка
видна.
По ней
идёт женщина.*

*Идёт
не по воде,
а по судьбе,
моей судьбе,
упавшей к ней
под ноги.*

*Она
раскинула руки,
и на ладонях её
горит по звезде.
А третья
горит над ней,
обливая её
мерцающим светом.*

*В правой ладони –
звезда Радости,
в левой – Печали.
Они одинаково светят,
то ярко,
то призрачно,
то почти затухая.*

*И было бы страшно,
горько, смертельно,
если бы
две звезды
погасли совсем.*

*Прежде
я не видел
этих звёзд.
но прозрел
в эту дивную ночь.*

*И теперь
стоит только
сомкнуть глаза,
как вспыхивает
третья звезда
и ярко освещает
две другие.*

*Третья звезда –
как третья ракета.
Она
осветила и небо,
и море,
и эту женщину,
что идёт
по лунной дорожке,
по моей судьбе.*

*Третья ракета,
гори,
не гасни,
вопреки всем законам,
всему,
что убивает Мир.*

*Гори, гори, –
и не вздумай упасть,
моя звезда,
моя Любовь.*

Георгий умолк, посмотрел на Юриса.

– Хорошо, – сказал тот. – Ты и вправду поэт. Наверное, уже печатался?

– Так, иногда, в молодёжной газете.

В это время Инга хотела войти в комнату, но Эльга остановила её. Хлопнула входной дверью – будто они только вошли.

И только после этого Инга обнаружила себя.

– Дверь была не закрыта, – сказала она. – Я с Эльгой. Мы же хотели обсудить...

– Проходите, проходите, – всполошился Юрис. – Ох, это мы после концерта... Всё забыл!

Вошла и Эльга, сделала вид, что ничего не слышала.

– О, да у вас коньяк. Что празднуете?

– Да ничего, просто после музыки... Выпьете?

– А вы, я вижу, уже хороши, – сказала Инга.

Георгий, всё ещё не остыв от чтения стихов, решал, слышали ли женщины его стихотворение.

Посмотрел на Эльгу пристально.

Она нисколько не смутилась.

– Ну, о чём же вы тут без нас беседовали?

– Так, о всякой всячине.

– А мы пришли с серьёзным делом.

– Может, я мешаю?

– Нет-нет, мне важно выслушать и твоё мнение, – сказала Инга.

Юрис между тем сварил кофе, принёс печенье, чашки. Пришёл в себя, но всё-таки с виноватой улыбкой поглядывал на Ингу.

– Это я виноват, – сказал Георгий. – Пустился в воспоминания.

Выпил он много, больше обычного, но пьян не был, хотя, конечно, чувствовал, что возбуждён. Раскрасневшееся лицо Юриса показывало, что он выпил достаточно, но пьяным он тоже не был.

Тем более он знал, почему Инга взяла себе в помощь Эльгу, и внутренне собрался, и отказался от коньяка, предложенного ему невестой.

– Мы пришли, чтобы окончательно решить, как поступим, – сказала она.

– Так ведь уже решили, – ответил Юрис.

– Нет, есть новое важное обстоятельство, – сказала Инга. – Мнение моих родственников ты знаешь. Они не собираются его менять.

– И я не собираюсь менять, – как можно спокойнее ответил Юрис. – Это, Гоша, всё о том, что я тебе говорил. Я должен принять протестантскую веру. Только после этого нас обвенчает их священник.

– Пастор Маркус. Он в курсе и дал согласие.

– Вот как, без меня меня женили, – усмехнулся Юрис. – Молодцы.

– Юрис, но ведь это для тебя формальность, – вступилась за подругу Эльга. – Ты же не веришь в Бога, поэтому уступи Инге. Для неё ведь согласие родных необходимо, она же верующая. И у Лаубе руки развяжутся.

– При чём тут Лаубе?

– Ты не знаешь, что они готовы решить, – Инга посмотрела на Георгия. – Дело в том, что, если мы поженимся, нам дадут новую двухкомнатную квартиру. А квартиру Юриса остаётся Георгию.

Гоша сразу вспомнил, как Лаубе посулил ему квартиру – тогда, на пикнике.

Что ж, обычный советский расклад. Более успешный специалист получает улучшенные жилищные условия, а молодой карьерист получает жилище, которое освободит ему старший товарищ.

Всё справедливо, все довольны.

Но тут вмешивается ещё нечто, что нельзя пощупать руками, куда не войдёшь, как в новую квартиру в новом, даже самом прекрасном доме.

Это вера, это дом небесный.

Юрис набычился, пригладил свой чубчик.

Пришла пора сказать своё слово Георгию.

– Позвольте и мне сказать, раз здесь оказался замешан и я. Можно, Юра? Инга?

Они разрешили.

– Сегодня мы с Юрой как раз говорили об этом же самом. Да, представьте, русские тоже верующие люди. Вообще неверующих людей нет. Всякий во что-то да верит. Вера если и меняется, то не так быстро, как тебе хочется, Инга. Подожди, дай Юре время. Может, он и примет твою веру, если убедится в её правде. Есть сколько угодно супружеских пар с разным вероисповеданием. Я встречал жену-татарку, мусульманку, а мужа православного. Или даже партийного. Зачем же вам ставить на карту вашу любовь? И зачем сюда приплетать квартиру? Не надо мне никаких квадратных метров. Я держусь своей веры и своих принципов.

– Это какая же у тебя вера? – спросила Эльга.

– Которую я не предаю ни за какие пряники.

– А любовь? Куда ты денешь любовь?

– Любовью не торгуются, Эльга. Она или есть, или её нет. Пойду я, пора.

– Нет, подожди... – Эльга встала. – А как же твои звёзды? Твоя третья звезда? Или это только слова?

– А, значит, ты слышала. Очень рад. Так знай: мои принципы не расходятся с любовью.

Он направился к выходу.

Юрис за ним.

– Погоди, поздно, транспорт через Даугаву уже не ходит.

– Дойду пешком. Однажды мне пришлось.

Он надел свою кожанку, вынул из кармана лыжную шапочку.

– Держись, Юрок.

Они обнялись, и Георгий вышел на лестничную площадку.

Продолжение следует.

**Наталья
ДЖУРОВИЧ**

ЛУЧШЕЕ, СВЕТЛОЕ, ВЕЧНОЕ...

РИС

Рис намокший в ладонях шуршит,
Побелела в кастрюльке вода.
Варят рис на помин души,
Вот и я варю иногда.
Он на рану – как русский снег...
Покрещусь – и снова в дела.
Где-то жив один человек,
И дорога его бела,
В пальцах – точных касаний ток,
То «Метель», то жернов гудит...
Вот и рис мой готов и стёк.
И прижалась душа к груди.

95

Бог вручил вам молодость,
Чтобы с годом справиться;
На вешалке модное
Мне на праздник платьеце.
Молоды родители,
Неплохие отпрыски.
Вести с телевидения:
Все в бессрочном отпуске...
Май в звонках и встрясках...
Первый класс окончен.
Как же всё напрасно.
Как же всё непрочно!
Папы безработные,
Сто рублей помятые...
Лето Господнее,
Девяносто пятое.

-
- Наталья Александровна Джурович (Унгерова) – поэт, переводчик, автор поэтических сборников «Нескончаемое лето», «Двуречие» и др. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостиный дворъ», «Волга–XXI век», «Подъём» и др. Стихи переведены на сербский язык. Окончила филологический факультет Российского православного университета св. Иоанна Богослова.

Раздаёт весна ордена,
Звёзды светятся в ветках сада.
Мне понятна отчаянная весна
Тютчева и Мачадо.
Грузовик, на стекле – колобок,
Добрый, мудрый рисунок детский:
«Ты катись, от беды недалёк,
Ты сумеешь вернуться, отец мой!»
«Догоню! – прокричу. – Доберусь,
Успокой-водою умоюсь.
Белым соколом обернусь,
Сяду лихо в тамбовский поезд...»
Город тонет в потоках стрел,
Превратившихся в колосья.
«Сыну завтра исполнится восемь,
Я приехать живым успел».

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится...
Обычная тамбовская земляца –
Нам было здесь написано родиться.
И вот стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов резных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.
Был за оградой прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя берёт за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять.
Шуршат венков поблёкшие цветы.
И как цветок сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память.
Ты вслушаешься в эту тишину,
Расскажешь про войну,
Где непременно победили наши.
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы раскрашен
Твой самолёт,
И маме он не страшен
Благодаря ему.

СУНДУКИ

...А были – внуки да сундуки.
Их много, и каждый внук
Из колыбели подрос и – в сундук –
Искать в нём тайну уставших рук,
Седых волос, немой тоски.
А там – добра немало,
Платков «рублёных» – навалом.
Ты их, когда не видит никто,
Брала, открывала,
Поминала – и раздавала.
Да только не уменьшались они –
Стопки белых, синих, чёрных...
С каймою и без, цветастых...
Сочтенных – за всяку подругу – платок,
Поплачешь да сундучок – на крючок.
И пела ты: «...грядёт в полуночи...».
Терпеть и ждать отродясь научена.
«А что там, за крышкой дубовой?!» –
«Лучшее, Светлое, Вечное, внученьки!»

Наготове душа – да бывает ли так?
Выбривает ноябрь всё заветное налысо.
Эта осень особенно с нами люта.
Наливаются зёрна и – падают запросто.

Запиши моё имя на этом листке,
Пусть и я оторвусь, над собою не сжалившись.
Снова влажные капли на чёрном платке
И беспомощный взгляд в спины вновь уезжающих.

Не молитва и даже не горечь внутри:
Вырастают кресты, под крестами – родимые.
Ноябри – будто сороковины. Смотри,
Как корявы слова и старания мнимые.

Больше смерти с собой ничего не возмёмь.
Остывают посевы на бороздах выпретенных.
Не хочу признавать, что и ты здесь пройдёшь.
Если это так просто, то строки бессмысленны.

Чёрных сосен негласный несносен устав:
«Завершается всё, даже муки родильные».
Вырастают кресты, застывают уста,
Целованьем последним согреться бессильные.

ТЕРЕМОК

Выпью ледяной воды,
Богатырь в холодной пене,
С рук моих сошедший с пением,
Не привыкший к южной лени,
Холит севера сады.
В вещем сне повален дуб,
Ставит сын мой мощный сруб.
Что-то будет?
– Теремок,
Тот, что от беды далёк.
Дунет ветер – конь сорвётся
С неба огненной стрелой.
– Обойдётся?
– Обойдётся,
Мы под крышею родной.

**Александр
РАЛОТ**

ТРАГЕДИЯ ОСТРОВА ПАРАМУШИР

Поздняя осень 1952 года. Ночь. Петропавловск-Камчатский. Общежитие Петроморфлота. Комната команды траулера «Имени II партсъезда».

Механик Андрей Скворода и рулевой матрос Сергей Ворсклин в ожидании старенького вахтенного автобуса забивали доминошного «козла». Костяшками старались не стучать, ибо стены в общежитии, построенном наспех ещё в довоенные годы, были не бумажные, но тонкие, и звук из комнаты в комнату передавался почти без искажений.

– Рыба, – вполголоса пробасил Андрей, размахнулся и тихонько опустил костяшку на стол.

– Будет тебе «рыба» – и много. Выйдем с рассветом в море, там селёдки, крабов и морской капусты хоть... – он хотел ещё что-то добавить, но стол, кровать и пара табуреток дружно взлетели вверх, а здание трянуло так, что от оконных стёкол не осталось и следа.

– Америкосы треклятые войну начали, бомбу свою атомную кинули, – крикнул механик и метнулся к двери.

Сергей его опередил, дёрнул за ручку да так и замер с ней в руке. Стену перекосило, и выход из комнаты заклинило напрочь.

– На-до надеть про-ти-во-газы, как нас учили по гражданской об-ороне, – заикаясь, молвил Ворсклин.

-
- Александр Викторович Петренко (псевдоним – Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед, член Союза писателей России. Автор двадцати пяти книг, пятнадцать из которых – электронные. Публиковался в литературно-художественных журналах «Огни Кубани», «Южная ночь», «Земляки», «Метаморфозы», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки», «Эдита» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», «Планета писателей»; альманахах «Чайка», «West US» (США), «Что есть истина?» (Великобритания), «Лири», «Таврия», «Русский переплёт», «Камертон», «Приокские зори», «Таврия литературная», «АЛЕКСАНДРЪ», «Южный остров» (Австралия), «Фабрика литературы», «Русское поле» и др. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси» 2018 и 2019 годов, «На пути к гармонии» (Беларусь), международных конкурсов «Кавдория», «Белая акация», «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария, Франция), конкурса имени де Ришелье-2019 «Алмазный Дюк» и других.

– Балда! Они же на судне. А до него ещё добраться надо. Давай, сигай в окно. Второй этаж, не разобьёшься. Я за тобой следом.

Сковорода отломил осколок стекла и выглянул наружу.

– Пожаров нема, и сирены не слышать, может, и не война вовсе, не приведи Господи, а простое землет... – он не договорил, так как очередной толчок оторвал механика от пола и швырнул наружу.

Рулевой, видя это, боялся сойти с места. Ноги непроизвольно амортизировали в такт колебаниям, исходящим от дрожащего пола. Он в недоумении пялился на падающую с полки посуду. А в голове, догоняя одна другую, неслись мысли: «Если на полуострове так колбасит, то что там, в океане, на Парамушире? Неужто ему полные кранты? Там же на заводе девчата и москвичка Маринка...

В прошлом месяце улов на переработку сдавали. Познакомился. Подружился. Смешливая такая, бойкая. И совсем не столичная штучка. Удрала от папы с мамой на край земли. Не побоялась. Проявила характер. В общем, глянулась, чего греха таить. С такой хоть сейчас в ЗАГС, только бы выжила! Окольцую! Однозначно.

Наконец-то завывла сирена, и оживший громкоговоритель хриплым голосом велел всем действовать согласно должностным инструкциям на случай стихийных бедствий.

Вечер 4 ноября. Остров Парамушир. Северо-Курильск Общежитие рыбзавода

Семь лет назад отгремела страшная война. Страна-победительница вернула себе то, что принадлежало российской империи раньше: половину Южных Курил и половину Сахалина. Остров Парамушир никогда и никем захвачен не был. Хоть и далёкая, но исконно русская земля. Жили здесь люди пришлые, приехавшие по вербовке подзаработать денег на строительстве домов и на монтаже посольных чанов рыбзавода. Женская часть населения трудилась куда начальство пошлёт, но по большей части на разделке и переработке улова.

В комнате, рассчитанной на шестерых, беседовали трое.

– Девчонки, я на выходных ездила на соседний остров, на тот, который наши у японцев отбили. И знаете, что я там видела... – Марина картинно закатила глаза, выдерживая паузу, подражая знаменитой актрисе столичного театра.

– И какого тебя туда понесло? Это закрытый, секретный объект, как ты туда попала? – не дожидаясь продолжения монолога, перебила её бригадир Лиза Ким, местная кореянка, перебравшаяся на остров с Сахалина после окончания войны.

– Кимушка, так я ж с погранцами на их корабле. Интересно же. Как узкоглаз... – девушка осеклась, на мгновение прикрыла рот ладошкой, но тут же нашлась и продолжила: – Как твои поработители землю обустроили, что возвели и как. Между прочим, там от каждого дома к вершине сопки ведут добротные лестницы с перилами.

– Так уж из каждого? Врёшь ты, Маринка. Увидела одну и сочиняешь, – возразила повариха Ириша.

Она тоже просилась к пограничникам, даже придумала повод, мол, ей нужны травы для приправ, которые растут исключительно на соседнем

острове и более нигде в мире. Но лейтенант только рассмеялся и сказал, что место для гражданских имеется только одно, и оно уже занято. Так что пусть нарисует, как это растение выглядит, и передаст листок Марине, а та уж расстарается, доставит на Парамушир съедобный цветочек аленький.

– Москвичка правду говорит, – буркнула бригадирша, – так и есть. И лестницы эти не для красоты и удобства, а чтобы жизни спасать. От смерти убежать.

– Как это? – повариха округлила глаза.

– А так. Когда цунами идёт, остаётся только одно – драпать вверх, в сопки. Добралась до верха, значит, поживёшь ещё, а нет, то не останется от тебя даже могилы. Утянет волна в море, и всё. Пойдёшь рыбам на обед.

– Цунами, цунами, – бормотала Маринка, – где-то читала. Это, кажется, волны такие огромные. Или я ошибаюсь? Слово-то какое красивое, иноземное.

– Всё! Отбой, болтушки! Завтра с утра траулер придёт. Всем спать. Пусть вас охраняет могущественный Хогуксин.* – Лиза щёлкнула выключателем и натянула на себя старенькое лоскутное одеяло.

Ночь 5 ноября (местное время)

Маринка проснулась от крика бригадирши.

– Вставайте! Все на улицу! Бегом! Да не одевайтесь вы, дуры! Некогда! Так бегите!

Утлый домишко ходил ходуном. Девчонки, выскочив во двор, жались друг к дружке, пытаясь согреться. Промёрзшая земля тряслась под ногами. Норовила опрокинуть растерянных и ничего не понимающих людей.

С берега ветер донёс звуки выстрелов и обрывки фраз: «Война! Война!»

Марина схватила Ким за рукав:

– Неужели опять? Кто посмел? Американцы, японцы или все вместе?

– Да не война! Уши прочисть! Вода! Волна! Бежим отсюда. Быстро!

– Куда, Лизонька? Это же остров. Океан кругом. От него не убежишь.

Мы все утонем.

– Туда, дурёха. На сопку, к пограничникам. Застава – самое высокое место. Быстрее. И повариху тащи. Стоит и раскачивается. Дай ей пощёчину, я разрешаю.

Толпа бегущих разом остановилась. Путь к вершине преградила широкая канава. Через неё был переброшен хлипкий деревянный мостик. Солдаты расталкивали бегущих, освобождая проход для женщин с детьми. К счастью, их на острове было немного. Спустя несколько минут хлипкое сооружение рухнуло под натиском людской массы. Сильные руки лейтенанта подхватили Марину. Офицер понёс её через траншею. Девушка была в полузабытьи. На мгновение ей показалось, что рядом с ней не пограничник, а парень с траулера со странной фамилией Ворсклин. Внезапно её сердце сжалось и заныло. А если он сейчас в море? Его судёнышко как скорлупка. Ой, Боже, если ты есть, спаси его! Пожалуйста. Я молитв не знаю, но очень тебя прошу.

* В корейской мифологии дух – защитник страны.

Ирина и Лиза вели под руки ослабевшую старую женщину. Сзади нарастал грохот приближающейся громадной волны. Слыша это, девушки ускорили шаг, стараясь как можно быстрее добраться до вершины спасительной сопки. Минуту спустя старушка в изнеможении повисла на их руках, а затем, выскользнув, упала на землю.

– Вставайте и опирайтесь на меня! – скомандовала хрупкая корейка. – Лиза, помоги ей.

Женщина скрестила руки на груди:

– Оставьте меня. Я своё отжила. Спасайтесь сами. Вам ещё детишек рожать. Земля русская пустовать не должна. Ступайте с Богом.

Повариха, перекрикивая грохот стихии, орала ей в ухо:

– Ишь, чего удумала! Давай, цепляйся за мою шею. Либо выкарабкаем-ся вместе, либо потонем. Двум смертям... – девушка не договорила. Могучая сила цунами подхватила их и швырнула далеко вперёд, к вершине сопки.

Измученные женщины пытались ухватиться за стебли спасительных кустиков, но тонны воды были сильнее. Образовавшийся гигантский водоворот, помедлив с минуту, втянул в своё чрево всех, кому только что даровал надежду на спасение.

Вдруг наступила тишина. Из-за облаков выглянула робкая луна. Люди с удивлением глядели друг на друга. Несмотря на ноябрь, никто не ощущал никакого холода. Каждый в этот момент думал об одном и том же: «Неужели всё! Пронесло! Выжили!»

Наиболее смелые начали спускаться вниз, спеша посмотреть на то, что полчаса назад было их городом, и узнать, что стало с их родственниками, не успевшими покинуть жилища.

Обгоняя других, бежал человек в мокрой милицейской форме:

– Там заключённые в КПЗ. Если они погибли, они мне этого не простят! Я же сам их вечером запер всего-то за пьянку. Если бы знал, если бы... – повторял он одно и то же на бегу.

Неожиданно вся людская масса разом остановилась, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Люди, оцепенев от ужаса, смотрели в сторону океана, откуда на их Парамушир надвигалась свинцовая громадина нового цунами.

Огромный водяной вал уничтожил то, что уцелело после первого удара стихии. Многотонного кита, словно игрушку, выбросило на центральную площадь города. За этот «щедрый дар» вода унесла с собой трактора, цистерны с горючим, суда, стоящие на рейде и... конечно, людей.

Остров Парамушир. Вечер следующего дня

Сергей обнимал плачущую Марину. Девушка прижималась к нему, пытается спрятаться в его бушлате от ужасов прошедшей ночи.

– Ну, угомонись ты, ведь жива же! Чего реветь-то? Знаешь, сколько сил понадобилось нашему траулеру, чтобы к острову пробиться? Кругом буру-

ны, водовороты, брёвна, бочки, чего только нет! Гребной винт от намотанных рыболовецких сетей раза три освобождали. Без водолазной амуниции. Вода холоднющая, ужас! К вам спешили на помощь. Весь наш Петроморфлот тут. Все суда до единого.

К ним подошёл Андрей. Постоял с минуту, помолчал, потом протянул матросу бумагу:

– Читай. Радиограмма. Аж из самой столицы.

«Создать в регионе службу наблюдения и предупреждения об... Незамедлительно выделить для научных исследований судно... Включить в состав экипажа: ...матроса Сергея Ворсклина...»

– А меня об этом спросили? – возмутился парень. – Может быть, я хочу, как и раньше, селёдку ловить! Научная посудина, понимаешь! Да там одни очкарики в команде будут. Скукотища. Не! Я не согласен. Рапорт подам.

Марина отодвинулась от него, приподнялась на цыпочки и заглянула в глаза.

– Ты будешь на нём ходить! Обязательно. Ради памяти наших девчонок, ради всех погибших островитян! Чтобы ничего подобного не повторилось! Понял!

– А ты?

– А я буду ждать на берегу, что же мне ещё остаётся.

Москва. Кремль. Сутки спустя

Вождь просматривал только что доставленные гранки завтрашнего выпуска партийной газеты. Решительно перечеркнул красным карандашом небольшую заметку на четвёртой странице, снял трубку и велел секретарю соединить его с главным редактором.

Минуту спустя в трубке раздался встревоженный голос:

– С-слушаю, Иосиф Виссарионович.

– Завтра большой праздник. Вся наша страна будет отмечать очередную годовщину революции. Зачем портить людям настроение каким-то далёким цунами? Они хорошо потрудились и имеют право хорошо отдохнуть. Вы меня поняли?

**Татьяна
Цой**

Я НАПИШУ ХОРОШИЕ СТИХИ...

НА ИЗЛЁТЕ

С. Есенину

Глядя в ночь, луна-скиталица
Тяжелеет в облаках.
Пледом серым укрывается
Задремавшая Ока.
Время гонит воды синие,
Памяти шлифуя скол.
В дни предновогодне зимние,
Не прощаясь, он ушёл...

Ну, а я без приглашения,
Взяв дорожную суму,
На излёте вдохновения
Вновь приехала к нему.
Вижу дом и тополь старенький,
А вокруг такая грусть –
У крылечка на завалинке
Вот возьму да и напьюсь!
Языки пусть чешут сплетники...
Небо, поле – тишь да гладь;
Лишь пожухлые бессмертники
Продолжают умирать...

-
- Татьяна Серафимовна Цой родилась в 1976 году в Рязанской области. С 1993 года живёт в Саратове. Стихи пишет с 2010 года. С 2011 года является членом поэтического клуба «Диалог» при Центральной городской библиотеке г. Саратова. Лауреат Поволжского фестиваля современного искусства (Саратов, 2014). С 2022 года участвует в проектах «Уличные поэты» и «Литературные чтения в Саратове». Публиковалась в журнале «Возрождение» и в коллективных сборниках «Нетерпеливые строки», «Первый», «Журавлями белыми...», «Слова, родившиеся в сердце», «Литературная волна».

С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Закрываю глаза и вижу:
Два холодных январских солнца
Обжигают мне веки светом
Цвета спелого мандарина,
Что собрали для нас в Марокко.
Всё бессмысленно и жестоко...
Свет любви оказался мнимым,
Но не стоит жалеть об этом!
Я надеюсь, любовь вернётся...
Как Цветаева – из Парижа.

Я С ВАМИ...

Я с вами хотела проститься,
Уйти, не оставив следа.
Голодной израненной птицей
Душа устремила туда,

Где мысли сбиваются в стаи,
К зиме улетаая на юг,
И осень, почти золотая,
Впускает в свой замкнутый круг...

Но время меня не отпустит.
Затянут в пучину года,
Где старость в серебряной грусти
Сверкает чешуйками льда.

ЭТОТ ДЕНЬ

Яркой звёздочкой петунии
Вспыхнул день и был таков:
Растворился в полнолунии
Стайкой белых мотыльков.
В веренице дней непрожитых,
В прошлое захлопнув дверь,
Этот день – озноб по коже мне.
Как найти его теперь?
Все мои желанья тайные
Он навек с собой унёс,
Чтоб надежду не питала я,
Не выдавливала слёз,
А красавицей экранною,
Смысл искавшей в пустоте,
Поняла б душою рваную:
Всё не те,
 не те,
 не те...

ИЗ САРАТОВА

Стихи лежат на небесах
На каждой полке.
Какие синие глаза
У нашей Волги!

Я, лишних слов не говоря,
Покину город.
Мне тёплый ветер сентября
Потреплет ворот.

Зелёной стрелкой над мостом
Свисает небо.
Я Энгельс привезу потом
Тем, кто там не был.

Лечу над Волгой по мосту
Бескрылой птицей.
Швыряет ветер в высоту
Судьбы страницы.

Струится с неба бирюза
По нитям шёлка,
И щурит синие глаза
На солнце Волга.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

*В начале было Слово,
И Слово было у Бога,
И Слово было Бог.*

Евангелие от Иоанна

Не меняемся мы век от веку –
Ждёт душа новогодних чудес.
На Радищева «Бонум»-аптеку
Обгоняет «Восточный экспресс».
Он неспешно прокатится в «Липках»,
Устремившись в закатную гарь.
И растает в счастливых улыбках
Этот слишком холодный январь.
Потеряется в мягких сугробах
На заснеженной Kirova-Street
Саквояж с липкой зимней хворобой,
Что коварная стужа хранит.
И окажется Слово в начале,
Чтоб в конце написались слова,
Как моя утолила печали
Эта светлая ночь Рождества.

НЕ СПЛЮ

Мне снится сон:
Из полумрака
Я к дому выхожу... И вот
Большая рыжая собака
Меня встречает у ворот.
В дом захожу...

За занавеской
Сушёной рыбы стройный ряд.
За ним, похрустывая леской,
Две сети старые висят.
Отец, наверно, топит баню,
С утра в заботах и делах...

Вдруг просыпаюсь утром ранним
И понимаю: «Проспала!»
Бегу я в сад –
Там тихо, пусто.
На яблонях горит рассвет.
Душе невыносимо грустно –
Отца в холодной бане нет!
Не бродят куры, нет собаки,
Зарос бурьяном старый сад.
Пестреет август в буераке...

Всего лишь пару лет назад
Жужжал, слетаясь, хор пчелиный.
Творилось в ульях волшебство.
И жизнь такой казалась длинной...
Казалась...

Только и всего!

ОТТЕПЕЛЬ

Вновь оттепель. И тёплый шарф не нужен.
И боль внутри ослабила тиски.
Туман накрыл саратовские лужи
Поверх щемящей ледяной тоски.
Уходит снег водою понемногу.
И ты уходишь, чтоб прийти опять.
А я смотрю на мокрую дорогу,
Боясь тебя навеки потерять.
Грущу одна. Мне почему-то страшно,
Что между нами оборвётся нить...
Хочу в твою укутаться рубашку,
Чтоб без тебя с тобою рядом быть.

Я ШЛА К ТЕБЕ

Ты много жизней прожил без меня.
Ты отдавал себя, но был не нужен.
Ты даже где-то назывался мужем,
Но в очаге не смог разжечь огня.

А я пришла сквозь миллиарды лет,
Сквозь миллионы древних песнопений,
Чтоб сесть однажды у твоих коленей
И робко ждать вопрос на мой ответ.

С тобой останусь – только позови –
И окружу тебя своей заботой.
...В ржавеющих доспехах Дон Кихота
Бросаюсь вновь на мельницу любви.

ПИШУ

Я напишу хорошие стихи
О том, как я здорова и красива;
О том, как чувства бьются с новой силой;
О том, как горе не стучит в виски.
Я напишу о том, как я пишу
Вторую книгу сразу после первой;
О том, что мне никто не треплет нервы,
Пытаясь рай примерить к шалашу.
Я напишу, как встречу Новый год
В красивом доме с ёлкой и свечами,
И там не буду плакать я ночами
От грустных мыслей, тягостных забот.
Я напишу хорошие стихи...

**Алексей
КУРЕНЁВ**

БОЛЬ И ВРЕМЯ

Боль... Три буквы... Мягкий знак... Слово!

Означающее миллионы импульсов нервной системы прямо в таламус – центр боли в мозге. А это есть суть природы человеческой, с рождения. Разбитые коленки, ссадины, занозы, ожоги и бесчисленное множество болевых ощущений с детства заставляют наши нервные окончания работать.

Такой боли он никогда не испытывал. Жизнь в одночасье разделилась надвое: до боли... и после...

Смерть мамы буквально сводила с ума. Уже сама мысль о том, что больше не поговорит с ней, не увидит её и что никогда она уже не погладит его по голове и не обнимет, терзала душу, ожесточала сердце. Он вдруг понял: всё, что ранее знал и слышал о боли – лишь намёки, отзвуки и не более, какие-то лёгкие ипостаси боли. Именно сейчас ему придется испытывать ту самую настоящую, самую страшную боль.

Боль высоковольтной дугой, сжигающей предохранители, отключила в его организме все чувственные функции. Подсознание замкнулось на одном: больно, очень больно. Он напоминал оленя, лежащего на боку с недорезанным горлом, из артерии которого ещё была красным родником уходящая жизнь, а трахея сипела и клочкотала от потуги что-то прохрипеть, но звуки сливались в шипение и бульканье пульсирующего, уносящего жизнь потока.

Все тело изнутри отзывалось болью. Каждый жизненно важный вдох прорывался через лёгкие, скованные невидимыми постороннему глазу оковами. Раз за разом он собирался с силами, гасил источники боли, преодолевал нежелание дышать этой Вселенной, наполненной миазмами.

Но пока он жив... Вынужден дышать. Через силу выдыхая углекислый газ, исходящий из его апатичных клеток, парализо-

-
- Алексей Михайлович Куренёв – прозаик, член Челябинского областного отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России (2022). Родился в Самаре. Живёт в Челябинске. Окончил Ульяновское высшее военное инженерное училище связи, факультет радиосвязи, Самарскую государственную академию путей сообщения (2003). Выпускник Литературных курсов ЧГИК (руководитель – Н. А. Ягодинцева) (2018). Студент Литературного института им. А. М. Горького (2023). Лауреат Второго областного литературного семинара «Сочинительный Союз» (2022), финалист X Архангельского межрегионального литературного конкурса им. Александра Грина (Гринфест «Остров надежды»-2023). Автор публикаций на сайте Ассоциации писателей Урала и на сайте «Российский писатель». Публиковался в журнале «Бельские просторы», литературных сборниках и альманахах.

ванных болью, он долго не мог осознать всю тяжесть от потери самого дорогого человека и мог часами смотреть в одну точку. Иногда эта точка смещалась или исчезала вовсе, и тогда он выходил на улицу и шёл куда глаза глядят. Ледяной кашницей причмокивали ботинки, холодный весенний ветер пронизывал насквозь, но он упорно шагал, ведомый дорогой, как бывалый пилигрим к месту паломничества, но так и не доходил до своей Мекки.

А время... время неустанно двигается вперёд, вершит своё. И кто бы что ни говорил, время – всегда ощущается живым. То оно скачет, как мальчуган наперегонки с тенью, а то, как застывший стоп-кадр на экране, тянет паузу до последнего, до мига, когда уже нельзя не вздохнуть.

Боль, напоминающая цунами, крушащее всё на своём пути, разрушила главный его жизненный стержень, заслонила горизонты его сознания, а с ним весь окружающий мир, с его маленькими радостями и маленькими горестями, оказалась всего лишь ничтожной песчинкой в руках времени.

Но ход времени не остановить. Оно делалось старше, игра в догонялки с тенью уже не забавляла время, которое всё больше ускоряло свой бег.

Время, набирая привычный ритм, покрыло его рану саднящей коркой. Однако не затянуло, не залечило. Не восстановилась и его тяга жить, быть в состоянии стрелы, несущейся к цели. Не хватало сил душевных, не пришла уверенность шагать к недостижимым вершинам. Состояние бессилия угнетало его одинокую жизнь. Ему катастрофически не хватало тепла, такого простого человеческого тепла, внимания близких людей, которое могло бы вернуть из небытия, натянуть тетиву, выстрелить, обрести.

Однажды он, содрогнувшись, поймал себя на том, что навязчиво, как пёс, потерявший своего хозяина, вглядывается в прохожих, пытается увидеть в их нахмуренных лицах искорку доброты, сочувствия и понимания. А он так искал в этом каменном лесу домов и просеках улиц, буквально выпрашивал у них хоть кусочек, хоть какой-то живой отклик, хоть каплю человеческого участия. И не нашёл. Прохожие стыдливо отводили глаза, шли мимо, уткнувшись взглядами в грязно-ледяные тротуары.

Сомнамбулские прогулки «в никуда» почти прекратились. Теперь он выходил из квартиры только по необходимости – купить продукты или оплатить коммуналку. Ночи по-прежнему являлись для него наказанием, по-прежнему долгими, по-прежнему бессонными.

Время ускоряло и ускоряло свой петляющий бег, вбирало в себя палитру его переживаний, принесло в мир лето. Всё пошло своим чередом.

«Девушки прекрасны в своих воздушных платьях», – мысль обдала его неожиданностью. Мир ворвался в него, сидящего на скамейке в парке, оглушил гаммой звуков, вцепился сотнями мелочей, созерцая которые, он заново открывал их для себя. По-новому. Удивлённо переводил взгляд из стороны в сторону: то одно, то другое тянуло его внимание, поражало, влекло его к себе новыми гранями.

Трава такого сочного салатного цвета! Вот со знанием дела двигалась колонна трудяг-муравьёв, несущих былинки. Вот стрекоза, праздно умчалась куда-то в высь, покружив рядом, – проследив направление её полёта, запрокинул голову и увидел небо...

Небо наконец, до самой дали разорвало своей бирюзой лоскутное одеяло облаков – такое высокое, такое бесконечное и такое огромное от края и до края. И наполненность эта передавалась всему живому. Глубокий вдох... Выдох... Ощущение лета, бурлящего по венам, не проходило.

Впервые за долгое время он шёл по дорожке парка в ногу со временем, смотрел на залитое бирюзой небо и улыбался.

**Ксения
ПРАВИКОВА**

В ПОЕЗДЕ, ИДУЩЕМ ДОМОЙ

КОКТЕБЕЛЬ НОСТАЛЬЖИ

куришь крымские сигареты
и на море глядишь смеясь
но нет-нет да возникнет «где ты?
где ты радость моя сейчас?»

там где море коснулось пальцев
там где радуга в сентябре
где комарик кружится в вальсе
я в мечтах о своей дыре

потому что в норе-землянке
заскучал без меня торшер
и грустит о домашнем панке
лакированный секретер

потому что гуляет ветер
без меня по ночной Москве
и по полю где не заметить
даже самый густой рассвет

потому что на башне солнце
у реки твоей толкотня
и когда эта дура вернётся
поцелуй её от меня.

-
- Ксения Александровна Правикова родилась и живёт в Москве. Автор книги стихов «Безалкогольное пиво» (2020). Публиковалась в журнале «Интерпоэзия». Победительница турнира «Кубок букв – 2023». Участница мастерских Зимней Школы Поэтов в Сочи.

трепет перед поцелуем
треплет меня как флаг
приснившийся мне после
после ночи с мыслями о тебе

мысль о тебе – предательство
мысль о тебе – масла в огонь
мысль о тебе – мой бесполезный пластырь
для твоих ран

там где на пост заступил архангел
мысль о тебе развлечёт
как развлекает казнь

твой поцелуй отравлен
должен разжесть меня до костей
но я живу точно так же
как до встречи с тобой

и лишь земля подо мной
качнулась тебе навстречу

в середине осени
нежной как одуванчик
я запишу
всё что я не запомню
всё что не могу передать

две последние сонные розы
на клумбе
у Ильича
которого век не снесут
две первые
утренние сигареты

бархатцы рвутся
кочьями из-за забора
и делают чуть нежнее
башлачёвскую осень

я возвращаюсь домой и открываю окно
так мне лучше видна дорога
не ведущая к тебе
и песня
не написанная тобой

в поезде идущем домой
мысли пассажиров
сталкиваются в воздухе
я не могу отпустить твою руку
есть бесполезное совершенство
в том
как пальцы находят пальцы
дорогу от Пушкинской до Алтуфьево
соединяет
мост вздохов
в вагоне светлеет
конечная

вот мы сидим на берегу
полоски кожи из-под курток
руки лики щиколотки

пластмассовое море
лижет камни
стирает память
на всякий пожарный

небо игрушечное
вот он пояс Ориона
как на картинке
в книжке астрономия для самых маленьких

вот мы
самые маленькие
покажите нам космос
больше ничего не надо

гаснет свеча

в комнате тихо и все колыбельные мира
сопровождают нас в ночь где не тают надежды
где от суровости мира осталась лишь блеклая тень

гаснет свеча

я забываю о том как кончается лето
как расцветает в назначенный день волоокое небо
как от земли отрывается медленно твой самолёт

гаснет свеча

пламя потухнет и славная песенка спета
путь мой отныне лежит между Нарнией и Средиземьем
не дожидаясь рассвета я делаю шаг за черту.

в незнакомом районе станция Теплый Стан
вспоминаешь Тбилиси лето сухой пожар
нужно три человека чтобы обнять платан
нужно два человека чтоб навсегда сбежать

в каждой двери замок и за каждым углом беда
и квартира безмолвно сужается с каждым днём
меньше нас только серые птички на проводах,
только мышки, но всё же здесь мы стоим вдвоём

если двое неважно что страх изнутри стучит
что опять на станции где-то в глубоком сне
потеряю себя или просто свои ключи
нужно два человека чтобы спина к спине

нужно два человека чтоб долго идти домой
пусть земля растает и съежится время, но
запасная связка всегда у тебя с собой
значит в мире моём ещё не совсем темно

**Анастасия
ВАСИЛЬЕВА**

ФРИДУЧА-ХОХОТУШКА

Старый жилой район пригорода Мехико – Койоакен. Разноцветные домики, плотно прижатые друг к другу, теснятся вдоль дорог. С годами они поблекли, но не потеряли своего очарования, правда, штукатурка местами облезла, будто заблудившийся маляр с ведром белой краски бродил вдоль домов и брызгал кистью во все стороны. Мощённая булыжником дорога покрыта трещинами, заезаешь – расквасишь нос. Улицы тенистые и узкие, нет-нет да и мелькнёт где-то ярко-розовый огонёк бугенвиллии. На углу, где пересекаются улицы Лондрес и Альенде, стоит ярко-синий дом с изумрудными ставнями и бордовой окантовкой. Если тихонько приоткрыть створку дверей, то можно увидеть тропический сад с маленькой пирамидкой, уставленной глиняными и деревянными идолами доколумбовой эпохи. На колючих кактусах примостились зелёные попугаи, под банановой пальмой тихо посапывает оленёнок. На ветру покачиваются два гигантских иуды из папье-маше, приглашая войти внутрь. Но ещё слишком рано, и дом пребывает в сладких объятиях сна.

– Алекс, милый, мой зонт! Ты не видел мой маленький красный зонтик? Я, кажется, оставила его на автобусной остановке! – озабоченно перебирая руками вещи в сумке, бормотала девушка.

– Забудь, Фридуца, я куплю тебе новый!

– Мама убьёт меня, когда узнает, что я потеряла её любимый зонт! – продолжала брюнетка с густо сросшимися на переносице бровями. – Нет, Алекс, нам придётся сойти и поискать его. – Она потянула молодого человека к выходу.

Он недовольно последовал за ней, тяжело вздыхая и закатывая глаза, но спорить с Фридуцей было себе дороже – он уже успел в этом убедиться не раз.

– Ну, вот видишь, его здесь нет, зря мы сошли с автобуса, только ещё больше промокли! – укоризненно проговорил Алекс. – Да и следующего неизвестно сколько придётся ждать.

-
- Анастасия Сергеевна Васильева родилась в 1983 году в Москве. Окончила факультет транспортной логистики в Государственном Университете Управления. Работает по специальности. Выпускница Высших литературных курсов (ВЛК) Литературного института им. А. М. Горького. Слушатель Высших курсов кино, телевидения и визуального контента во ВГИК. Живёт в Москве. Публиковалась в журнале «Наш современник», литературном альманахе «Царицын», журналах «Огни Кузбасса», «Бельские просторы», на официальном сайте журнала «Москва».

– Наверное, я оставила его на рынке, когда покупала эту прелестную игрушку... – И улыбчивая девушка помахала перед глазами Алекса деревянным балеро. – Не правда ли, она прекрасна?

Алекс лишь бросил мимолётный взгляд и отвернулся.

– Любовь моя, послушай, тебе не кажется, что нам надо более тщательно планировать нашу поездку в Штаты? – переводя разговор на другую тему, замурлыкала она. – Что ты думаешь о том, чтобы отправиться туда в декабре? У нас есть ещё много времени, чтобы всё устроить, ты согласен? Мы будем совершенными болванами, если проведём всю жизнь в Мексике!

На горизонте показался новенький автобус, как разгорающееся алое пламя на фоне серых и унылых правительственных зданий, он приближался к остановке.

– Битком! – уныло протянул Алекс, с трудом уместившись на подножке.

– Вон смотри, сзади есть два свободных места.

И они стали протискиваться в хвост автобуса.

«Я и Алехандро! Как же я была тогда счастлива! Одно мгновение – и наша жизнь разделится на до и после, и никогда уже не будет прежней. Я знаю всё, что произойдёт дальше: наш красный автобус рассечёт пополам ехавший наперерез троллейбус, а поручень, за который обычно держатся люди, чтоб не упасть, пронзит меня насквозь как меч, и я буду истекать кровью, пока не приедет скорая помощь. Это сейчас я понимаю, что тогда случилось, а в тот момент меня больше всего беспокоило деревянное балеро, зажатое в моих руках, цело ли оно. Я старалась смотреть на его разноцветные полосы и не думать о том, насколько серьёзно то, что произошло. У меня не было слёз, не было страха, тогда я не знала ещё, что жизнь моя больше никогда не будет прежней. А теперь знаю и не хочу снова видеть этот кошмар, не хочу опять возвращаться в тот день! Мне надо проснуться, нужно закричать!»

Голова неистово металась по подушке, мокрые волосы прилипли ко лбу, а на руках вздулись вены. Из пересохших губ доносились нечеловеческие хрипы. Разбуженная в 5:30 утра пугающими звуками пианистка Элла Парески кинулась в комнату Фриды.

– Дышать, я не могу дышать! – хрипела Кало.

– Врача, вызовите кто-нибудь врача! – крикнула Элла и бросилась к кровати.

Ночью корсет начал сжиматься, и затвердевший гипс сдавил лёгкие.

Элла схватила лезвие и аккуратно начала разрезать корсет над грудью Фриды. Два дюйма – и дыхание стало потихоньку возвращаться, на бледном как полотно лице проступил румянец. Ещё мгновение – и в глаза Фриды снова вернулся озорной блеск.

– Где этот чёртов доктор Зимброн? – приходя в себя, проговорила Кало. – Он ничего не смыслит в ортопедии! Это не лечение, а просто издевательство какое-то!

– Скоро будет, – ответила Элла, подкладывая подушки под спину подруги.

– Ты знаешь, сегодня мне опять приснился этот ужасный кошмар!

– Это корсет во всём виноват, он так сдавил тебе грудь, что я удивляюсь, как ты вообще не задохнулась! Выпей водички и успокойся, доктор должен появиться с минуты на минуту, – протягивая стакан, проговорила Элла.

– А что толку? – делая небольшой глоток, прошептала Фрида. – Ты знаешь, какой это по счёту корсет?

– Боюсь даже подумать.

– Двадцать четвёртый! У меня есть кожаные, металлические, гипсовые корсеты, разве что из кактуса нет, эти докторишки даже подвешивали меня на тросах к потолку, чтобы вытянуть позвоночник, а какой от этого прок? Если всё равно мне ничего не помогает. Всё перевернулось с ног на голову в тот злополучный день. Хотя, знаешь, в моей жизни ведь было две аварии!

– Как это? – Элла с удивлением посмотрела на подругу.

– Да, одна – когда автобус столкнулся с троллейбусом, другая – это Диего! Вторая была гораздо страшнее...

– Ты об этом! – с облегчением выдохнула Элла. – А я уж испугалась, что что-то пропустила. Слушай, давно хотела тебя спросить, – немного помедлив, тихо проговорила Элла, – это правда, что люди судачили о тебе и этом русском... как его? Тоцки? Коцки?

Фрида засмеялась и лукаво посмотрела на подругу.

– Ты о Троцком? Нашла тоже время!

– Должны же мы чем-то заняться в ожидании врача! – подмигнула ей лукаво Элла.

– А ты сама-то как думаешь?

– Я думаю, что – да! Зная тебя, дорогая, я ничему не удивляюсь!

– Он был очарован мной с первого взгляда. Помнишь, Диего тогда лежал в больнице – проблемы с почками, поэтому волею судеб встречать этого козлика с женой пришлось мне.

– Ну в том, что он влюбился в тебя с первого взгляда, я даже не сомневалась. Ты умна, красива, можешь поддержать любую беседу! Такой женщиной сложно не очароваться. У тебя бешеная энергетика! Но ему же было пятьдесят восемь! – воскликнула Элла.

– Девочка моя, возраст не имеет для меня никакого значения! Можно и в восемнадцать лет быть унылым старичком. Если ты забыла, то я тебе напомним, что Диего старше меня на двадцать лет. О, это было так забавно, мы передавали друг другу тайные записочки в книгах. Он писал мне: «Ты вернула мне молодость и отняла рассудок. С тобой я чувствую себя семнадцатилетним мальчишкой». Но вскоре Лев потерял голову настолько, что уже не стеснялся ни своей жены, ни Диего.

– И как на это реагировал твой муж?

– Бушевал как ураган! Но он сам виноват, не надо было приглашать этого коммуниста пожить у нас дома. Но ты же знаешь, как Диего обожает всё русское, и, как активный член Коммунистической партии, он почёл за честь возможность поселить у нас дома идеолога мировой революции. Так вот, этот старик так забавно бегал за мной по нашему патио! Где я, и где – бег! Представляешь! С моей-то ногой! Я позволяла ему поймать себя и вводила на глазах у всех присутствующих в спальню полюбоваться моими полотнами.

– Боже, Фридуца, ты отчаянная женщина! – захохотала Элла.

– Зато я хоть немного отомстила Диего за его многочисленные измены и предательства!

В коридоре послышались спешные шаги, и на пороге комнаты появился доктор Алехандро Зимброн.

– Магдалена Кармен Фрида Кало-и-Кальдерон, меня разбудили в шесть утра, утверждая, что ты при смерти! И что я слышу, заходя в дом? Твой залиvistый смех и оживлённую беседу! – проворчал доктор.

– Это всё благодаря Элле, она не даёт мне скучать! – ответила Фрида, подмигивая подружке.

– Ну что тут у нас? Давай-ка посмотрим, – откидывая одеяло и изучая корсет, проговорил Зимброн.

– Он сковал меня настолько, что я не могла вдохнуть, терпела сколько могла, но, когда почувствовала, что начинаю задыхаться, позвала на помощь. Элла сделала небольшой надрез, и мне стало немного легче, но дальше трогать его мы побоялись.

– Да, Фрида, придётся его снять совсем. И этот тоже больше не годится, – развёл руками доктор.

Он достал инструменты из сумки и начал осторожно резать гипс.

– Потерпи немного, я постараюсь сделать это аккуратно и быстро.

Гипс впился в кожу настолько, что под ним остались лилово-синие пятна, хрупкое тело Фриды и без того было покрыто многочисленными шрамами, рёбра выпирали наружу, а любое телодвижение сопровождалось тупой болью. Боль стала спутницей всей её жизни.

Когда ненавистный корсет наконец-то был извлечён, Фрида впервые за несколько дней смогла вдохнуть полной грудью. Лицо её порозовело.

– Мне нужно время, чтоб подумать, что ещё можно сделать в твоём положении, посоветоваться с другими врачами, – убирая инструменты в сумку, проговорил Алехандро.

– Не забирайте корсет, доктор, оставьте его мне на память. Я его распишу, и, может, когда-нибудь его будут возить по всему миру как музейный экспонат. Пожалуй, я изображу на нём серп и молот, а ещё красную звезду и солнце!

– Ох, Фрида, что я люблю в тебе больше всего, так это твой неисчерпаемый оптимизм! Другая бы на твоём месте давно бы впала в отчаяние, потеряла вкус к жизни, но ты молодец! Не сдавайся, девочка! Дай мне немного времени, и мы что-нибудь придумаем! – стоя на пороге, сказал врач.

– Спасибо, доктор Зимброн! Буду ждать с нетерпением нашей следующей встречи! – иронично выпалила Фрида, посылая врачу воздушный поцелуй.

Доктор улыбнулся и скрылся в дверях комнаты.

– Ни черта он не придумает! Безнадёжно всё это! всю свою жизнь я распята болью, и ни один из этих докторишек так и не придумал ничего стоящего, чтоб облегчить мои страдания. Элла, придвинь мне, пожалуйста, столик с письменными принадлежностями и распахни шторы, – попросила Кало.

– Фридучита, тебе не мешало бы немного отдохнуть! Ещё так рано... – проговорила Элла, раздвигая занавески и открывая окно.

– Как-нибудь потом, дорогая, обещаю! – улыбнулась Фрида. – А ты иди поспи!

Тёплые лучи утреннего солнца уже вовсю светили в гигантские ставни синего дома. Но окна в спальне Фриды выходили во внутренний дворик, сохраняя лёгкий полумрак даже при дневном свете. Неспешно подметал дорожки своим роскошным хвостом павлин, маленькая чёрная обезьянка качалась на ветвях, а стая зелёных попугаев перелетала с ветки на ветку – за окном текла бурной рекою жизнь, и течение её не прекращалось ни на минуту. В комнате буйство красок было не менее эффектным, чем во дворе. Изумрудного цвета дверь и окно, как два дерева жизни, выделялись яркими пятнами на белых стенах. Жёлтый пол напоминал песчаный пляж, казалось, что стоит только коснуться его кончиками пальцев, как стопы утонут в тёплых, рассыпчатых песчинках. На полках примостилось несметное количество кукол: старинных и современных, мексиканских и ино-

странных, деревянных идолов и маленьких стеклянных зверушек, собранных в коллекцию с такой любовью. Даже заспиртованный эмбрион, подаренный как-то доктором Эллоисером. Всё окружение этой сильной женщины кричало о любви к жизни, о невероятном желании любить и творить. Лишь только брэнное тело отказывалось подчиняться своей не сломленной бесконечной чередой несчастий хозяйке. Оно тяжким грузом тянуло её на дно, по миллиметрам отвоёвывая всё новые и новые территории.

«Дорогой доктор Эллоисер, с каждым днём мне всё хуже и хуже... Я больше не могла работать, потому что любое движение доводило меня до изнеможения. Мне стало немного лучше после того, как я надела корсет, но сейчас я снова совершенно больная и прихожу в отчаяние, потому что не могу найти ничего, что улучшило бы состояние позвоночника... Моя правая нога по-прежнему плоха, но с ней ничего нельзя сделать, я знаю. Когда-нибудь я решусь на то, чтобы эту проклятую лапу отрезали, и она мне больше не досаждала.

Во имя Господа, скажите, есть ли какое-либо лечение или смерть собирается прибрать меня? Некоторые доктора снова настаивают на операции, но я не хочу. За свою непродолжительную жизнь я уже больше двадцати раз успела полежать на операционном столе, а существенных улучшений как не было, так и нет...»

Облизнув пересохшими губами край конверта, Фрида запечатала его и, отложив в сторону, опустила на подушки.

Она лежала на тёмной деревянной кровати с резным балдахинном, в потолок которого было врезано зеркало, чтобы можно было, не вставая, рисовать свои портреты. Худые руки с тёмным пушком гладили шершавое полотно покрывала, перебирая как чётки каждую связанную крючком петельку. Отдохнув немного, она приподнялась и подула тёплым дыханием на зеркальное полотно и начала рисовать пальчиком дверь на запотевшей поверхности. Эта дверь скрывала за собой улицу, на углу которой притаился молочный магазин под названием «Пинсон». С лёгкостью лани она проскочила в букву «О» и полетела со всех ног, перескакивая через ступеньку и опускаясь внутрь земли.

Там, на дне, жила её хохотушка, она вальсировала, как будто ничего не весила, словно лёгкое пёрышко кружилось в объятиях ветра. Она танцевала и смеялась. У хохотушки не было имени, да и внешность была незапоминающаяся, но она всегда слушала Фриду, веселилась и танцевала. Она знала все её секреты. А Фрида танцевала вместе с ней и выписывала такие па, что ей могла позавидовать сама королева бурлеска Салли Рэнд.

– А, Фридуча, это ты! Я ждала тебя! Давно ты ко мне не заходила. Что нового?

– Спина, опять спина не даёт мне покоя! А ещё воспоминания. Знаешь, сегодня мне приснился кошмар.

– Опять? Какой же на этот раз? Расскажи. – Лёгким эхом отскакивал от стен голос хохотушки.

– Нет, не хочу, давай лучше вспомним что-нибудь хорошее!

– Как скажешь! Я всегда рада, когда ты со мной разговариваешь, неважно, о чём. Ты же знаешь, как я люблю тебя, Фрида! Ты моя самая лучшая подруга!

– Мне вспоминается отец. Ты знаешь, он был такой тихий, кроткий, немногословный. Приходя с работы, он садился за свой немецкий рояль, играл Бетховена и Штрауса. Особенно я любила слушать, как он исполнял

«Голубой Дунай». Как сейчас вижу его пальцы, порхающие по чёрно-белым клавишам.

Губы Фриды расплылись в улыбке.

– Представляешь, когда мне было семь лет, я тайком ночью помогала сестре Матильде бежать с возлюбленным в Веракруз. Мати всегда была маминой любимицей, сбежала, не сказав никому ни слова, доведя родителей до истерики. «Мой шеф» разбушевалась так, что двенадцать лет не пускала свою любимицу на порог дома. Ох, мама, мама! – И нежная улыбка пропала с алых губ Фриды. – Как же с тобой было непросто! Мне так не хватало материнского тепла, понимания, любви и ласки, всё чаще приходилось испытывать на себе её железный характер, а религиозность, доходящая до фанатизма, просто сводила нас с сёстрами с ума.

А как она была против нашего брака с Диего! Называла его некрасивым, толстым сорокадвухлетним коммунистом, не верующим в Бога. Подговаривала Алекса помешать нашему браку и даже не явилась на регистрацию. Отец тоже был не в восторге, но он хотя бы так открыто этого не высказывал. Правда, при первом знакомстве он заявил Диего, что я дьявол! Но разве можно было этим напугать моего Диего? Это только ещё больше распалило его...

Никто в доме не верил, что я действительно была больна, ведь стоило мне только завести об этом разговор, как мама тут же начинала хворать, и все говорили, что это из-за меня. Как же тяжело страдать в одиночестве! Даже в окружении близких людей я так одинока!

– Ты не можешь быть одинока, Фрида, ведь у тебя есть я! Ты всегда можешь открыть потайную дверь, спуститься ко мне и рассказать всё, что тебя тревожит! – гулким эхом разливался весёлый голосок.

– Да, ты права, знаешь, сейчас вдруг вспомнилось, как я, беззаботная четырёхлетняя девочка, в красивом платье, с огромным белым бантом на голове, бегу сломя голову в патио под кедровое дерево, заливаясь смехом, а в шесть лет, переболев полиомиелитом и не выходя десять месяцев из своей комнаты, я, подволакивая ногу, плетусь под то же самое кедровое дерево, но уже заливаясь слезами. От беззаботного детства не осталось и следа, теперь я – «Фрида – деревянная нога». В Мексике всю идёт революция, отец потерял работу и крупные фотозаказы от свергнутого правительства. Часть мебели пришлось продать, чтобы как-то свести концы с концами, а в дом пустить жильцов. Да ты это уже всё слышала, хохотушка, и не один раз.

– Не надо грустить, Фрида, давай лучше танцевать! – беря за руку свою подругу, поёт хохотушка.

Кало улыбается и тоже пускается в пляс, ловко отстукивая изящными ножками по каменному полу.

– Однажды в кафе я заявила своим друзьям, что рожу ребёнка от Диего Риверы! А на тот момент он ещё даже не знал меня. Я украдкой пробиравась в аудиторию, где он расписывал фрески, и наблюдала за ним. Аделина Сендехас, ну помнишь, я как-то рассказывала тебе о ней, ужасная гордячка, сморщила брезгливо нос: «Диего? Этот грязный, пузатый, отвратительный старик?»

Но я нисколько не смутилась.

– «Диего такой добрый, такой нежный, такой умный! Я посажу его в ванну и отмою!» – отрезала тогда я. Ну что ж, я вышла замуж за Диего, даже дважды, вот только ребёнка так и не смогла ему родить, хотя он никогда и не хотел детей, это мне всегда казалось, что ребёнок укрепит наш союз.

Три выкидыша принесли мне такое опустошение, что даже боль физическая померкла перед болью душевной.

Фрида перестала танцевать, слёзы покатались по её щекам.

– Сколько ещё боли мне отведено судьбой? Сколько, хохотушка?

Маленький зелёный попугайчик влетел через распахнутое окно в комнату, вырвав Фриду из её горьких воспоминаний и вернув в спальню синего дома на углу улиц Лондрес и Альенде. В тот же миг она просияла и, вытерев слёзы, подставила ему руку.

– Малыш, ты прилетел навестить меня? Доброе утро, дружок! – целуя его нежно в пушистую головку, проговорила она.

– А кто поцелует Фридуцу? – указывая пальчиком с массивным серебряным кольцом на свою щеку, спросила она попугая.

В ответ он залиvisto болтал, как будто жаловался на что-то, крутил головкой из стороны в сторону, косо поглядывая на Фриду своими глазками-бусинками, прежде чем подарить ей свой колкий поцелуй в щеку. Потом проворно спрыгнул с руки и пропал в складках вязаного покрывала.

– Ах ты, негодник, опять спрятался от меня в одеяле! Ну погоди, я сейчас тебя поймаю и без десятка поцелуйчиков ты от меня не уйдёшь!

И она стала осторожно перебирать одеяло, чтоб ненароком не поранить своего любимчика. Её взгляд поймал резные часики на полке, Фрида всплеснула руками и начала спешно выбираться из кровати.

Тупая боль мгновенно пронзила позвоночник, прошла молнией по ноге и выскочила через кончики пальцев стопы. На секунду она застыла, переживая удар, когда же боль ушла, продолжила потихоньку, боясь новой атаки. Медленно натягивая длинную цветастую юбку, которая так удачно скрывала тощую ещё со времён детской болезни ногу, винного цвета блузку, пуговка за пуговкой, она проковыляла к зеркалу, чтобы уложить свои чёрные как смоль волосы в тугую косу. Алые губы крепко держали стальные шпильки. Обернув толстую косу вокруг головы, она вкалывала их поочерёдно в волосы, насвистывая при этом «Интернационал». Её массивные украшения на груди гремели как рыцарские доспехи, аккомпанируя пролетарскому гимну.

– Кристина, ты пойдёшь со мной сегодня на рынок? Я хочу купить немного цветов, чтобы украсить столовую к завтраку, пока Диего ещё спит! – крикнула она сестре, промелькнувшей в коридоре.

– Только захвачу корзину, подожди меня на пороге, – бросила та в ответ.

Взяв Кристину под руку, Фрида поковыляла на рынок, где уже всюю шла торговля. Выбрав несколько ароматных и пёстрых букетов, свежие фрукты и раздав мелочь беднякам, следовавшим за ней по пятам, она остановилась у лавки Кармен Севилья, в которой продавались фигурки иуд, разные игрушки, пиньятас – всё, сделанное своими руками.

– Фридуца, милая, как дела? – выходя из лавки и протягивая руки для крепких объятий, проговорила Кармен.

– Лучше всех! – расцеловав её в обе щеки, весело ответила Фрида.

– Разве может быть у тебя по-другому? – спросила Кармен.

– Есть что-нибудь новенькое для меня?

– Я сейчас работаю как раз над новым иудой, думаю на следующей неделе он будет готов, правда, у тебя их и так не счастье! – с улыбкой ответила продавщица.

– Тогда зайду к тебе через неделю! А нет ли у тебя балеро? – помедлив немного, с надеждой спросила Фрида.

– Нет, милая, сейчас нет, но я обязательно раздобуду для тебя! Диего привет! Что-то он давно не заглядывал к нам?

– Работа, ты же знаешь, он работает как одержимый! – удаляясь, крикнула она и помахала Кармен рукой.

Завернув за угол, Фрида схватила сестру за плечо.

– Кристи, погоди, мне надо немного отдохнуть, нога совсем занемела.

Рука проворно вытащила из-за ворота рубашки флакончик духов, однако капелькам не суждено было коснуться бледной кожи. Содержимое полилось в рот.

– Фрида, доктор запретил тебе употреблять спиртное!

Кало лишь отмахнулась в ответ и продолжила жадно пить.

– Скажи, пожалуйста, почему ты совсем себя не бережешь? Ничего страшного не случилось бы, если б прислуга сходила на рынок вместо тебя.

– Ты не понимаешь, Кристи, – вытирая рот рукой и засовывая флакончик обратно за ворот блузки, проговорила Фрида, – Диего любит, когда стол убран красиво. Он художник, его день должен начинаться с прекрасного!

– Милая, ты могла бы создавать это прекрасное, не выходя из дома.

– Нет, Кристи, не спорь со мной! Только я знаю, что на самом деле любит Диего!

Понимая всю тщетность уговоров, Кристина решила сменить тему.

– Смотри-ка, чуть только солнышко встало, а твои ученики уже подпирают входные двери!

– Идём скорее, не хочу заставлять их ждать! Пусть лучше они потратят это время на искусство! – проговорила Фрида и заторопилась к калитке.

Собрав всю волю в кулак, она заставила себя улыбнуться. Её походка стала непринуждённой и лёгкой, как будто минуту назад ничего не произошло.

– Вы давно тут стоите? Неужели некому открыть вам дверь? – улыбаясь, прокричала Фрида.

– Мы были тут гораздо раньше, даже заглянули в сад, но там стояла такая тишина, что было жалко нарушать её, поэтому мы решили прогуляться и вернуться к вам позже, – ответила Фанни, одна из учениц.

– О, вы подобны цветущим веткам, что покоятся у вас в корзине! Появляетесь всегда внезапно! Такая радостная и очаровательная! – целуя руку своей учительнице, проговорил Гильермо Монрой.

– Спасибо Гильермо, а теперь, мучачас, за работу! Пишите, что видите и что вам хочется! – распахивая входную дверь и пропуская молодых людей вперёд, скомандовала она.

Ученики разбрелись по саду, доставая из холщовых сумок художественные принадлежности, задумчиво погружались в свои мысли и зарисовки.

Фрида проследовала внутрь дома готовить завтрак для своего большого ребёнка, Диего.

На массивный деревянный стол полетела скатерть в мелкий цветочек, натюрморт из свежеспелых овощей и фруктов занял своё почётное место в середине, а несколько букетов цветов были расставлены по периметру.

Диего всегда занимал лучшее место в конце стола, так, чтобы его глазам открывался чудесный вид на живую картину, над которой так тщательно трудилась Фрида каждое утро.

– Моя дорогая! Готов ли завтрак? Видишь ли, я сегодня очень тороплюсь! – прогрохотал голос, и на пороге столовой появился пузатый мужчина огромных размеров, в белой рубашке и ковбойской шляпе, из-под которой выбивались курчавые волосы, изрядно отмеченные сединой. По сравнению с Фридой, он был настолько велик, что сравнение «слон и голубка» как нельзя лучше подходило этой парочке.

– Садись за стол, всё давно уже готово, – проворковала улыбаясь Фрида, пододвигая тарелку мужу и усаживаясь на краешек стула, сбоку.

Толстяк жадно накинулся на еду.

– Смотри не обляпайся! – с умилением хохотнула Кало.

В ту же минуту на тарелку упал надкушенный такос, пуговицы затрещали, и скомканная рубашка полетела на пол. Сверкнув злобно глазами, Диего снова принялся за завтрак.

Фрида молча подобрала брошенную рубашку и через минуту вернулась с новой.

– У тебя лицо собаки! – улыбаясь, проговорила она, садясь обратно за стол и наблюдая, как Диего смачно уписывает один такос за другим.

– А у тебя лицо лягушки! – бросил он в ответ, продолжая жевать. – Твой любимчик опять пел тебе дифирамбы у порога? Я всё слышал!

Фрида понимала, что лучше оставить эти комментарии без ответа, дабы не злить Диего ещё больше.

– Учти, я не собираюсь делить свою зубную щётку с кем-то! – крикнул он. – А ещё я знаю, что ты предпочитаешь, чтобы мои бумаги и вещи лежали в удобном тебе порядке. Так вот, напоминаю в сотый раз, что я люблю, чтобы они лежали в беспорядке. Перестань устанавливать свои законы у меня в комнате!

– А куда ты сегодня так торопишься, дорогой? – переводя разговор на другую тему, ласково спросила Фрида.

– Надо сделать несколько натуральных зарисовок в пригороде, ты же знаешь, сколько это отнимает сил и времени, но сначала забегу в студию. Так что, малышка, я буду только к ужину, – сменив гнев на милость, пролепетал он.

– Тогда приготовлю твоё любимое какао и пирожки. Давай посидим сегодня вечером вдвоём, и я почитаю тебе что-нибудь, пока ты будешь есть.

– Хорошая идея, давно мы не проводили вечера наедине, постараюсь освободиться пораньше.

– Знаешь, я сейчас читаю одну книгу, которая просто захватила меня. Мне её дал Хосе Лавин, инженер. Помнишь, пару лет назад он заказывал портрет своей жены?

– Да, что-то смутно припоминаю, – не переставая жевать, бормотал Диего.

– Фрейд «Моисей и монотеизм», ты знаешь, там..

– Элла сказала мне, что тебе было плохо? Почему вы не позвали меня? – оборвав Фриду на полуслове, спросил Диего.

– Не бери в голову, просто очередной приступ, – отмахнулась она, но на душе стало тепло оттого, что не безразлична этому большому человеку, раз он переживает за неё, значит, любит по-своему.

В саду у пруда с рыбками Гильермо делал зарисовки необычного цветка, напевая себе под нос весёлую песенку. Вдруг пение его оборвалось на полуслове, а по спине прокатился лёгкий озноб, потом его бросило в жар, затем

электрический разряд пронзил тело, он почувствовал, что его плечи раскаляются как от удара молнии. Испугавшись, Гильермо бросил свои зарисовки и обернулся. За спиной стояла Фрида, сверля его взглядом, и беззвучно хохотала.

– Продолжай пение, Монрой, ты же знаешь, что я тоже очень люблю петь! – проговорила она, глядя пристально Гильермо в глаза.

Она подошла ближе и подняла брошенные зарисовки цветка.

– Как ты замечательно пишешь, получай удовольствие и трепещи от вида этого цветка. Он будто создан для того, чтобы его нарисовать! Что за прекрасное растение! – улыбнулась Фрида и, поцеловав Монроя в щёку, направилась к следующему ученику.

– Артуро, мне кажется, что это должно быть чуть сильнее по цвету, вот эта часть сделана не очень хорошо. Я бы сделала так, но могу и ошибаться. Если это поможет тебе – согласись, если же нет – забудь.

– Донья Фрида, можно задать вам вопрос? – спросила вдруг Фанни, не отрываясь от своего эскиза.

Кало кивнула.

– Что для вас живопись?

Фрида на секунду задумалась, усаживаясь на тёплые ступени пирамиды.

– Видишь ли, Фанни, моя живопись несёт в себе состояние боли, я потеряла троих детей, и мои картины заменили их всех. Я считаю, что работа – это самое лучшее. За работой я забываю свои печали и становлюсь счастливее. Хотя иногда мне приходится проявлять огромную волю, чтоб заставить себя писать или делать что-нибудь ещё.

– А как вы почувствовали, что именно это ваше призвание? Я, например, до сих пор сомневаюсь, что из меня получится хороший художник. Живопись даётся мне с таким трудом. Очень хочется писать картины, но вот результат чаще разочаровывает, чем приносит удовлетворение, – продолжала Фанни.

– Девочка моя, после страшной аварии, которая случилась со мной, когда мне было всего восемнадцать лет, я пролежала в больнице больше месяца практически обездвиженная. Тогда я была ещё слишком молода, чтоб понять и принять то несчастье, которое со мной произошло. У меня была масса энергии, которую я хотела направить на что-то другое, вместо того, чтоб полностью погрузиться в лечение, и я начала заниматься живописью. Отец принёс мне свои краски, а мама заказала специальный столик, на котором я могла бы рисовать, не вставая с кровати, ведь гипсовый корсет не позволял мне даже сидеть. Я начала рисовать портреты друзей и родственников, которые приходили навестить меня в больницу.

– А как вы решили нарисовать первый автопортрет? – спросил Артуро.

– У меня был любимый человек, вместе с которым мы оказались в том злополучном автобусе. Алехандро. К счастью, он не очень пострадал, но почему-то не приходил навещать меня в больницу. Все мои друзья приходили, а он нет. Я писала ему письма практически каждый день с просьбой навестить меня, он отвечал, но всё равно не приходил. Я так боялась, что Алехандро забудет меня и разлюбит, что решила написать ему свой портрет и отправить в подарок. – Фрида замолчала, перебирая подол своей пышной юбки.

– Ему, наверное, очень понравилось? – улыбнулась Фани.

Кало подняла полные слёз глаза и прошептала:

– Он уехал в Европу и пропадал там больше года, вот так вот...

– А к какому стилю вы бы отнесли свои работы? – вмешался Гильермо. Он бросил беглый взгляд на изменившуюся в лице учительницу. Положение нужно было срочно спасать.

– Ох, Монрокито, да чёрт его знает! Я сама до сих пор не понимаю, что я такое, – вдруг рассмеялась Фрида, смахнув слёзы. – Но Андре Бретон, который писал брошюру к моей первой выставке в Нью-Йорке в ноябре 1938 года, окрестил меня сюрреалистом, значит, пусть будет так.

– И вам никогда не хотелось бросить живопись и заняться чем-нибудь другим? – ввернула Фанни.

– Девочка моя, ещё как хотелось, и не один раз! Когда мы с Диего вернулись из Штатов, где он писал серию фресок вначале в Детройте, потом в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, я не могла ничего написать в течение года. Потом я начала понемногу возвращаться к живописи, но большинство из тех картин оказались маленькими и невзрачными. У меня были разные периоды в жизни, но я никогда не ожидала от своей работы ничего, кроме удовлетворения от самого факта занятия живописью и возможности выразить то, что мне хотелось сказать.

Фрида поднялась со ступеней и, обойдя сад по кругу, направилась в свою мастерскую, не проронив больше ни слова. Ученики переглянулись и вновь погрузились в свои зарисовки.

Кало тяжело опустилась в инвалидное кресло, придвинутое к мольберту, и на секунду закрыла глаза. «Как прекрасна тишина!» Длинная зала была хорошо освещена за счёт массивных окон от потолка до пола. Красные шестиугольники напольной плитки были натёрты до блеска, на столе царил идеальный порядок – чистые кисти, без единой пролитой капельки, стройный ряд баночек с красками, как будто это была не мастерская художника, а музей. Мать с детства приучала их с сёстрами к порядку.

Колёсики инвалидного кресла пришли в движение, и у столика с красками закипела работа. Деревянная палитра быстро заполнялась разноцветными каплями. Выбрав нужную цветовую гамму и напевая при этом весёлый мексиканский мотив, Фрида направила колёсики кресла обратно. Картина, прикованная к мольберту, была почти закончена, оставались лишь последние штрихи. Портрет с хорошо узнаваемыми чёрными как смоль волосами, выбивающимися из-под маски краснолицей героини фольклора, Малинче – любовницы завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Такие знакомые тёмные глаза мелькают сквозь дыры холста, а по щекам текут слёзы. Кто прячется за маской обольстительной предательницы? Нет ни капли сомнения, что это тридцативосьмилетняя Фрида. Взлелеянный ею образ свободолюбивой красавицы, раскрепощённой женщины, всегда такой желанной для мужчин, с каждым днём было всё труднее и труднее удерживать. Не дававшие покоя боли, усталость, предательство любимых людей, потери детей не могли не оставить свой отпечаток на внешности Фриды. Силы продолжали покидать её. По капельке, но они утекали.

Обмакнув кисть в краску, рука доводила до совершенства кольцо, обрамлявшее средний палец то ли Фриды, то ли Малинче, ведь сама Фрида никогда не носила таких изящных колец с большим бриллиантом. Руки её обычно украшали замысловатые, ремесленные кольца, слегка грубоватые. Но, скрываясь под маской обольстительницы на картине, она могла позволить всё, в отличие от реальной жизни.

Проведя около двух часов за мольбертом, Фрида встала с инвалидного кресла и заковыляла в спальню. Правая нога затекла и не чувствовалась

совсем, рука невольно потянулась за ворот блузки в поисках спасительного флакончика.

– Фридуча, милая, мы с Кристи вечером собираемся в танцевальный салон, пойдёшь с нами? Выпьем текилы, попоём наши любимые песни, – неожиданно на пороге комнаты возникла Элла.

Рука поправила воротничок и погладила Эллу по плечу.

– Нет, Элла, я сегодня обещала Диего провести вечер с ним и почитать ему книгу, идите без меня.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, дорогая, не беспокойся, всё в порядке, я немного полежу до ужина.

– Конечно, Фридуча, если тебе что-то понадобится, позови меня.

Как только за Эллой захлопнулась дверь, измученная Фрида бросилась на кровать, зарывшись лицом в подушки. Хрупкая спина содрогалась от беззвучных рыданий. Боль пронзала каждую клеточку её измученного тела.

– Долорес, тебе не кажется, что она преувеличивает значимость своей болезни? Уж очень она подозрительно весела при людях. Ну, взгрустнёт на мгновение, а потом вдруг раз – и снова улыбка до ушей.

– Не знаю, Санта. По-моему, она просто хочет привлечь к себе внимание, если б она не была так больна, Диего давно бы её бросил. Недаром он закрутил роман с её же сестрой, Кристи. Ты знаешь, что она позировала ему обнажённой, когда он расписывал фрески в министерстве здравоохранения?

– О чём это вы тут шепчетесь? – строго сказала Кристина, заметив притаившуюся в коридоре прислугу. – Опять обсуждаете донью Фриду? Неблагодарные! Мало она сделала для вас, приняв под свою крышу двух оборванок без рода и племени?! Лучше займитесь ужином, и чтоб я больше этого не слышала! Я вам не Фрида, выставлю и глазом не моргну!

Проводив пристальным взглядом прислугу, поспешно удалившуюся на кухню, Кристина заглянула в комнату Фриды.

– Фридуча, ты точно не хочешь пойти с нами? Тебе не мешало бы немного отвлечься.

– Я жду Диего, он обещал сегодня вернуться пораньше, и мы хотели вместе поужинать. Идите без меня, но в следующий раз, обещаю, мы повеселимся на славу! – улыбнувшись, прошептала Фрида.

Послав сестре воздушный поцелуй, Кристи исчезла за дверью. По коридору побежали быстрые шаги, до Фриды доносились отголоски весёлого смеха спешивших в танцевальный салон Эллы и Кристины, а потом дом погрузился в тишину.

На часах была уже полночь, лишь несколько свечей горело в столовой синего дома на углу, где пересекаются улицы Лондрес и Альенде. На столе покрылось пенкой остывшее какао, тарелка с пирожками осталась нетронутой, а тонкая книга с множеством закладок так и не произнесла сегодня ни слова голосом Фриды. Поникшая и измученная голубка, не дождавшись своего большого ребёнка к ужину, уснула тихо в кресле. Пусть ей приснятся самые лучшие и весёлые сны! Будто она, как лёгкое перышко в объятиях ветра, кружится беззаботно по залу, а улыбка не покидает её лица. Так хочется, чтобы хотя бы во сне она почувствовала себя абсолютно счастливой.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОЛВОТИЦ В МОСКВУ, ИЛИ В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО КНИГЕ

Беседа Анны Морковиной с Надеждой Егоровой, поэтом, участником литературного фестиваля «Радуга–XXI век» в Хвалынске.

А. М. Надежда, передо мною лежит ваша книга «От Молвотиц до Москвы», вышедшая в 2019 году. Про Москву все знают, а вот что за населённый пункт – Молвотицы?

Н. Е. Молвотицы – это моя малая родина, село в Марёвском районе Новгородской области, в котором я жила с трёх лет. Село наше очень древнее, оно впервые упоминается в берестяной грамоте, датируемой 1150–1170 гг. В грамоте приводится список должников из разных населённых пунктов и указывается размер долга. Так, некто Опаля из Молвотиц задолжал 6 кун. Если углубиться в историю, то можно узнать, что Молвотицы находились на новгородско-литовском пограничье и много лет платили налог (чёрную куну) в литовскую великокняжескую казну.

Близ села сохранилось древнее городище, на котором в мои школьные годы на Масленицу всегда жгли костры, а неподалёку группа из 11 курганов. Здесь не раз проводились раскопки учёными. Молвотицы неоднократно упоминаются в русских летописях. В XV веке это был город, он входил в состав владений Новгородского Софийского дома.

А. М. А вы не планируете написать книгу по истории Молвотиц?

Н. Е. Планы сделать книгу про Молвотицы есть, но, думаю, всё это впереди. Пока идёт накопление материала. С 2018 года я занимаюсь составлением своего генеалогического древа, изучением истории семьи и параллельно – сбором сведений по истории малой родины.

Конечно, краеведение меня всегда интересовало, в школьные годы с увлечением читала про Древний Новгород, подвиги Александра Невского... В личной библиотеке сохранились книги, купленные мной ещё в подростковом возрасте, например,

два издания учебного пособия «Наша Новгородская земля», а второе даже с автографом автора – Веры Николаевны Серовой.

Сейчас, находясь в Москве, я понимаю, что возможностей найти материалы по истории моего родного края больше в Российской государственной библиотеке, в Государственном архиве Российской Федерации, да и интернет в помощь... Времени просто не хватает, но понемногу я всё равно собираю эти сведения.

А.М. *А есть ли у вас известные земляки?*

Н.Е. Сотрудники библиотек постоянно ориентируются на различные юбилейные даты, к которым готовят выставки и прочие мероприятия. И мне всегда было интересно: неужели в наших краях никто из знаменитостей не родился? Но со школьных лет история малой родины в моём сознании была тесно связана с темой Великой Отечественной войны. Наш Молвотицкий район немецко-фашистские войска оккупировали в сентябре 1941 года, районный центр освободили в феврале 1942-го, а полностью район – только через год, в 1943-м, там были ожесточённые бои. Отступая, немцы сожгли Молвотицы дотла, и районный центр пришлось перенести в Марёво. Поэтому для нас всегда история края скорее начиналась с военного времени, а не с древности. В наших местах до сих пор работают поисковики, находят и перезахоранивают останки воинов. На территории Молвотиц существует братское кладбище, где ежегодно 9 Мая проходят митинги и появляется всё больше новых табличек с установленными именами.

А.М. *Вернёмся к вашей книге «От Молвотиц до Москвы». Это ведь не исторический очерк?*

Н.Е. Это поэтический сборник, избранные стихи, написанные за много лет творчества, своеобразный итог некоего отрезка жизни. Свои первые стихи я начала писать в Молвотицах, продолжаю заниматься этим всю жизнь. Можно сказать, что моя лирическая героиня проделала этот большой путь – от Молвотиц до Москвы...

А.М. *Да, маршрут географический понятен. А какой же путь пришлось преодолеть начинающей поэтессе, чтобы уже в зрелом возрасте стать членом Союза писателей России?*

Н.Е. Наверное, он похож на пути многих других поэтов, ничего оригинального именно в моём нет. Первые наброски писались на листочках, в тетрадочках, для себя, в стол. Потом стали появляться мысли: а не показать ли всё это подругам, ещё кому-то? Не отправить ли в какой-нибудь журнал? Первые слушатели и ценители – из подруг – появились в школьные годы, а потом я поехала учиться в Новгородское культпросветучилище (ныне – Новгородский областной колледж искусств им. С. В. Рахманинова), продолжая писать лирические стихи.

А.М. *А когда вышла ваша первая книга стихов?*

Н.Е. Я уже работала в г. Торопце Тверской области, в детской библиотеке. И тут мне открылось многообразие российской периодики. Можно ведь было послать стихи в любой журнал – адреса и телефоны редакций всегда публикуются, это не секрет; другое дело – как сотрудники читают почту. И я решила рискнуть – отправила стихи в молодёжный журнал «Пульс», объявивший конкурс на лучшие тексты для песен. В конкурсе я не победила, но моё имя упомянули в итоговой статье со следующим советом: «Держайте, вы талантливы!», и я стала дальше «дерзать».

В 2000-м году в Тверской области только зарождался творческий фестиваль поэзии и авторской песни «Каблуковская радуга». Сейчас «Каблукам», как мы его между собой называем, более двадцати лет! Организатором

стал тверской поэт, член Союза писателей России Владимир Ильич Львов. К сожалению, он, являвшийся душой и сердцем фестиваля, ушёл из жизни в 2021 году вследствие болезни...

Я послала свои стихи на конкурс и стала лауреатом. Мне предложили издать сборник, причём половину стоимости будущей книги брали на себя организаторы фестиваля. Вторую половину самостоятельно было не осилить, я попросила помощи в Торопецкой районной администрации и получила добро! Тогда, в 2002 году, в Твери и вышла моя первая книжечка стихов «Маленькая женщина».

Ну, и пошли публикации в периодических изданиях, в коллективных сборниках и альманахах...

А. М. Можете назвать наиболее памятные из них?

Н. Е. Запомнилась одна из первых публикаций в замечательном тверском журнале «Русская провинция». Помню, как я ездила в Тверь к главному редактору Михаилу Петрову. Он попросил поговорить со мной поэта Константина Рябенского. Мы сидели в коридоре, Константин Валентинович детально разбирал мои стихи, давал советы, а потом появилась и публикация в «Русской провинции».

Также памятны для меня две подборки в журнале «Брега Тавриды», он выходит в Симферополе. Публикации состоялись благодаря Владиславу Анатольевичу Бахревскому, которого я считаю своим учителем. Это была по-настоящему счастливая встреча – такие обязательно должны случаться в судьбе каждого творческого человека. Владислав Бахревский – автор множества исторических романов, книг для детей, он известен и как поэт. Тогда он работал над романом о Патриархе Московском и Всея Руси Тихоне, уроженце Торопецких краёв. Конечно, Владислав Анатольевич побывал в Торопце, собирал там материалы для своей будущей книги, приходил и в библиотеку. К сожалению, я в тот момент была на сессии в Москве, но всё же вдогонку писателю отправила по почте в Наро-Фоминский район Московской области, где он жил, свои стихи. Он ответил, и завязалась переписка. Владислав Анатольевич давал мне в письмах советы, рекомендации, отмечал положительные моменты и не слишком удачные. Кстати, именно от него я узнала, что не стоит размещать свои произведения на обеих сторонах листа и в два столбика. Но я так делала потому, что хотелось сэкономить место, ведь отправляла я стихи в обычных конвертах, а много бумаги туда не вместишь. Владислав Бахревский отобрал лучшее из присланного мною и опубликовал в «Брегах Тавриды».

Назову ещё один значимый для меня журнал – «Литературные знакомства», выходящий под редакторством Лолы Звонарёвой в Москве.

Стихи печатались во многих региональных журналах: «Волга–XXI век», (Саратов), «Берега» (Калининград), а потом я стала посылать подборки и в зарубежные русскоязычные издания, например, «Литературная Америка».

А. М. Я думаю, что, несмотря на появление публикаций и даже сборников, вы всё равно ощущаете необходимость общения с творческой средой, с пишущими людьми, среди которых важно «повариться»... Что можете сказать про литературные объединения, в которых принимали участие?

Н. Е. Я думаю, пишущему человеку, особенно на начальном этапе, имеет смысл посещать то или иное литобъединение. Я, конечно, не утверждаю это, у каждого свой путь...

Моё первое литературное объединение было в Торопце, по месту работы. Честно говоря, идея организовать при библиотеке литературный клуб,

где собирались бы местные авторы, принадлежала нашему директору, Ангелине Викторовне Тенкс. Зная, что я пишу стихи, она и предложила мне этим заняться. Так я и стала первым председателем поэтического клуба «Гармония» при Торопецкой центральной районной библиотеке.

А. М. Это было сложно или просто?

Н. Е. Трудности, конечно, были, как в любом деле, связанном с организацией людей. Ведь одно – желание собраться, потусоваться, почитать свои стихи, другое – какие-то более сложные замыслы, идеи. Непросто было добиться обсуждения стихотворений, не секрет, что многие авторы очень болезненно относятся к критике. Когда мы решили издать свой коллективный сборник, стало понятно, что кто-то более дисциплинированный принесёт стихи сразу, а кого-то придётся «трясти»...

После переезда в Подмосковье мне тоже захотелось найти подходящую для себя литературную студию, литобъединение, где и себя можно показать, и других послушать. Я начала искать объявления о различных мероприятиях, связанных с литературой, куда можно было бы принести и почитать свои стихи.

Так я оказалась однажды в Центральном доме литераторов на творческом вечере поэта, драматурга Елены Исаевой. Она между прочим сказала, что ведёт своё объединение, куда может прийти каждый. На этом вечере я встретила уже знакомую мне поэтессу Елену Кантор, которая занималась у Исаевой, и я решила отправиться туда же. Студию Елены Исаевой (она базировалась в Московском государственном техническом университете им. Н. А. Баумана) я посещала десять лет. Она называлась «Коровий Брод».

А. М. Вот уж оригинальное название!

Н. Е. Да, так ранее называлась улица, на которой расположен МГТУ им. Н. А. Баумана. В студию приходили прежде всего студенты университета, но и прочим вход никогда не был заказан. Кстати, в 2024-м студия празднует свой юбилей.

Переехав в Долгопрудный, я тоже быстро нашла единомышленников. При Центральной библиотеке в этом городе более двадцати лет существует ЛИТО «Клязьма». За это время сменился не один руководитель, даже при мне. С благодарностью вспоминаю занятия, которые вели Нина Чеботарёва, Александр Климай, сейчас студию возглавляет Анастасия Локшина. Литобъединение с 1993 года издаёт альманах «Долгие пруды», причём спонсирует его городская администрация.

А. М. Вы читаете свои произведения друг другу или выходите на более широкую публику?

Н. Е. Со студией Елены Исаевой мы ездили к «собратьям по перу» из других вузов, выступали в ЦДЛ, в Музее В. В. Маяковского, принимали участие в семинарах в Переделкине. В Долгопрудном читаем свои стихи на концертах, проводимых в библиотеке и в городском парке. Пару лет назад ЛИТО «Клязьма» пригласило в свой проект «Город читает» долгопрудненский профессиональный театр «Город». Суть в том, что актёры театра читают стихи местных авторов. Каждому из авторов посвящался отдельный вечер. У меня тоже состоялся творческий вечер, где мои стихи замечательно читала актриса Галина Королёва, а что-то исполняла и я сама. Пришлось составить сценарий...

А. М. Вот где пригодилась библиотечная закалка! Это профессиональное умение...

Н. Е. Да, конечно! Сколько сценариев написано за профессиональную жизнь! Ещё в Долгопрудном есть такое начинание: летом поэтам еженедель-

но выделяется площадка перед библиотекой, где можно почитать свои стихи. И в День города, само собой, мы выступаем тоже.

А.М. *И в Саратове есть такие площадки. Например, организует их летняя читальня в парке «Дипки»... Надежда, традиционный вопрос: а что вас вдохновляет на поэзию, стимулирует ваше творчество?*

Н.Е. Обычно сильные душевные переживания. Самые разные... Конечно, как и у многих, в юности это были любовные, романтические чувства. У меня почти нет стихотворений о природе, хотя я люблю и ценю её красоту... Мне кажется, здесь должны работать какие-то иные принципы. Описать своё чувство к человеку или описать картину природы – на мой взгляд, каждому удаётся творить в ему присущем ракурсе. Стимулируют и посещение студий, литературных вечеров, и общение с соратниками по перу.

А.М. *Вы нормально относитесь к критике?*

Н.Е. Думаю, критика каждого может задеть, и я не исключение. Но учиться необходимо и извлекать свои уроки, выслушивая чужое мнение.

А.М. *Скажите, поскольку вы работаете в библиотеке, каков ваш личный круг чтения, что на него влияет?*

Н.Е. Круг чтения у меня очень широкий, человек я «всеядный»... Действительно, меня всю жизнь окружает великое множество книг. Но в последние годы в связи со спецификой моей работы в библиотеке Дома русского зарубежья я чаще общаюсь с литературой русской эмиграции, и это зачастую не художественные произведения, а мемуары, публицистика... Увы, на современных авторов время не всегда находится, хотя я стараюсь подтягиваться, навёрстывать. В частности, мне очень нравится творчество прозаика Романа Сенчина. Я слежу за его новинками, приобретаю их по возможности. Читать тексты в интернете, на компьютере не люблю, разве что совсем коротенькие.

Посещения музеев, театров могут сподвигнуть меня перечитать классику – например, недавно перечитывала Достоевского. Также я подружилась с библиотекой № 36 – Культурным центром Ф.А. Искандера, где много интересных литературных проектов. После просмотра читалки «Весёлого Рождества, Скруж!» по мотивам повести Ч. Дикенса «Рождественская песнь в прозе» (постановка Д. Сорокотягина) в этой библиотеке вспомнила, что у меня есть собственный сборник «Рождественских повестей» и наконец восполнила этот пробел в чтении.

Побывав на Алтае, я открыла для себя Вячеслава Шишкова, уроженца Бежецка Тверской губернии, где сейчас проводятся фестивали, посвящённые Николаю Гумилёву и Анне Ахматовой. Но, конечно, нельзя объять необъятное!

А.М. *А что насчёт любимых поэтов?*

Н.Е. Их тоже очень много. Люблю классику, поэзию Серебряного века: Ахматова, Мандельштам, Есенин... Есть и любимые советские поэты (Вадим Шефнер, Давид Самойлов), и современные. Хотя, мне кажется, в настоящее время поэзия не до такой степени популярна в обществе, чтобы даже выдающиеся поэты были широко известны. Мне дороги книги Виктора Кирюшина, Валерия Савостьянова, Екатерины Горбовской, Ольги Флярковской, Елены Исаевой... Они стоят у меня на полках со множеством закладок – их творчество ложится мне на сердце, я время от времени их перечитываю. Я не назвала ещё любимых тверских авторов, с которыми давно общаюсь на Каблуковских встречах. Это Василий Рысенков и Ирина Кучерова из Торжка, Борис Зверев из Твери, Маргарита Петрова из Андреаполя и многие другие.

А.М. *Как я понимаю, это авторы, с которыми вам лично приходилось общаться?*

Н.Е. Да, из современников со всеми названными, кроме Горбовской. Я бывала на творческих вечерах многих из них и после такого вечера всегда уезжала с книгой. Эти сборники во многом составляют мою поэтическую библиотеку, примерно треть в ней – книги с автографами авторов.

А.М. *А на каких фестивалях, Надежда, вам приходилось бывать?*

Н.Е. Я участвовала в разных региональных фестивалях: в Шуге Ивановской области, в Хвалынске Саратовской области, в Плесе... Запомнились крымские фестивали «Славянские традиции» и «Интеллигентный сезон». В каждом регионе свои особенности, конечно. Из зарубежных могу вспомнить «Русский стиль» (Германия), «Эмигрантскую лиру» (Бельгия). Фестивали – это как раз узнавание новых авторов, яркие открытия, всё расширяющийся круг общения с творческими людьми. В целом успех и популярность таких мероприятий во многом зависят от организаторов. Как правило, это люди увлечённые, можно сказать, фанаты своего дела. Среди них и Галина Перекальская, инициировавшая фестиваль поэзии «Радуга–XXI век» в Хвалынске, и Александр Мельник, наш соотечественник, проживающий в Бельгии.

А.М. *Надежда, а как вы относитесь к профессии писателя? Существует ли такая профессия? Об этом давно ведутся пространные споры... Я задаю этот вопрос, поскольку, наверное, не только члены Союза писателей задумываются над вопросом: можно ли прожить на писательский хлеб?*

Н.Е. В Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов профессии «Писатель» нет. Да, ведутся дискуссии по этому поводу. В марте 2024 года в Кабмин направлено предложение Общественного совета при комитете Госдумы по активизации разработки и утверждения профессионального стандарта «Писатель».

Прожить, зарабатывая писательским трудом, сегодня точно невозможно, если ты не достиг какой-то очень большой степени известности. Сейчас нет объёмных тиражей, не налажена толком продажа книг...

А.М. *Но отдельные личности умеют это делать!*

Н.Е. Конечно – Маринина, например, или Устинова. Многое ведь зависит и от жанра... Есть коммерческая литература, она приносит прибыль. А уж говорить о том, чтобы разбогатеть поэту – точно не получится. Мы все понимаем, что нужно иметь какую-то ещё профессию, место работы, которое будет тебя кормить.

А.М. *Ну, а если писательство оставить как профессию «для души», то когда же заниматься этим ремеслом? В какие часы, дни, в каких условиях и ситуациях?*

– Это всё индивидуально. Кто-то может писать в метро или в другом транспорте, по дороге на работу... Сейчас под руку у многих смартфон, где можно быстренько что-то набрать. А кому-то требуется куда-нибудь уехать, уединиться. Многое зависит от того, прозу или стихи ты пишешь... Сейчас снова возрождаются различные писательские резиденции, куда можно постараться попасть...

А.М. *...чтобы творить «нетленки»!*

Н.Е. Ну конечно! Автору нужно уединиться, чтобы погрузиться в своё произведение. Это касается и небольшого стихотворения, а уж если ты пишешь роман – и подавно... Как можно «жить со своим произведением», постоянно отвлекаясь на быт? Хотя, может быть, кому-то достаточно вспышки озарения. Проснёшься утром – ах! – и быстренько записал.

А. М. Надежда, я полностью согласна: творить на бегу, «левой ногой» вряд ли кому-то нравится... Хочу спросить вас и о третьем вашем сборнике, связанном с работой в Доме русского зарубежья на Таганке...

Н. Е. В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына я работаю с 2004 года. Моя специальность – библиотекарь-библиограф, а поскольку я ещё и кандидат педагогических наук, то занимаюсь и научными исследованиями, тем более что наш Дом располагает уникальными архивными материалами, а в 2019 году открыт Музей русского зарубежья, где каждый экспонат достоин отдельного изучения и описания. В таком месте даже любая библиотечная выставка предполагает интереснейшую исследовательскую работу. Регулярно участвую в научных конференциях, что опять-таки связано с различными разысканиями, и как итог – написанием статей. Так со временем и появился мой сборник статей «Там, где есть книга...»: записки библиотекаря о русском зарубежье», вышедший в издательстве «Русский путь» в 2020 году. В качестве названия я взяла слова С. Цвейга, подразумевая, что «там» – это в нашем Доме, в его библиотеке...

А. М. А кто из писателей стал героем ваших статей, очерков, составивших книгу?

Н. Е. Три статьи посвящены Ивану Сергеевичу Шмелёву. Я занималась составлением его библиографии, изучала издания, имеющиеся в нашем фонде, исследовала историю изданий произведений писателя в России, интересовалась автографами на книгах... Творчество Ивана Сергеевича начало возвращаться к российскому читателю в конце 1980-х, в те годы и в начале 1990-х тиражи достигали пятисот тысяч.

В сборнике есть статьи, посвящённые И. С. Тургеневу, А. Т. Аверченко, практически неизвестной поэтессе, жившей в Китае, Елизавете Хмельовой. А завершает книгу сценарий цикла вечеров о М. И. Цветаевой.

А. М. Надежда, поздравляем вас с наступающим юбилеем и с круглой датой, связывающей вас и библиотеку Дома русского зарубежья! Желаем воплощения самых заветных творческих планов!

Надежда
ЕГОРОВА

КУСТ СИРЕНЕВЫЙ

МОЛВОТИЦЫ

1

Будет кому позаботиться
О суетливой Москве.
Еду на праздник в Молвотицы
К лесу, реке и траве.

Сердце от страха колотится:
Близко родные края.
Как нынче встретят Молвотицы?
Что им поведаю я?

Встану пораньше, как водится.
Дождь шелестит за окном.
Я пробегусь по Молвотицам,
Каждый приветствуя дом.

Всё там, где прежде, находится.
Только подрос березняк.
Жив Дом культуры в Молвотицах,
Школа стоит и продмаг.

-
- Надежда Алексеевна Егорова родилась в Новгородской области. Член Союза писателей России. Кандидат педагогических наук. Главный библиотекарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Автор поэтических сборников «Маленькая женщина», «От Молвотиц до Москвы», сборника статей «Там, где есть книга...»: заметки библиотекаря о русском зарубежье». Публиковалась в журналах «Берега Тавриды», «Русская провинция», «Волга–XXI век», «Студенческий меридиан», «Российский колокол», «Берега», «Метаморфозы», «Эмигрантская лира», «Новый Ренессанс», «Литературная Америка» и др. Участник Форума молодых писателей России (2002). Неоднократный лауреат и дипломант российских и международных литературных конкурсов. Победитель литературного конкурса журнала «Студенческий меридиан» (2007). Финалист всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира 2012» (Бельгия). Лауреат международного конкурса «Русский Stil 2012» (Германия) в номинациях «Поэзия» и «За талант и женственность в поэзии». Дипломант Московской областной литературной премии имени Роберта Рождественского (2019). Финалист Областной литературной премии имени И. А. Бунина в номинации «Зрелое перо поэзии» (2023, Московская обл.).

Завтра с утра распогодится,
Будет тепло и светло –
Скоро покину Молвотицы,
Древнее наше село.

Пусть вас хранит Богородица –
Дёмкино, Любно, Поля.
Заселье, Сопки, Молвотицы,
В пояс вам кланяюсь я.

У твоей калитки куст
Весь покрылся инеем.
Отчего на сердце грусть
Ледяная, зимняя?

Оттого грустится мне
И душа так мается,
Что давно в моём окне
Свет не зажигается,

Что однажды по весне
Ты не выйдешь из дому,
Что любить и верить мне
Можно только издали.

Ждать, как в засуху, дождя,
А порой весеннюю,
Мимо дома проходя,
Тронуть куст сиреневый.

УЛЫБКА

Улыбнись миру, и он улыбнётся тебе

Реклама в метро

О, сколько раз я улыбалась миру:
Учителям, прохожим, продавцам,
Экранному блестящему кумиру,
Духовно бедным нравственным слепцам.

Улыбки всем дарила без разбора,
И на пороге завтрашнего дня
Застыла в середине разговора –
Мир улыбнулся, глядя на меня.

Мы в родные места приезжаем нечасто –
Стариков навестить да клубники поесть,
Забывая, что здесь настоящее счастье,
Неподдельное, детское – здесь, только здесь.

Искала Пушкина не там:
Ни слог пространных монографий,
Ни тур по памятным местам,
Ни строки скучных биографий

Мне не открыли ничего
В душе российского пиита.
Узнать, понять, постичь его
Надежда дерзкая разбита.

Но лишь в полночной тишине
Заветный том раскрыла снова –
Пронзило ум и сердце мне
Живое пушкинское слово.

А мне всё кажется, что я могу приехать
На родину, в наш жёлтый милый дом,
Где мама встретит лёгким, добрым смехом,
И сядем за обеденным столом.

Я там всегда бывала редкой гостьей:
Своя семья, заботы и дела.
...Сирень на редкость рано на погосте
Так ярко расцвела.

Не обрушится небо, и звёзды
Не угаснут во мраке ночи,
И земля не сойдёт с орбиты,
Не рассыплется в пыль луна,

Если сердце мне скажет: «Поздно,
Ты ждала и любила очень,
Ты прощала ему обиды,
Но осталась теперь одна».

Нет повода для грусти,
Нет повода для сцен,
Когда любовь отпустит –
Отпустит насовсем.

Пусты все разговоры
Про кару и про месть.
Нет повода для ссоры,
А для разлуки – есть.

Я выздоравливаю, я
Проснулась утром
И поплыла на волнах бытия
Легко и мудро.
Улыбкой новый день учусь встречать,
Терпеть, не плакать –
Ведь путнику не могут помешать
Ни дождь, ни слякоть.
Как наша претерпевшая страна,
Очнусь – и в стремя.
Я сильная. Я выживу. Одна.
В любое время.

Михаил
ГОЛЬДРЕЕР

ЗАПИСКИ ЧРЕВОУГОДНИКА

Добрый повар стоит доктора

Русская пословица

КОРОЛЕВА ЗЕЛЕНИ – ЗАБЫТАЯ КОРОЛЕВА

Когда-то в 1984 году, будучи советским туристом в Испании, я впервые отведал то, о чём хочу рассказать. Несколько раз на обед и на ужин нам давали что-то мясное со сложным овощным гарниром. В этом гарнире два раза попадались отдельно лежащие зеленовато-белые отварные стебли длиной около 10 см и толщиной в палец. Вкус специфический, но крайне приятный. Стеблей этих было всегда не больше двух штук на порцию. Через нашу переводчицу я спросил, что это? И мне удивлённо ответили, что это спаржа. При этом у меня в памяти замелькали обрывки цитат, где упоминалось такое слово. Сразу вспомнился «Поединок» Куприна: «...Если бы я был царь, то всегда бы ел спаржу...». Затем А. Толстой «Гиперболоид инженера Гарина», где месье Грифон – парижский ресторатор – предлагает клиенту среди прочего несколько стебельков спаржи, обещая, «...что эта гамма вернёт вам силы...». Наконец «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова – «...Толстой не ел мяса... да, граф ел спаржу... Спаржа – не мясо...». Через какое-то время уже в Волжском, на базаре, я увидел старушку, продающую семена. На одном мешочке стояло слово «Спаржа». Старушка охотно рассказала, что их сажают в горшочке, а вырастает «такая ёлочка», которую украшают на святую неделю. Уже в наши дни, проходя в течение лета мимо цветочниц, я видел женщин, продававших зелёные игольчатые веточки, которыми у нас оборачивают букеты. Цветочницы называли эти веточки спаржей, говоря,

-
- Михаил Маркович Гольд्रेер родился в 1950 году в Костроме. В 1962 году переехал в г. Волжский Волгоградской области. Окончил факультет автоматики и вычислительной техники МИИТ по специальности «Инженер-электрик по автоматике и телемеханике в промышленности»; состоял на рабочих и инженерно-технических должностях до 1994 года. В 1998 году стал совместно с доктором Егоровым и доктором Бариновым учредителем Центра антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции. Заместитель директора Волгоградского центра антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции. Автор значительного числа публикаций в журналах и газетах России.

что их собирают в пойме. А украшать ими букеты придумали в Голландии. Кроме того, на лотках с овощами по-корейски спаржей называют белые губчатые кусочки из сои, вкусные, но совершенно не похожие на то, что я ел в Испании. В конце концов заинтересовался всерьёз, начал выяснять, и вот что удалось узнать.

Спаржа употребляется в пищу со времён Древнего Египта. Её любили египетские фараоны, древнегреческие «демократы», римские патриции, средневековые и современные короли. Это травянистое многолетнее растение имеет больше ста видов и в дикорастущем встречается повсеместно в тёплых районах Европы и Азии. Особенно любит песчаные почвы возле рек и озёр. В Греции до сих пор собирают и едят дикую спаржу, цена её больше огородной. Самое удивительное, что прародина спаржи, место, откуда она распространилась по миру, – Прикаспийская низменность, то есть Волго-Ахтубинская пойма! Сейчас это – бесспорный факт мировой ботаники.

В областной библиотеке Волгограда есть редкая книга. Это путевые заметки английского путешественника, который прошёл от Саратова до Астрахани по волжскому побережью в 19-м веке... В царицынских степях он восхищается обилием диких тюльпанов, а по берегам озёр и речек, по его словам, «...растёт такая спаржа, какую и в Париже не встретишь...».

Спаржа – огородная культура. Рассаду выращивают из семян, потом высаживают в грядки. Через два-три года разовьётся корневая система, и можно собирать урожай. Делается это так. Вся зелёная часть срезается, в земле остаются только корни. От них постоянно растут побеги, которые и обламываются для употребления в пищу. За свою нежность больше ценятся белые побеги. Чтобы их вырастить, грядки держат в искусственной темноте либо насыпают над корнями кучки разрыхлённой земли, чтобы побеги не успевали вылезти на свет до того, как их обломают.

Каких только блюд не делают из спаржи! Изысканные супы, деликатесные гарниры, сложные салаты для закусок. В одном из номеров «Бурда моден» целый разворот был посвящён фотографиям и описаниям рецептов из спаржи. Эти удивительные побеги начинают собирать в апреле с первой травкой, а заканчивают с первыми холодами. Набор солей и витаминов как в капусте, а вкус гораздо лучше. В Европе, США и Канаде спаржу едят везде. Она – неотъемлемая часть меню ресторана высшего класса в любом уголке мира. В русских огородах спаржа появилась в эпоху Петра I, причём уровень возделывания настолько вырос, что перед революцией спаржу, выращенную на огородах Подмосковья и Иванова, продавали даже в Париже, столице чревоугодия. Моя мама рассказывала после недавней поездки на родину, под Иваново, что в тамошних огородах растут огромные кусты спаржи, чуть ли не столетние, местные жители считают их декоративным растением, а местные козы их любят больше капусты. На самом деле это – остатки той спаржи, которую выращивали местные, крепостные ещё огородники в прошлые века на оброк своим помещикам. А называли они её – «господский овощ». Сейчас главный производитель спаржи в мире – Филиппины. Обидно. Сколько же всего мы растеряли!

Летом после купания я возвращался с сыном по дороге, которая идёт от Ахтубы мимо озера Круглое к зданию «старой школы» (муниципальная картинная галерея). Возле одного из придорожных тополей наше внимание привлёк пышный кустик с круглыми красными ягодками. Подойдя ближе, мы с удивлением увидели, что под тополем, прячась от нещадного солнца, поматывает своими листиками, похожими на крошечные короны, великолепная дикая ёлочка – спаржа!

Во французских ресторанах 19-го века гарнир из спаржи подавали к блюдам из медвежатины, дикого кабана и оленины. А местной отбелённой спаржей со своих грядок угощал меня в 1994–1995 гг. наш сосед по даче «Здоровье химика», бывший мастер цеха Махмутов (Царствие ему небесное!).

ЛЕСНЫЕ ЯГОДЫ НА «ФАЗЕНДЕ»

Однажды весной я возвращался поездом из Москвы и разговорился с соседкой по купе, пожилой жительницей Волгограда. Она везла с собой какие-то саженцы на дачу. В разговоре выяснилось, что саженцы она везла родственникам, а была это – голубика. Оказалось, что на её даче эта ягода уже давно произрастает.

Я сам родом из Костромы, родился и рос там. Это север средней полосы, вокруг стоят леса и болота с клюквой, костяникой, брусникой, черникой и голубикой. Голубика цветом и вкусом похожа на чернику, но гораздо крупнее и растёт не на травяных стебельках, а на прутьях небольших кустов. Ещё её называют гонобобель.

Во время Отечественной войны Кострома была сплошным госпиталем, так там раненых отпаивали отваром голубики, который восстанавливал организм не хуже женьшеня. Это заметили ещё в первую мировую войну.

А культурную голубику я впервые увидел в той же Москве в фешенебельных супермаркетах. Её красивые гроздья лежали в коробочках вакуумной упаковки, на ценниках было написано: «голубика», а в скобках стояла приписка-пояснение: «черника», видно, в Москве голубику знали плохо. А родом эта голубика была из Австралии, страны вечного тропического лета.

Вообще-то клюква, брусника, черника и голубика – близкие родственники, семейство брусничных. И мне долго даже в голову не приходило, что они могут расти где-то ещё, кроме болотистых земель в тени северных елей.

У меня в Москве однокашник по институту имеет тоже свою дачу. Как-то мы разговаривали и тоже коснулись голубики. А он вдруг загорелся и повёз меня в свой дачный посёлок, где привёл к одному из соседей. Дело было осенью, в начале октября. Когда мы пришли на участок, то я оказался в полном ошеломлении. Вся земля вокруг дачного домика была целиком засажена травянистыми и невысокими прутьевыми кустиками с мелкими листочками, которые окрасились уже в очень разнообразные осенние цвета, и это был такой фантастический декор, что хоть стой, хоть падай, ну просто единственный в мире уголок!

Оказалось, что хозяин дачи – брусничный фанат. У него на участке росли только брусника, клюква, черника и голубика, а ещё он начал экспериментировать с сахалинской красникой. Хозяин с радостью угостил нас плодами своего урожая, как свежими, так и в виде морсов, соков и варений... А потом рассказал массу интересного.

Этот дачный посёлок стоит на севере Подмосковья, и в окрестных лесах всегда есть всякая брусничная ягода. Наш хозяин и приносил поначалу саженцы из леса. Но они оказались капризны, приживались и росли плохо, к тому же были очень малоурожайны. Тогда он переключился на культурные сорта, сначала они доставались трудно, долго списывался с опытными станциями, пробовал их сорта, пока не выбрал подходящие.

Самые вредные сорняки для брусничных – корневищные, поэтому с участка были убраны все деревья и кусты. Саженцы высаживались в траншеи со специально подготовленной почвой, дно и стенки траншей выстила-

лись покрытиями, препятствующими корневищным сорнякам. Как ни странно, но главной проблемой культурных сортов брусничных была зимостойкость, однако, как оказалось, всё дело в почве. Они хорошо себя чувствуют и переносят зиму только на кислых, рыхлых, воздухопроницаемых и влагоёмких почвах. Поэтому хозяин взял за основу слаборазложившийся торф, к нему подмешал древесные опилки и опавшую лесную хвою. Эту массу смешал с супесью в соотношении 5:1, если же под рукой суглинок, то смесь 10:1. Этими смесями заполнил траншеи и засадил их всеми видами брусничных.

Сейчас уже легко можно купить разные сорта саженцев голубики, особенно в Москве, которые подходят для любых районов России. Голубика свободно переносит весенние заморозки, а вот канадская голубика ещё и засухоустойчива. Брусника, даже пересаженная из леса, при уходе резко увеличивает свою урожайность и способна давать до двух урожаев за лето. Особенно вынослива, урожайна и крупноплодна каплевидная брусника с Кольского полуострова. А культурная брусника сорта Коралл вообще уже совсем южная ягода, её даже надо укрывать от заморозков, зато и урожай даёт отменные.

Американская клюква легко зимует под снегом, не боится морозов, но для полного вызревания требует длинного лета, такого, как у нас на Волгоградчине, а ещё её следует сажать на чистом торфе, с ежегодной подсыпкой.

Урожайность черники культурной в Подмоскowie не отличается от лесной. Но хозяин для Волгоградской области советовал чернику дальневосточную высокорослую. Она теплолюбива и более урожайна. О краснике с юга Сахалина пока мало что скажешь, урожай даёт меньше клюквы и брусники, боится весенних заморозков, но это легко устранить укрыванием ветками и сеном.

Под конец нашей встречи брусниковод рассказал об одном маленьком приключении. Однажды ранней осенью он проснулся на своей даче ни свет ни заря от каких-то осторожных копошений на улице. Глянул в окошко и увидел трёх-четырёх птиц, которые, боязливо озираясь, клевали ягоды на грядках. Клюкву они не трогали, но активно ели бруснику и чернику, а возле кустиков голубики даже слегка подрались...

Хозяин раньше никогда таких птиц не видел, осторожно их сфотографировал через форточку, а когда вышел на крыльцо, то стайка мгновенно улетела. Снимки позже показал знакомому охотнику, и оказалось, что на дачу тогда залетела гордость старинного московского базара Охотный ряд, который был там, где теперь Госдума и гостиница «Москва», то есть рябчики! Они по осени всегда нагуливают жир на зиму, питаются брусникой, черникой и голубикой, это их любимейший рацион. Поэтому так вкусно белое нежное мясо осеннего рябчика. На Охотном ряду они никогда не залёживались, их разбирали лучшие московские рестораны и кухарки из богатых домов. Но в наше время даже в ресторанах, где подают дичь, невозможно заказать рябчиков...

МОРОЗ И СОЛНЦЕ В СОЛЁНОЙ ВОБЛЕ

Те, кто читал «библию» русского рыболова-любителя, то есть «Труды по рыболовству», написанные Сабанеевым, помнят, что автор довольно часто даёт советы, как сохранить и приготовить свежепойманную рыбу, чтобы она заблестала потом на столе наилучшим вкусом.

Вот эту тему я и хотел бы здесь дополнить, исходя из личного опыта, ибо то, о чём я хочу говорить, во времена Сабанеева ещё не признавалось гастрономией, то есть произведением изысканной кухни...

Речь пойдёт о приготовлении вяленой рыбы. Я живу в низовьях Волги, недалеко от Каспия. Издавна наши места известны на всю Россию вяленой и копчёной рыбой, особенно знамениты вобла и тарань. Обе эти рыбы – разновидность обыкновенной плотвы, они нерестятся в Волге и Дону, а живут и отъедаются в прибрежных водах Каспийского и Азовского морей. Вобла может достигать 1 кг весом, жирна, мясо имеет красноватое. Тарань из Дона будет несколько мельче, но по форме шире, напоминает молодого леща. Вобла и тарань всегда были обильны, местные жители ловили и ловят их весной на нересте, просаливают и вялят запас на весь год.

Постепенно выработалась целая культура способов и приёмов таких заготовок, были сделаны маленькие, но очень интересные открытия в этом деле. Например, во времена Сабанеева чехонь и синец (тощий и костлявый братец леща) считались бросовой рыбой, которую только по сильной нужде иногда употребляли в пищу «беднейшие классы». И действительно, в варёном и жареном виде чехонь и синец – костлявая гадость, но если их правильно завялить, то перед ними бледнеет самая лучшая вобла! Абсолютно то же самое можно сказать и про знаменитых донских рыбцов.

Много вяленки я перепробовал за свою жизнь, по большей части она была плохой, жалко было испорченной по неумению рыбы. Но когда попадались шедевры, то я не успокаивался, пока не допытывался всех секретов их приготовления. А секреты оказались на редкость просты!

Почти все рыболовы-любители, если хотят завялить рыбу, пересыпают свой улов солью или заливают рассолом, подержат так немного и вывешат на улицу. Часть рыбёшек испортят мухи, другая часть кое-как высохнет, причём на чешуе выступит соль, а если погода выдалась жаркая, то и жир. Да ещё этот жир несколько прогоркнет, что придаст вкусу горьковатую неприятную терпкость.

Настоящая же вяленка чешую имеет чистую и блестящую, на ощупь сухую, весь жир внутри, рыба поэтому на просвет прозрачна, скелет виден, мясо не волокнистое, плотное, но не жёсткое, соответственно и вкусу очень... съедобный...

В наших местах у многих хозяев в подвалах гаражей стоят деревянные бочки. В весеннюю путину эти мужики либо сами ловят, либо закупают по дешёвке свежепойманную воблу, тарань, синца, чехонь, леща... что придётся, а затем пускают всё это в свои бочки, где уже залит крепкий рассол. Когда же наступают сухие зимние холода, эту рыбу вынимают, вымачивают от лишней соли и вешают гирляндами за окнами да по балконам. Вот и весь секрет! На морозе нет мух, жир не испаряется, только вода, мясо тоже не портится. Этот способ открыли астраханцы, ведь вобла для них ещё и заработок, надо угодить покупателю. Сначала они вялили весеннюю воблу в своих погребах с ледниками и вентиляцией, там темно, мухи не сядут, прохладно, жир не прогоркнет. Но много так не заготовишь, да и спрос на воблу осенью и зимой выше. Вот и додумались вялить её зимой, а потом хранить круглый год в холодных погребах и продавать по мере спроса.

Довольно часто я езжу к своим друзьям и родственникам в Кострому и на Вологодчину, привожу им в подарок нашу вяленку: воблу, тарань, чехонь и т.д. Эти мои гостинцы всегда желанны. Там ведь рыбу никогда не вялили, иногда только хозяйки, если есть много свежей рыбьей мелочи, подержат её в рассоле, потом в горшок и в духовку горячей, но остываю-

щей печки. Рыбки после этого легко разваливаются в руках, мясо отделяется от костей и крошится, вкус солоноватый, но очень посредственный. Такую рыбёшку ещё дают к пиву в дешёвых забегаловках Прибалтики.

Между тем в реках Вологды и Костромы, как и в реках Подмосковья, водится местная разновидность плотвы, её зовут сорога. Это небольшая, длиной с ладонь, узковатая рыбёшка, но когда нагуляет жир, бывает очень округлая.

Как-то я провёл почти месяц на Вологодчине, вторую половину сентября и первую половину октября. А холодает в этих местах рано... Каждый день удил на речке Сухоне. Ловилось очень много хорошей жирной сороги. Улов обычно складывал в сених дома, где проживал, не надо и холодильника. Однажды взял всю сорогу, пойманную за три дня, сложил в кастрюлю: слой соли, слой рыбы, слой соли, слой рыбы... Потом прикрыл тарелкой, на неё поставил банку с водой для тяжести. Через день рыба дала сок, тузлук по-нашему. Так она три дня у меня в своём соку пролежала. Затем я её вынул, обмыл и на три часа в чистую воду положил поплавать. После этого вынесил верёвку с этой рыбой на улицу, на первый морозец.

Через две с половиной недели снял эту связку, отогрел в комнате, купил пива и созвал родственников с друзьями пробу снимать. Попробовав, все сошлись на том, что эдакой славной воблы сроду не едали! Да не вобла это, говорю, а сорога ваша исконная...

Удивил я их тогда, и посейчас с удовольствием вспоминаю. А ещё в письмах оттуда теперь регулярно пишут мне, кто сколько зимой сороги засушил, как мною было научено.

МИНОГИ-СЕМИДЫРКИ

Когда я учился в школе с первого по пятый класс, то каждое лето меня отправляли в летний детский лагерь «Семёново». Это в Костромской области – мы жили тогда в Костроме. Местность там роскошная! Огромный лесной бор с громаднейшими соснами на берегу речки Сендеги, которую в своих записках упоминает ещё классик русской драматургии и заядлый рыболлов Александр Островский. Его имение (ныне музей-усадебка) Щельково находится тоже недалеко от Сендеги.

Речонка эта с течением быстрым, но летом повсеместно узка и мелка, вроде широкого лесного ручья, правда, в овражистых местах имеются и глубокие заводи. Вода исключительно чистая, дно песчаное. Живность в Сендеге просто кишела. В норках под берегом жили раки, мелькали крупные пескари, вьюны, окуньки, сорожки. Стайки мелкой уклей (синявки – по-местному), покрывали поверхность воды почти полностью. В заводях жила рыба посерьёзнее: в водорослях и под листьями кувшинок караулили щучки, а бредни местных жителей зачерпывали судачков, языков и налимов. Дно Сендеги было просто устлано домиками ручейников, на которых местные рыбёшки клевали буквально сразу. Нас – детвору с удочками – от берега невозможно было за уши оттащить!

Однажды я и двое ребят постарше собирали на песчаном дне ручейников для предстоящей рыбалки. К нам подошёл местный мужичок, поздоровался и предложил половить с ним «семидырок»... Мы залюбопытничали, и он, зайдя в воду, запустил руки в песок, а когда вытащил и разжал горсть, то на его ладони извивалась светленькая змейка 4–5 см длины и чуть потолще шнура для ботинок. Потом он показал нам на дне речки малюсенькие

бугорки, вокруг которых надо вкапываться ладонями, чтобы ухватить «семидырку». Мы обрадовались новому впечатлению и за час наловили много этих змеек. Мужик запустил их в банку с водой и предложил нам подойти на берег заводи, что неподалёку была, после 18 часов, когда в лагере закончится ужин. Мы так и сделали.

Наш знакомый сидел на берегу возле нескольких донок. «Семидырок» он насаживал на крючки как живцов. На его кукане уже сидели пара неплохих окуней и щучка на полкило. Рыбак сказал, что будет ловить всю ночь и утреннюю зорьку.

Утром мы прибежали к заводи сразу после завтрака, мужик уже начал собираться домой. Улов был знатный: окуни, щучки, хороший судачок и мерные налимчики граммов по четыреста, штук восемь.

В десятом классе я где-то вычитал, что на Каме «семидыркой» называют существо по имени минога. А уже когда учился в институте в Москве, то моими соседями по общежитию были ребята из латышского города Даугавпилса. Однажды после зимних каникул они привезли десятка два серо-серебристых змеек толщиной в палец и длиной 10–14 см. Это и были пресловутые миноги. По бокам около головы у миног было по семь дыхательных отверстий, те самые семь дырок.

Ребята привезли миног кому-то в подарок, поэтому мне не удалось ими угоститься тогда, но от них я узнал, что в ресторанах Прибалтики и Ленинграда миноги – престижнейший деликатес!

После окончания института я вернулся в город Волжский, спутник Волгограда, где проживала моя семья. А уже там школьный друг, работавший на Волгоградской гидроэлектростанции, рассказал, что зимой в здании плотины они ловят крупных миног в воде, обтекающей трансформаторные агрегаты для их охлаждения. Миноги заплывают туда погреться... Руководство ГЭС даже угощает ими особо почётных гостей.

В конце концов я заинтересовался всерьёз и собрал следующую информацию. Миноги – древнейшие существа на Земле, они не рыбы, а рыбообразные или круглоротые. Но у них не рот, а скорее круглая присоска, полная мелких острых зубов, зубы есть даже на языке. Миноги бывают морские, речные и ручьевые. В их телах нет костей, только хрящи, даже в головах, поэтому среди рыб им роднее всех осетры.

Все виды миног нерестятся в пресной воде, поднимаясь в верховья рек, а вот жить любят в речных устьях и в море, недалеко от устья. После нереста из икры миног вылупляются личинки, которые растут очень медленно, питаются, фильтруя придонный ил, прячутся от хищников, зарываясь в песок, за что их называют пескоройками. Ручьевыми миногами становятся речные миноги, не сумевшие уйти в реку. Их пескоройки в ручьях из-за скудного корма, по сведениям патриарха русской рыбалки Сабанеева, приобретают способность нереститься, не превращаясь во взрослых миног, но пескоройки второго поколения уже бесплодны и, чтобы принести потомство, должны всё-таки стать полноценными миногами, но это, как правило, уже мелкие особи.

Взрослые миноги – хищники, но очень своеобразные. Они присасываются к крупным рыбам, прогрызают чешую и непрерывно сосут их тело, превращая его своими зубами-тёрками в нежный фарш, который и поглощают. Перед нерестом миноги перестают питаться, после нереста гибнут. Хищные рыбы тоже хорошо лакомятся миногами.

В Европе миноги числятся деликатесом аж с Древнего Рима, ещё на пирах Лукулла подавали гусей, фаршированных миногами. В средневеко-

вой Франции, по указу королей, всех пойманных миног следовало продавать только в Париже, а «миноги в красном вине с луком-пореем» – одна из вершин французской кухни. Английский город Глостер до сих пор гордится, что в средние века обязан был в виде налога поставлять к королевскому столу паштет из своих миног.

Молодой царь Пётр Первый попробовал миног во время своих путешествий по Европе. А когда вернулся, то, будучи в Царицыне, удивился несказанно, обнаружив в Волге миножье изобилие, были они здесь гораздо вкуснее и необыкновенно крупны, достигая иногда до метра в длину и 1,2 кг веса. После того, как Пётр отвоевал Прибалтику и построил Петербург, миноги европейских размеров из рек балтийского бассейна стали непременным украшением русских аристократических застолий.

Европейская минога потому мельче, что может атаковать рыбу не крупнее лосося и трески. А волжская минога в те времена могла зависнуть на сазане в 30 кг, на осетре в 100 кг, на соме в 300 кг, да и белуга до полутонны весом была не в диковинку.

Мелкие миножки путешествовали от Каспия до Самары и выше, вцепившись в заломов, вожаков в косяках каспийской сельди, шедшей на нерест. Миноги в Волге было так много, что, когда она шла зимой к местам весеннего нереста, её просто черпали сачками в прорубях, особенно под Саратовом. Один ветеран Сталинградской битвы рассказал мне, что когда их дивизия готовилась к переправе на сталинградский берег, то им часто готовили глушёную рыбу из Волги, причём почти в каждой порции были миноги.

Это изобилие пропало после возведения каскада волжских плотин. Миноги сохранились кое-где в низовьях, но сильно измельчали и поредели. По данным на 1989 год, Советский Союз добывал в реках Прибалтики в год 250 тонн, а на Волге вдесятеро меньше.

Сам я впервые увидел волжских миног в 1998 году на Центральном рынке Волгограда, небольшую кучку всего в одном месте. После этого не видел ни разу. Повезло на Новый год: в январе 2006-го снова увидел на Центральном рынке по 250 рублей за килограмм и тут же купил. Спросил у торговки, как же их потрошить, и эта бывшая дама ответила, что миног не потрошат, а моют, натирают солью, обваливают в муке и жарят целиком, как колбаски... А потом так же целиком съедают, от головы до хвоста. Мы приготовили миног на Рождество. Вкус знакомый – отличная жареная осетрина высшей свежести! Впрочем, латыши её так и зовут – балтийская осетрина...

ЦАРСКИЙ ДЕЛИКАТЕС ИЗ НЕЦАРСКОЙ РЫБЫ

Известны в истории России времена, когда она была обеспечена рыбой настолько, что никому даже в голову не приходило развивать морское и океаническое рыболовство у дальних берегов, как в наше время. В 19-м веке, например, обычная треска была на русских столах редкой диковиной по имени «лабардан». Но не потому, что её не хватало – архангельские поморы ловили треску предостаточно, но она пользовалась слишком малым спросом и только у отдельных, «продвинутых» гурманов, так что основную часть русской трески вывозили и сбывали в странах Средиземноморья, особенно в Италии. Да и зачем треска, если полно было осетрины, сёмги и всех видов речной и озёрной рыбы буквально за копейки. В плановом хозяйстве Советского Союза перед Отечественной войной главными поставщиками рыбы для нужд армии и населения числились Азовское море, Каспий-

ское, а главное – Аральское море, оно вообще было всесоюзным «садком» по своему изобилию и продуктивности.

Однако в 50-е годы прошлого века промышленность стала бурно развиваться, все крупные реки перегородили плотинами, начался интенсивный водозабор и загрязнение, а Арал стал быстро пересыхать, так как почти всю воду рек его бассейна забирали на полив хлопка. Уловы рыбы по стране снизились резко и многократно. Тогда решили развивать добычу и переработку океанической рыбы. Построили огромные траулеры и рыбоперерабатывающие плавбазы. После чего столкнулись с проблемой: наше тогдашнее население с очень большим недоверием отнеслось к невиданным доселе рыбам и другим морепродуктам. Были срочно выпущены в продажу кулинарные книги с подробным описанием новых видов рыб, способов их приготовления и поедания. Одновременно с этим в Москве и Ленинграде проводились выставки-дегустации-продажи специально приготовленных блюд из морской рыбы и морепродуктов.

И вот однажды, когда я был ещё в пятом классе, мой отец, вернувшись из командировки в Москву, привёз огромную рыбину с почти чёрной кожей. Пахла она просто замечательно! Парой вилок её разодрал её на крупные куски. Под кожей обнаружилось восхитительно-белое, слоистое, сочное мясо... Это была треска горячего копчения! Её, эту первую треску, я запомнил и полюбил на всю жизнь, но, сколько потом ни покупал такой же трески, уже никогда не ощущал вкуса, равного вкусу той, первой – качество приготовления было ниже...

Во время моей службы в армии варёная треска, а также её когда-то «сорные» родственники – минтай и хек – были уже обыкновенной частью солдатского питания.

Уже с детства я пристрастился к рыбной ловле и полюбил чтение по этой тематике – о видах и свойствах разных рыб, в том числе гастрономических. И вот, читая русскую классику, даже из школьной программы, наткнулся достаточно часто на сведения о рыбе под названием «налим». У Гоголя, например, сообщалось, что икра и особенно молоки налима делают уху особенно вкусной, а у Салтыкова-Щедрина «воспевалась» печень налима.

Уже будучи старшеклассником, я услышал рассказы отцов своих одноклассников. Они работали вахтовиками на Ямале по добыче нефти и газа. Бывая в тех местах во время вахт, они покупали у рыбаков из коренного населения местную рыбу и рыбопродукты. В ямальских глубоководных озёрах находится почти 70 процентов всех запасов сиговых рыб России, именно там массово добывают такие суперделикатесы, как паляя, пелядь, чир, муксун, ряпушка. Но вахтовики вместо этого предпочитали покупать у рыбаков местную щуку, рассказывая, что она необыкновенно жирна и несравненно лучше по вкусу, чем щука из Волги и других рек Средней полосы и Юга России. А ещё они брали у местных рыбаков печень налима. Налимы там водятся обильно и очень крупны, но местные эту рыбу не едят, а ловят специально для вахтовиков. Поймают, вытащат печень, а сами тушки бросают на снег, мол, песцы потом подберут.

Лет в 27 я побывал у родственников на Вологодчине, где однажды принял участие в рыбалке на реке Сухоне в составе местной артели, которая заготавливала рыбу для продажи в магазине рабочего снабжения Сокольского целлюлозно-бумажного комбината. Мы ловили неводом и, выбирая из него пойманную рыбу, находили много мелких по 300–400 г налимчиков. Рыбаки называли их «килунами» и выбрасывали назад в реку. На боках всех налимчиков были чётко видны круглые язвочки. Сокольский комбинат

сбрасывал в Сухону много неочищенной воды, и все налимы в реке были из-за этого больны. Позже, за чаем у костра, артельные старики рассказали мне, что до революции и ещё в 20-е годы 20-го века на Сухоне зимой был целый промысел налимов. Местные эту рыбу сами не ели, считали несъедобной для себя, но ловили на заказ. Ловили очень интересно. Приобретались выбракованные лошади, их умервщляли, распарывали им брюхо, после чего эти туши на канатах опускали на ночь в проруби. Наутро их вытаскивали из прорубей, в брюхах было полно налимов. Крупных забирали, мелких отпускали в реку. Туши опять опускали в проруби. Из крупных налимов заказчики потом извлекали печень, а сами тушки продавали в магазинах Ленинграда и Москвы.

Работая на Волжском трубном заводе, познакомился с любителями зимней рыбалки, которые рассказывали, что регулярно в январе накануне нереста видят, как налимы ходят прямо под прозрачным льдом напротив плотины Волжской ГЭС, а иногда даже крутятся возле лунок зимних рыболовов, сидящих в этом месте. Вообще же любители в наших местах ловят налимов по ночам на живца и червя, начиная с октября осенью и с апреля весной. Они также говорят, что налимы в это время могут брать и на кусочки свежего мяса.

В конце концов я познакомился с трудами классика русской рыбалки Сабанеева, из которых узнал, что налим – это единственный пресноводный представитель семейства тресковых(!) рыб. Что эта рыба чрезвычайно чувствительна к чистоте воды, и уже в 19-м веке исчезла в среднем течении Москвы-реки из-за того, что туда сливали городские нечистоты. Нерест налима в январе, и после установления первого льда налимы поднимаются под него со дна и некоторое время ходят под ним, привыкая к низким температурам. В наших местах лёд образуется поздно, вот и ходят налимы под ним буквально перед самым своим нерестом. Вообще эта рыба холодолюбива, и летом у неё что-то вроде спячки на дне в норах и корягах, желательна близости от холодных донных ключей. На северах налима много, а вот у нас, на Нижней Волге, он всего лишь встречается в местах, где очень глубоко или есть холодные ключи у дна. На Ахтубе такие ключи имеются...

Из других источников довелось выяснить, что печень налима в русской высокой кухне ценилась выше любой икры, готовилась как особый изыск в ресторанах, чрезвычайно украшали стол пироги-расстегаи с этой печенью. А перед революцией был даже налажен экспорт консервов печени налима. Нынешние консервы из печени трески и минтая – это отголосок-воспоминание о давних консервах из печени налима.

Сам я своего первого да и последнего налима случайно поймал в 80-е годы прошлого века в Ахтубе, во второй половине августа на живца донкой для судака. Это было на глубокой яме, в которой имелось несколько крупных холодных ключей. Эти ключи хорошо ощущались полосами холодной воды на поверхности во время наших купаний в жаркий полдень. Так вот, на мою донку попала килограммовая налимиха с икрой. Дома мы её тогда просто пожарили со всеми потрохами.

В лихие девяностые, когда все выживали кто во что горазд, на Центральном рынке Волгограда однажды увидел, как женщина пыталась продать пару налимов средней величины. Налимы были горячего копчения. Тогда я их не купил, но осмотрел и даже попросил предоставить возможность понюхать. Запах был прекрасен!

Недавно, в апреле, мои друзья рыбачили в районе плотины Волжской ГЭС донками на живца и пучки червей. Целью их рыбалки были имен-

но налимы, а места, где их можно было всего вероятнее встретить, указал по моей просьбе ихтиолог из Волгоградского института озёрного и речного рыболовства Василий Болдырев. Всё удалось, и мне подарили пару налимов на 700 г и 1 кг каждый. Тогда я договорился с другими моими друзьями, имевшими коптильню, чтобы они закоптили тушки горячим способом, а печень приготовили отдельно. Что и было сделано с подробным запечатлением процесса на фотографиях.

ЗА РУССКИМ ТРЮФЕЛЕМ

Смиренной охотой назвал сбор грибов в лесах и полях славянофил и натуралист 19-го века, писатель Сергей Аксаков. В его времена великий русский лес господствовал на всей территории Российской империи, и его дары были часто даже важнее для множества русских людей, чем продукты сельского хозяйства. Только в России в те времена грибы считались «мясом бедняков», и существовало аж до 20-х годов прошлого века выражение «...дешевле грибов...». Так говорилось уже про что-то совсем копеечное. По грибы ходили все поголовно – и деревенские, и городские, без различия званий и сословий. Представители низших классов промышляли сбором грибов для пропитания и торговли, люди обеспеченные рассматривали хождение по грибы как отдых, безгрешный азарт вроде охоты или рыбалки.

А между тем в Западной Европе уже с античных времён грибы считались и ценились как дорогие деликатесы. Древнеримский император Клавдий, например, был отравлен с помощью блюда из белых грибов, которые он буквально обожал.

Моя мама родилась и провела детство в Ивановской области, в посёлке Нерль, на берегу одноимённой реки, притока Волги. В этих местах и тогда, и сейчас тянутся вековые леса с ручьями, озёрами и болотами. Лето там весьма дождливо, так что для грибов – полное раздолье! Её отец, мой дед, работал главным механиком местной текстильной фабрики, жили скудно, перед войной продукты давали по карточкам. Выручали небольшой огород и лес. А в лесу были ягоды – земляника, малина, черника, клюква; к ним добавлялись лесные орешки и, разумеется, грибы. Каждый год мой дед брал отпуск в конце августа, и ежедневно они с моей мамой, тогда ещё школьницей, ходили с утра в лес за грибами. Мама вспоминает это и как интересный отдых, и как важные заготовки продуктов, в том числе на зиму. Охотились в первую очередь за белыми грибами-боровиками, подберёзовиками и маслятами. Эти грибы потом сушили, чтобы зимой варить с ними щи вместо мяса. Подосиновики-красноголовики шли сразу на сковороду, как и лисички (там их называют ещё «петушками» за схожесть видом с куриными гребешками). Сыроежки отваривали, измельчали, смешивали с растительным маслом, укропом, тёртой варёной морковью. Это называлась грибная икра. Именно взятая за основу технология её приготовления позволила появившимся позже российским дачникам уже в 60-е годы прошлого века создать то, что назвали икрой баклажанной и икрой из кабачков. Солили на зиму опята, волнушки и грузди.

Очень радовался дед, если попадались рыжики. Он их откладывал отдельно и бережно. Потом лично засаливал. Их подавали гостям как праздничную закуску к водке. Дед рассказывал маме про рыжики то, что я потом прочитал в классической литературе. На Руси издавна солёные рыжики считались первой закуской к водкам и горьким настойкам. И сама чёрная икра

уступала им в табели о рангах! Даже на официальных приёмах у императора самым высоким гостям водку подносили с непременно тарелкой солёных рыжичков. И это имело успех! Перед первой мировой войной из России начался солидный экспорт солёных рыжиков в Германию, Австрию и страны Скандинавии, в них пошла мода закусывать рыжиками шнапсы и даже пиво.

Но теперь в Волгограде, в магазине «Гурман», я регулярно вижу миниатюрные деревянные бочонки с солёными рыжиками из Германии – просто бред какой-то!

Сам я с тихой охотой познакомился где-то в классе третьем, когда был в пионерском лагере в Костромской области, которая, как и Ивановская, тоже часть территории коренного русского леса. Наши вожатые периодически выводили нас в лес поблизости от лагеря с тем, чтобы мы искали и собирали грибы, а они нам потом рассказывали, какие именно грибы нам удалось найти. Моим первым трофеем оказался крупный, здоровый и красивый подосиновик. Он оказался самым лучшим из всех грибов, собранных нашим отрядом, поэтому на следующий день его положили на всеобщее обозрение в библиотеке лагеря, а после отправили на лагерную кухню вместе с другими пригодными для еды грибами. И был для нашего отряда грибной суп! В другой раз я наткнулся на целую дорожку великолепных лисичек, снял с себя майку, сделав из неё лукошко, которое набил целиком. Эта майка пролежала в моём чемодане целую неделю, а когда приехали в выходной мои родители, чтобы проведать, то я эти лисички отдал им. Они увезли, пожарили и с удовольствием съели. А я тихо удивлялся, почему же они в чемодане не испортились?! Только недавно узнал, что лисички способны месяцами не портиться при комнатной температуре, а замороженные сохраняются вообще десятилетиями!

Самостоятельно я ходил за грибами в лес в первый раз в последнее воскресенье августа перед началом учебного года в пятом классе. Я и мой приятель-одногодок, сын соседки по дому, взяли по корзине и ранним утром переправились на речном трамвайчике через Волгу. Отчаливали мы от той самой деревянной пристани-дебаркадера, который много раз виден на кадрах рязановского фильма «Жестокий романс», снимавшегося в моей родной Костроме. На другом берегу мы прошли совсем немного и оказались в заповедной лесной тишине. Бродили часа четыре, насобирали полные корзины, видели змею-гадюку, ежа и несколько белок. Хватали с земли всё подряд, больше всего было разноцветных сыроежек, но мухоморы и бледные поганки не брали, в пионерском лагере нас хорошо научили их различать. Потом мама целый вечер разбирала мою корзину, отбрасывая порченные грибы, но на пару сковородок всё-таки хватило! В 2001 году посетил Кострому: за Волгой на бывших грибных местах торчат вычурные особняки среди редких сосен и елей, пейзаж – сродни кладбищенскому...

В 60-е годы мы переехали в Волгоградскую область, в Волжский. Тут и познакомились с шампиньонами! Эти грибы оказались степными-луговыми, любящими расти на перегнившем навозе и компосте. Тогда степь начиналась в Волжском прямо за нашим домом, и после дождей на ней шампиньонов было полно, на базаре тоже продавали много и дешёво. Мама была в восторге, готовила их часто, и непременно – в сметане. Позже, уже в армии, в Даурии, а это край степей Забайкалья, в августе на учениях обнаружил заброшенную кошару, возле неё стоял холм овечьего навоза, который давно засыпали ветры землёй. Холм этот густо порос травой, а в траве кишмя кишели отборные шампиньоны. Я позвал с нашей стоянки ещё солдат, и мы набрали огромный мешок этих грибов, почистили и заложили в котёл полевой кухни

с гречневой кашей для нашей роты. Когда каша была готова, то отведать её сбежались все офицеры нашего батальона, и даже начальник штаба дивизии, оказавшийся поблизости, удостоил её своим вниманием и аппетитом. Позже офицеры удивлялись, мол, сколько лет здесь служим, а даже не подозревали, что местные степи полны дармовым деликатесом!

Когда работал на Волжском трубном заводе, то однажды участвовал в сентябре в сборе помидоров. Это был 82-й год. Мы располагались в селе Покровка. Это Волго-Ахтубинская пойма. Кругом были ерики, озёра, и недалеко проходило основное русло Волги. По его берегам стояли густые дубравы с большими старыми деревьями. Однажды мы зашли в такую дубраву, и я оцепенел! Землю устилал, закрывая траву, ковёр великолепных грибов. Это были моховики-поддубники, их ещё называют польские белые. В первый и последний пока раз в жизни я увидел «...грибов, хоть косой коси...». Впрочем, наше начальство эту радость уже давно заметило и, регулярно приезжая с инспекциями, не забывало брать мешки и сумки, которые за час-два набивало грибами под завязку.

В семидесятые годы, студентом в Москве, я часто бывал в гостях у отцовского друга, преподавателя Московского инженерно-строительного института (МИСИ). У него была дача в подмосковном посёлке Семхоз. А ещё он имел сына, бойкого мальчишку пяти лет. Однажды в сентябре я гостил у них на даче. Хозяин пригласил меня погулять в окрестном лесу и посмотреть «нечто»... Я был заинтригован! Мы пошли по лесной тропинке, с нами был и сынишка хозяина. Периодически он нырял в заросли, и мы слышали истошно-радостный визг: «Гри-и-иб!». После чего он бежал к нам с трюфелем. Наша задача была – корзину тащить. Когда она наполнилась, хозяин посадил умирившегося мальчугана себе на плечи, оставив мне корзину. Мы весело возвращались и вспоминали, что примерно так же, только со свинками или собаками, в Италии и Франции собирают царь-грибы, знаменитые дорожные трюфели... И что же? Довспоминались! Через неделю я зачем-то звоню им, а друг отца настоятельно просит меня вечером приехать к нему. Они жили тогда в новом доме-башне на Песчаной улице возле метро «Сокол». Тогда это был район новостроек на лесистом месте, где до войны ещё охотились на зайцев и рябчиков. Когда я приехал, то меня радостно и торжественно посадили за стол на кухне и подали тарелку с двумя тушёными грибами-шариками величиной с грецкий орех, от которых шёл густой и восхитительный запах. Я их сжевал под стопочку, и мне рассказали, что сынишка нашёл эти грибки в полупесчаной землице под соснами возле подъезда дома. Он, играя, зачем-то копался под соснами, увидел первый шарик, залюбопытничал и накопал их всего восемь штук. Это оказались знаменитые в старину подмосковные трюфели, они не такие чёрные, как европейские, но пахнут и ценятся не меньше.

Позже я вычитал, что впервые массово русские познакомились с трюфелями во время пребывания во Франции после победы над Наполеоном. Господа офицеры распробовали, как это вкусно, а солдаты смекнули, как выгодно добывать такие грибы, да и переняли этот промысел у французов. Оказалось, что светлых трюфелей в лесах Подмосковья, Твери, Рязани, Тулы, Калуги и Владимира даже пообильнее, чем чёрных трюфелей где-нибудь в Перигоре или Провансе! И собирать их не очень мудрено. Свиньи обожают трюфели вынюхивать, откапывать и есть. Надо взять молодого подсвинка на привязи, такого, чтобы не тяжело было удерживать руками, и прогуляться с ним по лесу. Когда свинтус учует гнездо трюфелей и начнёт его выкапывать, следует взять у него из-под носа хоть один грибок. Этот

грибок потом дать понюхать охотничьей собачонке типа таксы, спаниеля или сеттера. Всего за три дня такие собаки легко научаются искать трюфельные гнезда, но выкапывать и есть их они, в отличие от свиней, не станут.

Путешествуя по Болгарии, я очень восхищался красотой тамошних горных лесов. Довелось там и побродить. Впечатление было бесподобное, чисто так, будто не ступала нога человеческая, и масса грибов разнообразных. Потом, разговаривая с болгарами, выразил восхищение их девственными лесами, а они расхохотались. Мол, нет у них девственных лесов. После войны горы были лысые, крестьяне все деревья с них свели на дрова и постройки. Но потом в стране началась кампания лесопосадок, и за десять лет леса возродились. Тогда я спросил, любят ли в Болгарии грибы, почему в лесах не видно грибников? Оказалось, что грибы в Болгарии любят не меньше, чем в России. Но нашей культуры сбора лесных грибов у них нет. Поэтому те, кто хочет в лесах грибы брать для себя или для продажи, должен пройти специальное обучение и получить письменное удостоверение грибника, без которого будет сильно наказан, если лесники увидят в лесу с собранными грибами.

Несколько лет назад посетил Израиль. Привелось побывать в доме друзей, который расположен в библейском месте, в Самарии. Это берег реки Иордан. Местность там гористая, посёлки расположены на вершинах невысоких гор. Сами горы – это не сплошные скалы, а похожи на кучи разнообразных камней, растут там пихты и ливанские кедры с огромными шишками. А ещё местные дубы, больше напоминающие кусты, чем деревья. Жёлуди на этих дубах обыкновенные, а вот листья мелкие, величиной с эти самые жёлуди. Однажды утром хозяйка предложила мне сходить с ней за грибами. Я удивился: посёлок был маленький, застроен тесно, где быть грибам? Мы вышли за ограду садика перед нашим домом и оказались на детской площадке. Эту площадку окружали почти отвесные стены горы, площадка находилась в углублении. Хозяйка начала ходить кругами вдоль этих стен, пристально разглядывая кусты и траву, росшую в щелях между камнями. И – о чудо! Между ними виднелись грибы, покрытые утренней росой. За полчаса мы набрали полновесный кулёк. В основном это были моховики-поддубники, пара шампиньонов и десяток сыроежек. Хозяйка рассказала, что в сезон дождей иногда и понемногу вылезают даже рыжики. А ещё позже я узнал, что культуру сбора грибов привезли в Израиль эмигранты из бывшего СССР. До них здесь грибы никто не собирал. А теперь каждая уважающая себя русскоязычная семья имеет в Самарии свою излюбленную грибную делянку, куда и ездит в грибной сезон «на шашлыки».

В лихие девяностые по Волжскому прокатилось повальное увлечение разведением древесных грибов-вёшенок. Люди покупали мешки с опилками и спорами грибов, раскладывали в гаражах, в квартирах на балконах, в подвалах дач, поливали и собирали урожай. Но быстро выяснилось, что в небольших замкнутых помещениях воздух просто забивался спорами вёшенок, а это вызывало тяжелейшие расстройства и заболевания дыхательных путей. Но мой приятель-дачник приспособился. Когда ему пришлось на даче сильно обновить плодовые деревья, то он не стал выкорчёвывать пни от спиленных старых, просто посадил на них вёшенки. За лето грибы сделали из пней горстку трухи, да ещё дали отличный урожай. Дом у приятеля на даче был капитальный, там и зимой можно жить. Вот однажды зимой он и пригласил меня отметить его день рождения на даче. Когда я приехал, то среди прочего угощения была сковорода свежайших вёшенок. Конечно, их можно было купить в магазине, но ведь именинник вовсе не был гриб-

ным гурманом-фанатом... Всё легко прояснилось. Хозяин рассказал, что этим летом у него заболела и погибла старая черешня. Когда на дереве потрескалась кора, там показались вёшенки. А после осенних дождей они просто облепили ствол и ветки. Наступила зима, вёшенки на черешне замёрзли, но не отпали. Однажды хозяин решил их попробовать, и оказалось, что это те же самые замороженные грибы, как в магазинах, отогрел – готовь и ешь!

А недавно по ТВ промелькнул сюжет про одного деревенского грибника, который зимой ходит по снежному лесу на лыжах с корзиной за плечами и собирает в неё с помощью специального резака на длинном шесте зимние вёшенки с сухих, отмирающих веток лесных деревьев.

ЦАРСКИЙ ЁРШ ПЕТРА ПЕРВОГО

Эта история началась аж в 1978 году. Именно тогда я случайно наткнулся на небольшой очерк в одной из волгоградских газет, в котором рассказывалось, как во время летних отпусков приезжают регулярно из разных мест рыболовы, чтобы сесть на урюпинском берегу Хопра, наловить бирючков и сварить из них уху. А уха эта несравненна и восхитительна! Ещё в этом очерке рассказывалось, что приток Дона Хопёр считался тогда самой чистой рекой Советского Союза, что Урюпинск издавна известен своими пуховыми козами и т.д. А вот что за рыбка бирючок и почему из него бесподобная уха, раскрыто не было...

Много позже я выяснил, что бирючком (бирючком!) называют на Дону ерша-носаря.

Ну, думаю, ёрш он и есть ёрш, что называется – не трофей. Правда, к тому времени уже был наслышан и успел убедиться, что ерши для любой ухи всегда украшение. А в старинных русских трактирах уху из ершей на заказ готовили, и если где она хорошо получалась, то клиенты туда валом валили. Такой случай, например, описан в романе Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы». Основное действие этого романа проходит в трактире «Ерши», в память об ухе из ершей, которой он некогда славился.

Ещё позже наткнулся где-то на информацию о том, что когда Пётр I строил корабли в Воронеже, то очень полюбил там уху из носарей, которых ловили на тамошнем участке Хопра, варили из них тройной бульон с пряностями и добавляли куски стерляди. Будто бы с тех времён пошла традиция отправлять весной с Дона к царскому столу живых икряных ершей-носарей в бочках с водой, а ловили их для этого в бочки рыболовы-умельцы из казачьего села Задонское (за точность названия не ручаюсь!).

Где-то году в 2000-м я решил собрать о носаре всю возможную информацию. И вот что вкратце выяснилось. Носарь, конечно, ёрш, но вырастает значительно крупнее ерша обыкновенного, отличается на вид от него удлинённым носом. Есть и много других отличий: ёрш любит спокойную воду потеплее, носарь обожает течение, прохладу, подводные ключи; ёрш попадает на любую снасть, носарь – практически только на донку; ёрш – рыба повсеместная, носарь – обитатель рек исключительно (!) северного Причерноморья. То есть он встречается только в Днестре, Днепре и Дону, даже в Дунае его уже нет.

В итоге я загорелся! Решил, как теперь хохмят «всё бросить – уехать в Урюпинск, неофициальную «столицу российской провинции», чтобы сварить наконец себе уху из бирючка. Начав готовить сию экспедицию, позволил в волгоградское областное общество охотников и рыболовов, мол,

не порекомендуете ли какого-нибудь урюпинца, чтоб подсобил бирючков наловить? Из общества же мне ответный вопрос: а что это за рыба такая? Когда объяснил, заинтересовались, запросили своё Урюпинское отделение. А оттуда ответ, что уж давно забыли в «стольном» Урюпинске, как ловили в его пределах такую рыбку – закончилась она совсем.

Это был сюрприз! Но руководитель общества рыболовов припомнил, что в Волгограде имеется НИИ озёрного и речного рыболовства, дал мне телефон, по которому я начал немедленно названивать. И всё срослось, хоть и далеко не сразу... В НИИ я начал общаться с сотрудником Василием Болдыревым, который всю речную фауну нашей области знает, что называется, в лицо и наизусть, регулярно выезжая на базовые точки НИИ на водоёмах области для контроля рыбных запасов.

В конце концов в одно прекрасное апрельское утро я с товарищем выехал на Дон, на точку НИИ озёрного и речного рыболовства, где нас уже ждал Василий с бирюками, которые попали в утренний контрольный невод. Место, куда мы приехали, просто фантастично! Можно подумать, что там не ступала нога человека. Однако недалеко виднелись фундаменты давно покинутого казачьего хутора. Дон ширился в разливе, его крутой берег был изрезан балками, меловыми горами и настоящими каньонами. Всё это заросло редколесьем, кустарником и степными травами, остро пах чабрец... Мы вышли из машины возле небольшой балки. На её противоположном берегу из кустов на нас с интересом смотрела линялая лиса. Над головами пролетали цапли, парил коршун, высматривая мышей. Тишина и красота!

Вскоре прибыл Василий. В небольшом ведре у него плескались десятка два носарей разной величины, мелюзги не было, только средние и крупные. Мы устроили «фотосессию» с бирюками, а потом развели костёр, и я начал варить уху. Сначала бросил в кипящий котелок картошку, лучок, морковку, всё измельчённое. Также, разумеется, соль, лаврушку и укроп. Когда это всё прокипело, настала очередь носарей. Перед этим мы их выпотрошили, вынули жабры и икру. Промыли рыбок очень нежно и осторожно, чтобы максимально сохранить слизь, покрывающую чешую. Это главный технологический момент в ухе из ершей. Именно слизь придаёт ей главное вкусовое достоинство и отличие. Естественно, что чешуя с ершей не снимается. А для того, чтобы она не расплылась по ухе, рыбок варят, завернув в марлю. Именно так я всё и проделал. Икру просто бросил в котелок, а тушки носарей завязал в марлю и осторожно опустил в кипящий бульон. Через 15 минут уха поспела. Конечно, она была не тройная и без стерлядки, как у Петра I, но когда мы её вкусили, то сразу поняли тех чудаков, что когда-то бросали всё и ехали в Урюпинск, дабы отведать это бирючковое чудо!

РЫБЁШКИ КОРОЛЕЙ

Когда я учился в третьем классе в Костроме, то у нас преподавали предмет под названием «Родная речь». В учебнике «Родная речь» был небольшой рассказ от лица деревенского мальчика, который постоянно ходил на местную речушку, чтобы половить пескарей. Но у него это не получалось. Зато, когда рядом с ним вставал его дедушка, то он всегда ловил этих пескарей помногу и хороших размеров. Да ещё весело приговаривал, что нет вкуснее рыбки, чем жареный пескарь. В конце концов дед рассказал мальчику свой секрет. Оказалось, что при ловле надо стоять у прибрежных кустов так,

чтоб их тень скрывала твою собственную на воде, тогда рыбки клюют безбоязненно.

Летом после третьего класса я впервые поехал в пионерский лагерь, который располагался у села Семёново на берегу быстрой и чистой лесной речушки Сендеги. Там и увидел, как буквально по «инструкции» из «Родной речи» какой-то семиклассник встал с удочкой у прибрежного куста и начал одного за другим вытаскивать неплохих пескариков. Так впервые я увидел их вживую.

Когда же я учился в 9–10 классах, то мы жили в г. Волжском Волгоградской области, где я с друзьями рыбачил на Ахтубе. Иногда попадались мелкие пескари, самые ценные живцы, так как были очень выносливы.

Однажды в какой-то книге я вычитал, что со средних веков во Франции, Бельгии, Голландии и т.д. пескарей всегда очень ценили и в жареном виде подавали к королевским столам на самых торжественных приёмах, а уха из пескарей считалась целебной, и её варили раненым рыцарям для подкрепления сил. Дело в том, что до начала промышленной революции в Европе, то есть до середины 19-го века, чистые и незагрязнённые европейские реки просто кишели лососями, осетрами и прочей крупной рыбой. Лососина вообще не считалась чем-то особенным, поэтому, например, голландцы гораздо больше ценили морскую селёдку. А вот пескари никогда не были столь многочисленны, чтобы стать промысловой рыбой, к тому же они мелки. Чтобы наловить их хотя бы на сковородку, следует изрядно потрудиться. Зато мясо пескаришек – нежнейшее и на вкус очень даже приятно.

В конце концов гастрономическое любопытство так меня одолело, что решил я целенаправленно порыбачить именно пескаря, дабы отведать его лично. В этом деле мне решающим образом помог ихтиолог Волгоградского НИИ озёрного и речного рыболовства Василий Болдырев. Мы долго планировали нашу экспедицию и наконец 6 октября этого года выехали на место ловли. Выехали мы вчетвером: я, мой школьный друг со своим старшим сыном, заядлым рыболовом, и Василий. Ехали на внедорожнике, который вёл сын моего друга.

Место, куда мы приехали, оказалось весьма живописно. Между меловыми горками на одном берегу и лесом на другом извивалась река Иловля, приток Дона. Во время весенних разливов Иловля наполняется и служит местом нереста всех донских рыб, в том числе таких ценных, как шемая, рыбец, сом. Потом мальки подрастают и скатываются непосредственно в Дон. А вот осенью в Иловле маловодье, и она представляет собой причудливую цепь заводей разной площади и глубины, между которыми расположены узкие и мелкие перекаты с прозрачной быстрой водой. Ширина этих перекатиков от полутора до двух метров, а глубина максимум по колено.

Когда мы приехали, то поставили машину на поляне перед широкой и глубокой заводью с почти стоячей водой. Наш водитель тут же начал раскладывать на берегу четыре свои удочки; две поплавочные и два фидера. Потом стал забрасывать в воду прикормки. А меня с моим школьным другом ихтиолог Василий обул в резиновые бахилы и отвёл к ближайшему перекату, где вручил нам бредень-волокушу и велел таскать её с края заводи через перекат, показав на нём стайку пескарей. Мы принялись за работу, и... ничего не получалось! Проклятый бредень проволокли чуть не десять раз, на краю заводи он всегда загребал целый стог водорослей, затем мутил весь перекат, после чего мы его разбирали на берегу. Среди водорослей прыгали мальки голавля, плотвы, ельца, ползали мелкие раки, скакали лягушата. Пару раз попадались сомики по 10 см длиной, и –

ни одного пескаря! Когда мы уже совсем отчаялись, к нам вернулся Василий. И дело пошло! Осмотрев ситуацию опытным глазом, он велел подмотать волокушу, чтоб сделалась короче в два раза, показал, как правильно её держать и бродить. Через три захода у нас в ведре плескалось почти три десятка пескарей, вполне годных на жарёху. В качестве прилова попались округлый елец длиной с ладонь и бычок-кругляк. Надо сказать, что ихтиолог Василий – сильный специалист по этому виду бычка. Его даже посылали в командировку в США, когда лаборатория штата Огайо, контролирующая фауну Великих озёр, обнаружила вдруг, что этот бычок в них завёлся и сильно потеснил местных эндемичных бычков. Василий был в восхищении от оборудования и препаратов, которыми располагала та лаборатория. Благодаря им удалось быстро и точно выяснить, что кругляк в озёра приплыл с балластными водами, пришедшими на судах из устья Буга, который тоже впадает в Чёрное море. Бычок-кругляк – это тот самый черноморский бычок, который мы едим в томате в консервах. Он способен жить как в морской, так и в пресной воде. Поэтому населяет не только Азовское и Чёрное моря, но также Дон, Днепр, Буг, Днестр и Дунай. Только в море он многочисленней и крупнее, чем в реках.

Закончив ловить пескаря, мы вернулись на поляну к машине. А там ликовал наш водитель-рыболов. Пока мы парились с волокушей, он поймал двух крупных речных карасей и голавля граммов на 350. Мы все, за исключением Василия, голавля до этого видели только по телевизору, так что тоже возликовали и устроили с ним фотосессию. После чего началась кулинария.

«ЗМЕЕКАРПЫ» В ПИВЕ...

Те, кто прочитал хотя бы несколько моих рассказов на рыболовную тему, вполне могли обратить внимание, что я часто упоминаю речушку моего детства – Сендегу в Костромской области. Все мы родом из детства, поэтому и сейчас я начну с неё. Эта быстрая и чистая лесная речка протекает у села Семёнково, напротив которого через мосток находился пионерский лагерь, где я проводил по месяцу каждое лето до пятого класса. В речке было полно верхоплавки и пескарей, которые легко ловились на удочку, на радость нам, детворе. А вот более серьёзных рыбёшек выловить было нелегко, этим занимались ребята из старших отрядов. Раз в неделю среди них даже устраивали соревнования рыболовов, победители получали пирог с повидлом, а из улова варилась уха для рыбаков. На Сендеге недалеко от лагеря стояла небольшая деревянная плотина, которая целую неделю накапливала перед собой воду, спуская ниже себя самый минимум. Зачем это делалось, не знаю... Но каждую субботу плотина вечером полностью сбрасывала накопленное. Сендега на несколько часов делалась бурной, мутной и выходила из привычных берегов. Вот в эти часы и становились рыболовы-старшеклассники на свои соревнования, потому что в этом потоке начинали массово ловиться окуни и крупные плотвицы, из которых потом варили уху. Позади рыболовов стоял крутой травянистый бережок, на нём рассаживались зрители наподобие амфи-театра. Я был там зрителем постоянным. И вот однажды сразу несколько рыболовов криками позвали к себе судей-вожатых, а за ними побежали и самые любопытные, я в том числе... В руках и на крючках троих ребят извивались светлые змейки в палец толщиной и длиной от 7 до 10 см. Парни недоумевали, мол, попались вьюны, а зачтутся они им или как? Судьи заявили, что вьюны идут в зачёт. Но когда рыбаки захотели их бросить в кастрю-

лю к остальной рыбе, то вожатые этого не позволили, сказав, что вьюны несъедобны(!). Это запало в мою память на долгие годы.

Много позже я узнал, что жители Астраханской и Волгоградской областей перед войной и лет десять после неё, когда им в сети попадались осетры, выбрасывали их икру как несъедобную, ибо похожа на лягушачью. До сих пор на той же Волге и Дону жители дальних хуторов не едят суперделикатесных миног, если поймают. Правда, приноровились продавать их перекупщикам, когда те поблизости.

Одним из королей рыбной гастрономии, наряду с осетром и сёмгой, во всём мире почитается речной угорь. Этот неутомимый бродяга и исследователь нерестится в Саргассовом море Атлантического океана, затем нагуливается во всех пресноводных водоёмах бассейна этого океана, куда только сможет доплыть или даже доползти по мокрой траве на суше, чтобы потом вернуться в Саргассово море, отнереститься и погибнуть. Небольшие угри всегда из водоёмов Прибалтики проникали в реки и озёра под Тверью, скатывались там и в Волгу, однако дальше не шли, возвращаясь назад, повзрослев. Но в 1935 году заработал Волго-Балтийский канал, образовав для балтийской водной фауны свободный и удобный проход. А Волга тогда была без всяких плотин.

И вот перед войной и сразу после неё в сети прикаспийских рыбаков стали попадать толстые «змеи» метровой величины, которые лихо ползали по земле, не давались в руки и, сколько ни рань, продолжали шевелиться, пока не перерубишь пополам. Переполох угри вызывали изрядный, но никому даже в голову не приходило, что их можно и надо есть. Так продолжалось до появления волжских плотин, из-за них балтийских угрей в низовьях реки не стало. Но тут заработал Волго-Донской канал, и по нему в низовья Волги пришли угри Азово-Черноморской популяции, эти уже дошли до Каспия и теперь редко, но регулярно бывают в сетях местных рыбаков. Они перестали быть диковиной, а стали желанной добычей как для собственного стола, так и на продажу.

Влюбившись в рыбалку, я зачитывался Сабанеевым и другими источниками, где описывались способы ловли, повадки и гастрономические свойства рыб. Это чтение развеяло все мои прежние предрассудки и разожгло гастрономическое любопытство, которое подтолкнуло меня искать для ловли определённые породы рыб, чтобы сделать и попробовать из них определённые блюда... В частности, я охотился на налимов, чтобы приготовить их печень, а тушки закоптить горячим способом, очень долго искал ершей-носарей из Дона, чтобы сварить уху, и пескарей, чтобы пожарить. Всё это мне удалось. И только с вьюном как-то не получалось. Более всего вьюны встречаются в болотно-озёрных водоёмах в лесах русской Средней полосы, в белорусском Полесье и плавнях Днепра. Там они обильны и крупны, дорастают до 30 см. Если вьюн живёт в речке с нестоячей водой, то он мельче, не более 10 см, светлее по окрасу и зовётся щиповкой. В Сендеге как раз и были щиповки. Вьюн не любит жаркого юга и морозного севера, поэтому почти не виден в низовьях Волги, и чрезвычайно редок в той же Франции, почему и ценится там очень высоко.

В общем, решив добыть себе вьюнов, я очень долго и безуспешно пытался отыскать их в нашей Волгоградской области: расспрашивал тех, кому они случайно попадались, ездил в разные места, которые мне указывали... Но не случилось!

И тогда в который уже раз я обратился за содействием к ихтиологу Волгоградского НИИ озёрного и речного хозяйства Василию Болдыреву.

Уже через месяц после моей просьбы он пригласил меня в свой НИИ, где продемонстрировал пару великолепных живых вьюнов, добытых в каких-то заповедно-потайных озерах Волго-Ахтубинской поймы. Рыбки были более 20 см каждая, благодаря своей выносливости и приспособляемости прекрасно жили в аквариумах института, да ещё принялись интенсивно расти, поскольку регулярно, обильно и без усилий получали себе научно подобранный корм.

Ещё мне сказали, что вьюны и вьюновые у нас есть везде, но редко и рассеянно, никогда не встречаются кучами, как в озерах и болотцах Средней полосы, ибо у нас нет таких подходящих водоёмов, а вот естественных врагов для вьюнов в наших местах очень много. Я наделал фотографий с тем, что мне продемонстрировали, и хотя не получил главного, к чему стремился, то есть возможности приготовить себе на пробу этих «змеекарпов», предварительно обработав их уксусом, или пивом, или вином...

Но ничего, осталась, стало быть, нереализованная мечта, есть к чему стремиться...

Ольга
КОСМАКОВА

ПО ЭТУ СТОРОНУ ОКНА

Толпились корабли на книжной полке.
Дремал огонь в давно погасшей лампе.
И снов узорных строились ансамбли,
Разбавив сказкой серых дней осколки.

А за окном, отбросив покрывало,
Плескалось утро. Меж пятиэтажек
Мелькали пятна платьев и рубашек.
И солнце их в макушки целовало.

Ждала весны и грезила о чуде,
Мечтами мерила февраль, мороз и стужу.
И знала наперёд: конечно, будет
И солнце, и капель, и небо в лужах.

И флот бумажный сплавим вниз ручьями.
И птиц дождёмся на своём балконе.
И липы цвет в стакане вместо чая
Пристроим на прогретый подоконник.

Весну ждала. Считала дни и ночи.
Там свет и жизнь, там ты и я вдвоём.
Она пришла, как будто между прочим...
Я не заметила её.

-
- Ольга Сергеевна Космакова родилась в 1988 году в Саратове. Публиковалась в альманахе студии «Голоса поколений» (г. Саратов, 2021–2022) и в сборнике стихов «Первый Поэтический» (г. Москва, издательство «СТИХИ», 2022). Стихи вошли в лонг-лист международной молодёжной премии «Восхождение», лонг-лист V международного конкурса поэзии имени Салиха Гуртуева «Есть родина, а значит, счастье есть». Участник Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» (г. Оренбург, 2023), финалист VIII литературного семинара молодых авторов имени В. Белова (г. Вологда, 2023), лауреат открытого молодёжного литературного конкурса им. Г. Коновалова (г. Саратов, 2022). В 2024 году стихи вошли в длинный список премии «Лицей».

Сверим часы? На моих июль.
Город асфальтом пахнет.
В нашем окне тот же патруль:
Тополь стоит на вахте.

Так же дрожит старый трамвай,
Тех же мчит пассажиров...
Знаешь, я не любила чай
Пить в тишине квартиры.

Кутала мысли от листьев в тюль,
Не допускала осечек.
Сверим часы? На моих июль,
А у Вселенной – вечер.

Стекланный город спит тревожным сном,
И в каждой из палат идёт по венам,
Бежит и стелется безликим полотном
Желанье жить, не подпирая стены.

Многоголоса ночь, больница лишь тиха.
Часы спешат тенями в коридорах.
Под утро сны, крылами замахав,
Вспорхнут с ресниц и спрячутся за шторой.

Трёхцветные кошки приносят здоровье –
Так бабушка мне говорила когда-то.
И если сжимаются стены палаты,
Я сыну шепчу, наклонясь к изголовью:
«Трёхцветные кошки приносят здоровье.

Они наступают мохнатою лапой
На строгие ёлки паркетного пола,
Их когти страшнее любого укола,
Всю ночь под кроваткою тихою сапой
Бабаек гоняют. Да лапой им! Лапой!

Они засыпают на наших подушках,
Мурлыча и кутая светом янтарным.
И сон охраняют. На всякий пожарный
Клубочком пушистым прижмутся к макушкам.
Они засыпают на наших подушках».

И если становится тесной палата,
Я сыну шепчу и себе понарошку
Про самую лучшую пёструю Кошку,
Что дома нас ждёт – и лапой мохнатой
Разводит и страхи, и стены палаты.

По эту сторону окна жизнь тоже есть.
Бежит страницами, течёт водой из крана.
Гремит кастрюлями. Кричит с телеэкрана.
Скрипит пружинами просевшего дивана.
Вопит будильником... Всего не перечесть.

По эту сторону окна я не ропщу,
С утра воде шепчу дурные сновиденья.
Варю супы. Даю насупленным варенья.
Меж строк и звуков требую уединенья.
Распутываю дел клубок. И дверь ищу.

**Татьяна
ЛАНИНА**

ЗА ПОЛЧАСА ДО ЛАСКОВОЙ ВЕСНЫ...

ПО ДОРОГЕ ОСЕНИ

В дороге за окном мелькают
берёз причудливые вязи.
И в ходе мыслей возникают
причинно-следственные связи:
людей, событий, жизни хода,
случайных радости приветов.
Вот так порой сама природа
даёт на многое ответы.
А ум пылливый всё читает
осеннего посланья строки.
Машина ветер рассекает
в холодный вечер одинокий.
Дома сереют сиротливо,
по осени пустеют дачи.

-
- Татьяна Геннадьевна Ланина родилась в 1993 году в Воронежской области. Окончила Воронежский государственный университет по специальности «Юриспруденция». Работает преподавателем юридических дисциплин. В феврале 2016 года стала победителем I тура конкурсного отбора Стипендиальной программы В. Потанина, за что была награждена Благодарностью от ВГУ. Дипломант I степени регионального поэтического фестиваля-конкурса «Салют, Победа!», посвящённого Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (2021 год). Дипломант I степени Всероссийского открытого поэтического онлайн-конкурса «Рифмы» (2023 год).

Их увядание красиво,
и это тоже что-то значит.
Октябрь листья рассыпает,
они ложатся мягким слоем.
И для чего, никто не знает,
я говорю сама с собою.

НАБРОСОК ОСЕНИ

Ветром холодным в спину,
И акварелью тоски
Кто-то напишет картину
Осени с лёгкой руки.

Солнце играет с прохладой,
Листья тревожно дрожат.
Августу больше не надо
Лето изображать.

Раньше теперь темнеет,
Птицы робея поют,
Яблоки, груши доспеют
И со всех ног упадут.

Кто-то продолжит набросок,
В помощь ему – карандаш.
Осень. Прекрасная осень,
Праведной грусти пейзаж.

Я ВЕРЮ

Я верю в этот час и миг,
Я верю в светлое признание,
Я верю, что душевный крик
Услышан будет и в молчании!

О, как же важно просто знать,
Что есть на свете тот, кто слышит.
Ему не нужно объяснять,
Он той же самой жизнью дышит.

Я верю в то, что есть звезда
И промысел о нас, о каждом.
Я верю в то, что от труда
Душа наполнится однажды.

Я верю в честность, в доброту
И в терпеливое участие.
И пусть порой невоготу,
Но в этом тоже сущность счастья!

Я верю в дружбу и любовь,
Не на словах в прямом эфире,
А в ту, что с болью вновь и вновь
Меня спасает в этом мире.

Я верю в искренность речей
Своих и ближних по маршруту:
Учеников, учителей
И всех, кто дорог почему-то.

И не хочу грустить, страдать
И хлопать перед кем-то дверью.
Так хочется весь мир обнять
И всем сказать, что я им верю!

КОСТЁР

До сих пор мне запах от костра
Дарит острое воспоминанье детства.
Чёткая картина, как вчера.
Только у костра нельзя согреться.

Собираем в кучу мы листву
И с разбегу прыгаем на «горы».
Устремляясь в неба синеву,
Школьные ведутся разговоры.

Искорки летят, трещит, хрустит...
Жизнь кипит, костёр горит сильнее.
Детство милое в ушах моих звенит,
От него сегодня мне теплее.

ВЗАПРАВДУ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИВИ

Туманное, серое, пьяное
Всё небо сегодня весь день,
А чувство души чемоданное
Меня обращает в свой плен.

Душистыми нотками чайными
Зовёт деревень теплота,
Путями совсем не случайными
Нас манит, как прежде, сюда.

Смотри на окно чуть блестящее
И капли на стёклах лови.
Сейчас всё вокруг настоящее.
Взаправду всю жизнь проживи.

ТЫ СИЛЬНАЯ

Душа ничего и не хочет,
Затворная стала, ссыльная.
Читай, говорят, между строчек:
Ты сильная.

Вдохнуть бы жизни глоточек,
Не робот я, не двужильная.
Читай, говорят, между строчек:
Ты сильная.

А замкнутый круг порочен.
И безысходность могильная...
Читай же, читай между строчек:
Ты сильная.

Внутри стал родным холодочек,
Как камера морозильная.
Но эхом летит между строчек:
Ты сильная.

Дорога моя вся из кочек,
Бескрайняя, серая, пыльная.
А где-то в тиши между строчек:
Ты сильная.

Попутный не мой ветерочек,
Удача как опера мыльная.
В контексте ловлю между строчек:
Ты сильная.

Прошепчет с плеча ангелочек:
«Лишь в боли душа стерильная».
Читай, говорит, между строчек:
Ты выдержишь! Ты сильная!

ИДУ

Вот я снова иду тополями...
Эта осень напомнила мне
Леденящими душу дождями
О далёкой и близкой весне.

Пусть восторг этой терпкой печали
Растворится, как в детстве, в саду.
Всё равно это только начало!
Всё равно не сдаюсь, а иду!

Есть в затишье своё упоенье.
И по слякоти, точно в бреду,
Потеряв равновесье в забвенье,
Поднимаюсь и снова иду!

За полчаса до ласковой весны,
до летнего мгновения
не снятся розовые сны,
они – обыкновенные.

За час до ливневой стены
дожди не ожидаются,
там до грозы как до луны,
но скоро всё меняется!

За жизнь до вечности святой
нет страха опоздания,
увлечены сами собой
по своему незнанию.

За шаг до встречи роковой,
за миг до невозвратного
объяты снегом, суетой
и массой непонятного.

За взгляд небесной синевы,
за мысль от судьбоносного
не ждём мы искренней любви,
несносные, несносные.

**Андрей
РУМЯНЦЕВ**

«ПРАВДА БЕЗУСЛОВНАЯ И ЧЕСТНАЯ...»

**К 120-летию со дня кончины А. П. Чехова
(15 июля 1904 г.)**

О «театре Чехова» всегда думаешь с душевной теплотой, как о согревающей, волнующей и ободряющей песне. Отчего это чувство? Может быть, оттого, что многие герои чеховских пьес воспринимаются как духовные братья и сёстры самого писателя. Каждый раз за их словами и поступками, восторгами и жалобами встаёт сам автор – всё понимающий, тонкий и добрый человек. И потому невозможно говорить о его драмах и комедиях, не сказав ничего о нём самом, о писателе, стоящем чуть ли не особняком в ряду корифеев русской литературы, суровых и нежных, жизнерадостных и сумрачных, серьёзных и насмешливых.

При имени Чехова возникает образ такой особенный, что о нём не скажешь односложно, так он богат оттенками, обаятелен привычными и неожиданными качествами, самобытен чертами, чуть ли не противоположными в своей привлекательности. А разве не таковы же любимые герои его пьес?

Лучше других запечатлел Антона Павловича в нескольких скупых строках юрист и литератор Анатолий Кони: «...Образ его стоит как живой – с грустным, задумчивым, точно устремлён-

-
- Андрей Григорьевич Румянцев – поэт, журналист, переводчик, заслуженный работник культуры Бурятии. Народный поэт Бурятии, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор более тридцати книг. Публиковался во Франции, Болгарии, Эстонии, Китае, Канаде, Монголии, Казахстане. За плодотворную творческую деятельность удостоен многих литературных премий: Комитета по культуре Иркутской области (1996), Губернаторской премии Иркутской области (2004), Международной премии им. С. А. Есенина (2017), премий журналов «Наш современник» (2010, 2013) и «Сибирь» (2005). Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. А. Твардовского «За далью – даль» (2015) и Международного фестиваля «Золотой Витязь» (2016, 2018). Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Заслуженный работник культуры России. Живёт в Москве.

ным внутрь себя взглядом, с внимательным и мягким отношением к собеседнику и с внешне спокойным словом, за которым чувствуется биение горячего и отзвучивающего на людские скорби сердца».

Талант Чехова вошёл в силу, когда Россия переживала особенные годы. Страна показывала свои экономические успехи на промышленных выставках за рубежом и у себя дома – и содрогалась от выстрелов народовольцев. Она поражала умы изобретениями и открытиями, прокладывала великий железнодорожный путь к Тихому океану – и вымирала от страшного голода, постоянных эпидемий. Она создавала литературу мирового значения – и была почти неграмотной.

Судя по неутомимому участию Антона Павловича в благотворительных и общественных делах, по его мужественной поездке на Сахалин, он был человеком, горячо откликавшимся на нужды соотечественников. Писателя терзали жестокость власти, сгноившей, по его словам, тысячи людей в сибирских острогах, бедность больниц и школ, тупость и мздоимство чиновников. Но читаешь его письма и ловишь себя на мысли о том, что он намеренно, словно в пику другим, умалчивает об общественном недовольстве и даёт неверные прогнозы на будущее страны.

Лев Толстой пишет в конце века: «...Мы уже тридцать лет живём с революцией». А Чехов в те же годы сообщает А. Плещееву по поводу задуманного продолжения своей повести «Степь» и, в частности, дальнейшей судьбы одного из её героев: «Вы пишете, что Вам понравился Дымов как материал... Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямёхонько для революции... Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сопьётся или попадёт в острог. Это лишний человек».

Что касается революции, то Чехов ошибся, но не потому, конечно, что не видел сгущавшихся туч. Он не хотел потрясений как великого несчастья для родины, не хотел политических, «умственных» поветрий, как консервативных, так и либеральных, тем более взрывных, мятежных. А когда не хочешь чего-то, то стараешься убедить себя, что этого не будет.

Он верил не в революцию. «Я верю в отдельных людей, – утверждал он, – я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, – интеллигенты они или мужики; в них сила, хоть их и мало». И героиня его пьесы признавалась: «Придёт время, все узнают, зачем всё это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придёт зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...»

Без таких признаний нельзя понять Чехова-художника. Писать ради какой-то общественной идеи, держать в уме куцую партийную мысль было для него неприемлемо. С всегдашней иронией он писал:

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником – и только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским*. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутуз-

* О. Нотович – драматург, журналист, Г. Градовский – публицист.

ках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодёжи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к учёным, ни к писателям, ни к молодёжи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Моё святое святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Его письма полны таких размышлений. Они меняют представление о Чехове, который будто бы редко думал о подлинных целях искусства. Думал – и имел об этом собственное мнение:

«В разговорах с пишущей братией я всегда настаиваю на том, что не дело художника решать узко специальные вопросы. Дурно, если художник берётся за то, чего не понимает. Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях... Художник же должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста, – это я повторяю и на этом всегда настаиваю».

И ещё:

«Художник должен быть не судьёй своих персонажей и того, о чём говорят они, а только беспристрастным свидетелем... Моё дело только в том, чтобы быть талантливым, т.е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком...»

Пишущим людям... пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберёшь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она всё знает и всё понимает; и чем она глупее, тем, кажется, шире её кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперёд». «Всё знают и всё понимают только дураки и шарлатаны», – подводил итог писатель.

Чехова не отнесёшь к любителям общих рассуждений на литературные темы. У него глубокие, выношенные личные взгляды на творчество, и он делится ими с близкими людьми. Он всегда выражается о писательской работе – как бы это сказать? – интимно, душевно, так, как любой мастер скажет о любимом деле. У таких людей сами собой найдутся слова и о сути ремесла, и об особенностях родного дела. Когда удаётся узнать чеховское мнение о литературном труде, напрягается слух, замирает душа: эти думы родились в тишине, в каком-то тайном чистилище, где обитает стыдливая правда. Антон Павлович беседует в письме с Алексеем Сувориным, литератором и издателем газеты «Новое время»:

«Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие – крепостное право, освобождение родины, политика, расота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдалённые – Бог, загробная жизнь, счастье человечества и т.п. Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете ещё ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше – ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдалённых целей,

и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, Бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет – дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского. Не знаю, что будет с нами через 10–20 лет, тогда, быть может, изменятся обстоятельства, но пока было бы опрометчиво ожидать от нас чего-нибудь действительно путного, независимо от того, талантливы мы или нет. Пишем мы машинально, только подчиняясь тому давно заведённому порядку, по которому одни служат, другие торгуют, третьи пишут...»

Посмотрите под этим углом зрения на пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишнёвый сад». Автор этих великих драматических произведений тоже зовёт читателя: куда – вы поймёте, внимательно прочитав их; у него тоже есть высшие духовные и нравственные цели, которые так ясно выражены на страницах пьес. Чехов наговорил на себя, когда признался, что он ничего не боится, даже смерти и слепоты. Смерти он мог не бояться, слепоты, при зрячем сердце – тем более. Главное же из того, о чём сказал писатель, он усвоил с первых своих литературных шагов: «Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником».

Чехов всегда непосредственно, даже восторженно отзывался обо всём талантливым в искусстве. Этот сдержанный, ироничный человек менялся, когда видел на сцене или читал необычное произведение. «Вчера Ленский* прислал мне билет в ученический спектакль, – рассказывал он однажды. – Его ученики играли в Малом театре «Пучину»**. Пьеса удивительная. Последний акт – это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал. Этот акт – целая пьеса и, когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт».

Не сдерживая чувств, восторгался он Тургеневым: «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это чёрт знает как сделано. Просто гениально!». А в другой раз признавался: «Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир». Читаешь с таким любопытством, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо».

Он обострённо чувствовал красоту в искусстве. Но так же обострённо Чехов воспринимал красоту и изнанку жизни. Он любил размышлять о России, о её судьбе, и разговоры с близкими людьми, и письма его полны проникновенных, несуетных, печальных слов на эту тему:

«Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чём выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идёт дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а всё остальное к чёрту. Главное – надо быть справедливым, а остальное всё приложится».

* А. Ленский – актёр, режиссёр и театральный педагог.

** Пьеса А. Островского.

Вот вам и «аполитичный» Чехов, не любивший партий, нигилистов, обывателей. Он не любил пустых разговоров обо всём этом, демагогии, дежурных речей, но он остро переживал апатию людей и считал, что писатель должен быть человеком общественным. Повидав мир, много пережив и переживая, он убеждённо говорил: «...Если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырёх стенах, без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь, а какой-то [...] и больше ничего».

Сколько критиков считало, что Чехов пишет о безвольных, сумеречных людях из-за своего неверия, тоски, меланхолии, а не потому, что напряжённо и тяжело размышляет о русской жизни, стремясь докопаться до её поражённых, хилых корней. Да и о долге отечественного писателя как знатока этой жизни и, возможно, одного из её целителей Чехов имел собственное и глубокое суждение. «Вся энергия художника, – определил он для себя, – должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны... страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой как степь деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полётом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжёлой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. Русская жизнь бьёт русского человека так, что мокрого места не остаётся, бьёт на манер тысячепудового камня...» Это письмо помечено февралём 1888 года. А чуть раньше Чехов создал пьесу «Иванов», главный герой которой кончает жизнь самоубийством.

Это была первая «большая» пьеса Чехова. До неё он лишь пробовал свои силы в драматургии, написав несколько этюдов и сцен. О героях своей драмы Антон Павлович рассказывал многократно, то ли потому, что ему хотелось быть ясней понятым, то ли потому, что душа художника желала отклика людей знающих и близких. Стоит привести хотя бы некоторые строки, чтобы сверить свои представления о персонажах пьесы с авторскими. Попутно заметим, что слова писателя интересны живой непосредственностью, полным отсутствием того тумана и той значительности, которыми иные авторы окутывают своих героев, когда говорят о них в литературных беседах. Чехов представляет героев пьесы, как если бы он представлял соседей по дому или знакомых: у них есть симпатичные черты, но есть и недостатки, как у большинства людей:

«Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян... С годами к Иванову приходят физическое утомление, скука, чувство вины. Такие люди теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распушенным вервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд «надломленных» и «непонятых».

Доктор Львов – тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: «Он глуп, но в нём есть честное чувство». Всё, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворённый шаблон, ходячая тенденция.

Саша – девица новейшей формации. Она образованна, умна, честна и проч. Это женщина, которая любит мужчин в период их падения... И что ж? Бьётся Саша с Ивановым целый год, а он всё не воскресает и падает всё ниже и ниже...

Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость – чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомлённых».

Вглядимся попристальней в главного героя пьесы. Его образ был наметчен ещё в рассказе Чехова «На пути», опубликованном годом раньше. Там Григорий Лихарев, человек выдохшийся, надорвавшийся в жизни, исповедует молодую барышню в придорожном трактире метельной ночью. Не было в судьбе Лихарева ни одного спокойного часа. Он разбойничал, пытался убежать в Америку, ходил в народ, служил на фабриках, собирал образцы устного творчества, занимался наукой, словом, «увлекался идеями, людьми, событиями, местами... увлекался без перерыва!» И – лишился сил, интереса к жизни.

Эта человеческая драма развёртывается и в «Иванове». Хозяин имения Николай Иванов оказался в том же положении, что и Лихарев. «Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... – вспоминает он. – Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стену; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходовать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал, не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которою я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомлённый, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень слоняюсь я среди людей и не знаю, кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь – вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомлённый, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сторает со стыда, издевается над своей слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство!».

Представьте себе такого человека среди людей, которые ищут причины неустройства русской жизни. Почему при огромных возможностях державы мы нищи, духовно неопрятны, придавлены, мрачны? Этот вопрос можно задать тем, в чьих руках власть и богатства страны. Но этот вопрос можно задать и себе. Его можно связать с неравенством классов и слоёв общества, но ответ на него можно искать и внутри духовного бытия, в недрах нашего, по-современному говоря, менталитета.

Разумеется, это размышления современного человека. Но как цветуща и животворна классика, если над её страницами мы предаёмся таким размышлениям! Свершились революции, прокатились войны, а мы снова и снова затаив дыхание выслушиваем исповедь чеховского Иванова, с такими надеждами начавшего жизнь и так нелепо, трагически закончившего её. Значит,

есть в этой судьбе какая-то таинственная правда, какой-то вещий урок, какое-то мудрое поучение!

Батарейный командир Вершинин из пьесы «Три сестры» говорил: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?» Оставим в стороне прозвучавший вопрос – на него каждый должен найти свой ответ. Что же касается возвышенного образа мыслей, то герои чеховских пьес часто подтверждали это. Жизнь вокруг огорчала, а они верили, что когда-нибудь на родную землю сойдут благоденствие и счастье. Кто только в драмах и комедиях Антона Павловича не мечтал о счастье, да не о собственном лишь, но и о счастье всех живущих на Руси! Тот же Вершинин, который вроде бы должен быть по-военному сухим, практичным, даже предлагает своему подчинённому поручику Тузенбаху: «Давайте помечтаем... например, о той жизни, которая будет после нас, лет через двести-триста».

Сам он убеждён:

«Мне кажется, всё на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести-триста, наконец, тысячу лет – дело не в сроке – настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для неё живём теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим её – и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье».

Это, видимо, в характере русского человека – настраивать себя на то, что ты живёшь, страдаешь, работаешь для счастья будущих поколений. Подполковник Вершинин доводит свою мысль до конца: «...счастья нет, не должно быть и не будет для нас... Мы должны только работать и работать, а счастье – это удел наших далёких потомков».

И другие герои «Трёх сестёр» говорят об этом искренне, с верой в свои слова.

У Чехова такие персонажи, о которых не скажешь: домашние философы, провинциальные умники. У него каждый герой своеобычен, и в каждой пьесе есть персонажи, имеющие особый духовный опыт. Как правило, они осуждают не жизнь, а людей, иногда и себя в жизни, любят её, верят ей и очень надеются, что каждый из соотечественников не будет опошлять её, делать её грязной, невыносимой и ненужной.

Андрей Прозоров, брат «трёх сестёр», в начале пьесы – молодой человек, мечтающий о науке, о кафедре в Московском университете, влюблённый в провинциальную девушку Наташу, в конце драмы доволен местом члена земской управы в захолустном городе, знает об измене своей жены Натальи и, кажется, всё прощает обманувшей его жизни. История нередкая, и нажитый опыт героя горек – но правда, с которой поведана эта история и открыт этот опыт, уже сама по себе не забудется любой узнавшей её душой. Ведь это же не только с собою, но и с кем-то ещё беседует прозревший наконец человек (не зря и фамилия у него со смыслом): «Город наш существует уже двести лет, в нём сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного учёного, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему. Только едят, пьют, спят, потом умирают... Родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жёны обманывают мужей, а мужья лгут,

делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетёт детей, и искра Божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери...»

Андрей тоже, как многие чеховские герои, считает свою неудачную жизнь неким залогом счастья для других поколений – и этому веришь, потому что не могут же добрые молодые порывы каждого человека уйти в песок, должны же чьи-то молодые ум, талант, жажда работать оправдать себя, принести достойные плоды! Искренние, возбуждённые слова неудачника Прозорова, как ни странно, если не убеждают, то всё же ложатся на душу бальзамом – ведь и мы с вами достигли не всего, о чём мечтали: «Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становятся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...»

Разумеется, такие суждения – не оправдание тем из нас, кто бесплодно мечтал и не сделал ничего, чтобы осуществить задуманное в начале жизни. Нет и нет. Но эти слова роднят большинство людей, живущих обыденно, не на виду, с чистыми и душевными героями Чехова, которые не лгут ни людям, ни себе, а оценивают свою скромную судьбу трезво. И как дорога будет им поддержка автора!

Чехов – один из тех писателей, кто в обыденной жизни предугадывал красоту и поэзию. Его герои могли мрачно смотреть на жизнь, но сам автор не проповедовал неверия в духовную силу человека. Наоборот, он всегда убеждал читателя: стоит жить, мучиться, страдать, потому что всё это оплачивается улыбкой ребёнка, блеском солнечного утра, цветком на обочине поля, приветным поклоном встречной крестьянки. Да разве не слышим мы голоса Ольги, средней из трёх сестёр, так и не выбравшихся из скучного города в благословенную Москву, – страстной речи после того, как старшая рассталась с любимым человеком, а младшая потеряла жениха: «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдёт время, и мы уйдём навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живёт теперь. О, милые сёстры, жизнь наша ещё не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, ещё немного, и мы узнаем, зачем мы живём, зачем страдаем...»

Хочется верить, что это голос самого автора, так согласно звучат слова Ольги с тем, что мы уже читали в письмах Чехова.

Чехов не позволял себе писать героев одной краской: этот лжец, а тот правдолюбец, этот жаден, а тот щедр. «Мой герой, – обронил он как-то в письме к А. Плещееву, – лжёт в суде, он тяжёл и безнадежен, но он милый и мягкий человек. Другая героиня тоже лжёт, но эта неправда причиняет ей боль». Чехов не судит своего героя, он рисует его таким, каков человек в жизни, а судьбы этому человеку – Бог и сама жизнь. Ещё в молодые годы Антон Павлович сказал по поводу рецензии Д. Мережковского* на его

* Д. Мережковский – прозаик и литературный критик.

книгу рассказов: «Меня величает он поэтом, мои рассказы – новеллами, моих героев – неудачниками, значит, дует в рутину*. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-то новое. Мережковский моего монаха**, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай Бог всякому так пожить: и в Бога верил, и сыт был, и сочинять уметь... Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник вы или нет? А я? А Наполеон? Где тут критерий? Надо быть Богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...»

Думаю, Чехова любят за сердечное внимание к человеку обыкновенному, неброскому, не выделяющемуся большими талантами. Главный дар, по Чехову, это дар человеческий: умение оставаться всегда, в любом положении деликатным, благородным, отзывчивым.

Для писателя не имело значения положение человека в обществе. Слуга Фирс из «Вишнёвого сада», нянька Анфиса из «Трёх сестёр», ещё одна няня – Марина из пьесы «Дядя Ваня» – все они, как и герои «из благородных», имеют человеческий дар, о котором мы упомянули; и они не менее, чем Астров или Вершинин, Треплев или Гаев, запоминаются нам своей светоносностью. Под пером Чехова так беспомощны Раневская и её брат Гаев, растерявшие своё умение работать. Но сказать о том, что оба эти владельца чудесного имения – люди никчемные, как ещё недавно писала критика, это то же, что объявить никчемными Фирса, и старую Анфису, и ещё сонм чеховских героев, наделённых чувствительностью, добротой, самоотвержением. Все они наказаны жизнью за непрактичность, за то, что меньше заботились о себе, а больше о других, но, конечно же, они не мешают движению жизни. В одном письме Антона Павловича есть ответ, из какого авторского чувства родился образ Раневской с её чувствительной, беспомощной и самоотверженной душой: «Ужасно я люблю всё то, что называется в России именем; это слово ещё не потеряло своего поэтического оттенка».

Любить и понимать людей – это привлекательная особенность Чехова-драматурга. В его пьесах есть утопические мечтатели, есть прагматики, есть трезвые, здравые люди, видящие цель и знающие пути к ней. Словом, как в жизни. Писатель даёт право голоса всем; он не выбирает тех, кто ему по душе, и не подсказывает героям их слова. Каждый говорит как чувствует, как думает, – иной сумбурно, неопределённо, с фантазиями, а иной – чётко, выверенно, с предчувствием истины. Нам интересно знать тревоги и надежды этих людей; ведь прошёл целый век, и мы можем оценить правоту или неправоту чеховских героев. И странное дело: хотя в России за этот век произошли не виданные ни в какой другой стране потрясения, наши духовные устремления во многом совпадают с теми, о которых говорили персонажи писателя. Поневоле подумаешь, что Чехов знал что-то важное, глубинное о русских людях, коли предвидел их будущее.

Есть нестареющие истины, о которых он напоминал. В одном из писем он рассуждал, например, о «кодексе буржуазии», уже народившейся в России. Вот её правила: «Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спорт – и твоё дело в шляпе и на том, и на этом свете. Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с бла-

* То есть повторяет избитое, устоявшееся в критике мнение, что Чехов пишет в основном о неудачниках, лишних людях.

** Героя рассказа «Святою ночью».

гополучными концами, так как они успокаивают её на мысли, что можно и капитал наживать, и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым».

Милый Антон Павлович, нынешние российские буржуа не так нравственны и богопослушны, как прежние, но в главном, конечно, сохраняют родовые черты: каждый старается быть зверем и в то же время счастливым. «Положительные» типы теперь называются «успешными людьми», а «успешные люди» – это по преимуществу те, кто за ненадобностью выключил, как батарейки, совесть, милосердие, справедливость.

Быть зверем и в то же время счастливым – этому, как известно, научиться нельзя, но преуспевающим кажется, что они уже научились. Как они заодно с властью устроят жизнь в России, очень точно предугадал доктор Астров из пьесы «Дядя Ваня»:

«...Исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... От прежних выселков, хуторов, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения, которому, по-видимому, остаётся еще каких-нибудь 10–15 лет, чтобы стать полным. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь естественно должна была уступить место новой.

Да, я понимаю, если бы на месте этих истреблённых лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы, народ стал бы здоровее, богаче, умнее, – но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, те же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за всё, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает всё, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти всё, но взамен не создано ещё ничего...».

Ну и провидец же этот доктор Астров! Точный портрет нынешней России, точная картина того, что устроили на её просторах господа из девятых годов прошлого века! В который раз убеждаемся мы, что наших классиков нужно читать не только для того, чтобы обустроить свою душу, но и для того, чтобы не дать безумцам разрушить нашу святыню – Россию.

На каких основах нельзя построить благополучную жизнь всех её граждан – об этом тоже размышляют чеховские герои, особенно молодые, рвущиеся к личной свободе и отвергающие всякую зависимость от новых крепостников – и материальную, и духовную.

Прочитайте внимательно диалог Ани, дочери помещицы Раневской, и студента Пети Трофимова из комедии «Вишнёвый сад». Не сегодняшний ли взгляд соотечественников на хозяев и подданных выражают молодые люди:

«Аня. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишнёвого сада, как прежде? Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Трофимов. Вся Россия – наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест.

Пауза

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов?.. Владеть живыми душами – ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже

не замечаете, что вы живёте в долг, на чужой счёт тех людей, которых вы не пускаете дальше передней...»

Так что тех, кто устраивает своё процветание на подневольном труде сограждан, писатель устами своих героев предупредил. А уж услышат ли господа это предупреждение, покажет время...

Чехов создал в русской драматургии совершенно новый тип пьесы – лирической и трагической одновременно. К этому определению «новый» подойдёт любая комедия и драма Антона Павловича. У него серьёзный разговор о жизни, о счастье, о будущем соотечественников всегда окутан поэтической дымкой. Лирика в пьесах писателя (как и в прозе его) сопутствует житейским и философским размышлениям; она, как музыка, настраивает на эти размышления и совершенно не мешает их течению. И лирика не ослабляет, а, наоборот, усиливает трагическое звучание пьес.

Удивительна в этом смысле комедия «Чайка». Перед Ниной Заречной и Константином Треплёвым открываются в жизни романтические пути: она мечтает стать актрисой, он – писателем. И словно их состоявшееся будущее – рядом с ними две судьбы: матери Константина, знаменитой актрисы Ирины Николаевны Аркадиной, и известного беллетриста Бориса Алексеевича Тригорина. О Заречной и Треплёве поначалу можно сказать, что это люди обыкновенные, тогда как Аркадина и Тригорин, конечно, необыкновенные. Но, как часто бывает у Чехова, и то и другое определение можно поменять местами. Известные актриса и писатель оказываются весьма обыкновенными, со многими человеческими недостатками, а молодые люди, с их чистыми чувствами и творческими задатками, пожалуй, необыкновенны. Первые больше ценят внешний успех, вторые острее переживают и ценят возвышенные лирические минуты, творческое вдохновение. И только невероятная сложность отношений между героями пьесы делают лирическую комедию подлинной драмой с её бурными страстями и тяжёлыми душевными потрясениями. Застрелился Треплёв, обманутая Тригориним Заречная вынуждена играть на сцене провинциального городка, Аркадина легко пережила измену Тригорина и вновь поладила с ним, Маша, дочь управляющего именем, любившая Треплёва, вышла замуж за нелюбимого учителя Медведенко... Чехов не распутывает сложный клубок взаимоотношений героев. Как не бывает в жизни простой развязки таких историй, так и в пьесе все сложности остаются с героями. Мы становимся свидетелями лишь первых трагедий, подготовленных жизнью. Она продолжается и обязательно принесёт новые драмы. Зато у героев пьесы остался духовный опыт прожитых лет, пусть и трагический. Он поможет им выстоять в будущем. Не может же быть забыто нами горячее признание Нины Треплёву: «Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – всё равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чём я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своём призвании, то не боюсь жизни».

Не боятся жизни и герои «Вишнёвого сада», такие разные по возрасту, по взглядам на жизнь, по своему положению. Петя Трофимов и Аня не боятся будущего потому, что молоды и рвутся испытать свои силы. И ещё потому, что жизнь пока не была их слишком больно. Смело смотрит в настоу-

пающие дни Лопухин, напористый и удачливый тип из новых, деловых людей. Этому сам Бог велел радоваться: он «купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню». Но и житейски беспомощные Раневская и её брат Гаев только, как говорится, на минуту растерялись перед тяжёлым испытанием – продажей с молотка их родового имения. Жизнь больно встряхнула их – но и они оправились от этого. С прежним воодушевлением летит к возлюбленному за границу Любовь Андреевна, пусть на чужие и скудные деньги; со смирением готовится стать банковским служащим, то есть зарабатывать на жизнь собственным трудом, Леонид Андреевич. Они участвуют не в комедии, хотя пьеса отнесена автором к этому жанру, а в драме, подлинной драме, последствия которой пока ещё в тумане. У Чехова и не могло быть иначе. Художник мудрый и правдивый, он никогда не сводил жизненные ситуации к комическому пустяку, к облегчённому финалу. Каждая его пьеса – это кусочек жизни, выхваченный из её потока; рассказ о героях начинается в непростое для них время и заканчивается положениями, часто ещё более тяжкими в их судьбе. И кто скажет, что это не поучительно для читателя и зрителя?

Мы начали разговор о «театре Чехова» с того, что пьесы и герои писателя будут лучше поняты и точнее оценены, если мы хорошо представим самого автора. Это так. Но и тут нужна оговорка, может быть, парадоксальная. Чехов увидел в жизни и «привёл» в свои пьесы так много интересных, оригинальных людей, что, кажется, они стали советчиками и учителями для самого автора. Антон Павлович – это такой автор, который слушал своих героев как живых людей, и любовался ими, и доверял их сердцу и уму. Он творчески наставлял брата Александра, тоже писавшего для театра:

«Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя. В этом отношении твоя «Копилка» безобразна и возбуждает чувство досады... Точно вне тебя нет жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям давай людей, а не самого себя».

«Людям давай людей», – этим правилом Чехов руководствовался во всём творчестве. И когда его многочисленные герои утешали и проклинали, говорили правду и лгали, помогали другим и ублажали только себя, без усталости работали и бездельничали, то перед взором открывалось широчайшее поле жизни, на котором читатель мог представить и себя. Кого он выбрал бы в свои попутчики, чьего совета послушался?

Книжные герои толкуют о простом, житейском, но, в сущности, они говорят о вечном и бессмертном. Ирина из «Трёх сестёр», двадцатилетняя телеграфистка, в день своих именин с наивной восторженностью рассуждает о пользе всякого труда – можно, как иные гости, с улыбкой воспринимать её зазор, а ведь юные уста вещают правду уже обретенную, добытую и – главное – долговечную: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встаёт чуть свет и бьёт на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошастью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встаёт в двенадцать часов дня, потом пьёт в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!»

И недаром молодой поручик Тузенбах, не приученный к труду, так живо откликается на слова Ирины: он предчувствует, что надвигается какая-то особая буря, которая сметёт трутней: «Родился я в Петербурге, холод-

ном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25–30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

Таких героев, дерзко мечтающих и хорошо чувствующих ход времени, мы и любим у Чехова. Но магия его драматургии не только в особенных персонажах, людях по преимуществу тонких, искренних, деликатных. «Театр Чехова» имеет и свою интонацию, свои художественные краски, оригинальную композицию каждой пьесы, особенную стилистику – словом, неповторимость чисто творческую – литературную и сценическую. Антон Павлович и сочинения других авторов, своих современников, оценивал с собственной «колокольни», как писатель, слышащий музыку повествования, его лирическую тональность. «Ваш «Соколинец», – писал он однажды В. Короленко, – мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом».

Достаточно прочесть или услышать несколько строк из «Чайки», «Трёх сестёр», «Вишнёвого сада», чтобы сказать: это – Чехов. Так бывает только с шедеврами классической литературы.

**Александр
БАЛТИН**

ВСЕЛЕННАЯ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

ПРАВДА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Обнажённая боль прикасается к сердцу пространства: оно, как всегда, равнодушно, но не может писатель, вышедший из гущи, из дебрей людской плазмы, быть равнодушным к жизни народа – ибо она ужасна.

Ужасна и густа, как пищевая, определяющая страсть, как необходимость еды, которой всегда мало, вечно не хватает, а та, что есть, настолько далека от правильного рациона, что разговор о справедливости становится невозможен.

Вращаются шестерёнки, едут паровозы, красивые, как фантастические звери, – ведутся мелиорационные работы: неистовое движение вверх охватывает самые дремучие народные пласты.

О! разумеется, тут нужен язык, какого не ведали прежде ни писатели, ни читатели.

Сложно вывести языковые корни Андрея Платонова: нечто от Лескова, возможно. Сострадание, полученное от Достоевского? Линии, отчасти идущие от русского сказа?

Будто он – Платонов – появился из самого себя, строя фразу так, как раньше не приходило в голову никому, предлагая алогичные корневые решения и поднимая смыслоёмкость предложения на невероятную высоту.

-
- Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, эссеист, литературный критик. Автор публикаций в журналах «Юность», «Москва», «Нева», «Дети Ра», «Наш современник», «Вестник Европы», «Литературная учёба», «Литературное обозрение», «День и ночь», «Florida» (США), «Il Convivio» (Италия), «Время и место» (США), «Il Richiamo» (Италия), в «Литературной газете», «Труде», «Московском комсомольце», «Независимой газете», в альманахах «День поэзии», «Предлог», «Истоки», «45-я параллель», в сборнике «Mroda» (Польша). В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019), газеты «День литературы» (2019), литературной премии им. Б. Корнилова (2022). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Член Союза писателей России Живёт в Москве.

От любого абзаца Платонова устаёшь, как от серьёзной работы: но настоящая литература и не может быть развлечением – слишком завязана на жизни и судьбах людских.

Даже нежность красок ни в коем случае не акварельна – но сила их занята у самой земли: так звучат «Третий сын» или «Июльская гроза».

В равной степени мастер и короткого рассказа, и монументальности романа, Платонов созидает своеобразную энциклопедию советской жизни, захватывая все моменты, какие только возможны в самом течении яви.

Но Платонов ещё и мыслитель – идущий от русского космизма, с мотива всеединства Николая Фёдорова и прорывов сознания, как у Константина Циолковского.

Земное взято густо, но и небесное мерцает фрагментами такой сини, что задумываешься о правде и правильности земного.

ТРЕТИЙ СЫН

Смерть не отъезд в соседнюю губернию, но изменение измерений; и отец, пришедший на почту дать шесть телеграмм в разные концы Советского Союза, думал, возможно, о своих сыновьях, как о находящихся в другом, параллельном пространстве.

Ибо телеграммы были краткими: «Мать умерла приезжай отец».

И рассказ «Третий сын» будет кратким, хотя от телеграфного стиля в языке Платонова нет ничего.

Двадцатый век дал разные варианты стилистики, и были среди них истинно телеграфной жёсткости, например, стиль Леонида Добычина.

Было и роскошное цветение сада Бунина и Набокова, был сказово-метафизический стиль Леонида Леонова, но, вероятно, никто не погрузился в языковые глубины и бездны настолько, насколько это сделал Андрей Платонов.

Самые корни фраз открылись ему, хотя иные выглядят как вывернутые наизнанку вещевые мешки: слишком вытряхнуто из них привычное, дабы новое наполнение грозило и жгло.

Могучая гвардия сыновей, которой любитесь отец, выглядит и впрямь мощно и уверенно, и так странно, что мать, давшая столько крепкой плоти миру, оставила себе сухое, сморщенное тело.

Но даже поп, вписанный в рассказ, пришедший на дом совершать панихиду, воспринимается так крупно и выпукло, что становится понятно, насколько умел Платонов просвечивать сущность человека.

Попу, растерявшему, вероятно, веру, но не имеющему вариантов жизни, остаётся жаждать подвига, произнося ветхие, древние слова и совершая ритуалы, способные ли связать с закрытым миром? Нет ответа...

Но дальше драма проявится во взаимоотношениях детей, так редко выходящих; и хотя мать ещё не погребена, детское, тёплое, озорное, захлестнувшее их ночью и вызвавшее тяжёлое недоумение третьего сына, было сильнее их.

Всегда будет кто-то относящийся к жизни с повышенной серьёзностью – в данном случае это оказался третий сын.

И именно через него, через рубежный момент траурной ночи, вдруг представшей садом воспоминаний, и углубляется реальность, предложенная нам классиком.

ЧАРЫ ЧУДОВИЩНОГО ЧЕВЕНГУРА

Справедливость должна зародиться естественным путём: из воздуха и почвы, и, коли так, почему бы ей не зародиться в Чевенгуре?

Коммунизм и справедливость были синонимами для Андрея Платонова, как один из ранних псевдонимов его – Человеков – свидетельствовал о желании вместить в себя всё разнообразие людей.

Тем не менее персонажи Чевенгура слишком запредельны: они, с одной стороны, напоминают гомункулусов, хитро выращенных в лаборатории писателя, с другой – идут от таких низин, знание которых сегодня вряд ли кому-то открыто, но было доступно Платонову.

Стушение фразы выжигает сомнения: плоть повествования слишком реальна – хотя и базируется на фантастическом допущении.

Рабочая сила верна делу пролетариата как сознательное существо – с почти человеческим разумом.

Небывалые эпитеты, мастерством которых всегда поражала проза Платонова, разрастаются садом, и иные цветы оного достигают экзотической высоты.

Мы едем дальше. Мы увидим блаженный Чевенгур, где так просто ждать царствия небесного. Но Иисус Христос, снова проходящий мимо, не посулит нам ничего сверхъестественного.

Кроме памятника-романа, растущего из чернозёма ради феномена русского космизма, где объединяются мечта и правда.

Есть ещё одна, подспудно означенная линия: всякое человеческое знание неполно по определению: мы постигаем только фрагменты мира, и попытки переустроить его всегда несколько неуклюжи.

В определённом смысле роман «Чевенгур» – вариант Вавилонской башни, и то, что достроить её невозможно, свидетельствует о чрезмерной грандиозности замысла...

ХЛЕБ «КОТЛОВАНА»

Упорство, с которым копают котлован под огромное здание с названием «Социализм», постигаемо Вощёвым лишь отчасти, ибо, имеющий склонность задумываться над ходом вещей вообще, он не очень полагается на множественные усилия.

– Ребёнок будет жить за вас! – говорит Вощёв ругающимся родителям, с биологически-метафизической точностью обозначая простую сущность жизни.

Над хлебом можно ли думать?

Кругом творится босхиана – с лицами, слепленными из земли, с размахом пищевой страсти, кормёжки, съедающей столько жизненного времени и пространства.

Пространства всегда в избытке, и то, что человек, лёгши лицом в траву, видит корни травинки и рабочую суету муравьёв, только подчёркивает звёздность бесконечного неба.

Бесконечное нагромождение платоновских эпитетов завораживает: словно реальность языка вывернули наизнанку.

Или так перетряхнули мешок слов, что перемешались они, дав новые узоры.

Абзац тяжёл, как буханка, и его можно резать, чтобы проще было съесть (прочитать).

Ухает медведь-молотобоец.

Копают грандиозную яму.

Верит ли Вощёв в социализм, какой предложит людям подлинную меру?

Верил ли в него сам Платонов?

Порою кажется – не особенно, понимая, что если фразы можно изгибать так, как гнул он, то всякое человеческое начинание достаточно условно – ибо человек зависит от языка и в большой мере формируется им.

И феномен языка Андрея Платонова будет поражать следующие поколения – по крайней мере, какое-то число их представителей.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ В НЕДРАХ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Земное, изученное Платоновым до йот – мелиорация, нищebroдство, электричество, жизнь масс, густота плазмы, прущей к чему-то...

Что, может быть, зародилось само, будучи справедливостью?

Ибо не зря же едет герой на Пролетарской силе в страну коммунизма, которая оборачивается чудовищным Чевенгуром.

Ибо не зря же копают, денно и ночью, усердно, без всякой меры яму под будущий социализм...

Почему-то Платонов «Третьего сына» и «Июльского ливня» нежнее и в чём-то ярче, чем Платонов двух великих, монструозных романов (попробуйте-ка даже неглупому современному старшекласснику привить любовь к подобному языку!)

Язык-сломя?

Язык-откровение?

...Платонов и Ван Гог. Нелепость? Но фразы Платонова словно мазки Ван Гога: раны, кричащие о будущем счастье.

Платонов и Циолковский. Логичнее – ибо фиалковый космос Циолковского призывает человека к дальнему пределу, не говоря о постижении ближнего.

Платонов и Николай Фёдоров – старый, с хитроватым прищуром русский философ, встающий в своей каморке с сундука и глядящий в такие бездны, что у Льва Толстого захватывало дух (вроде бы граф говорил о счастье быть современником Фёдорова).

...Ибо общее дело делается через Чевенгур, через бесконечный котлован, пусть кажется оно абсурдным, оно – как из Библии, из Ветхого завета – столь огромно, что муравьи, принимающие в нём участие, не могут знать о конечной цели.

Галереи образов у Андрея Платонова нет – то есть, конечно, масса персонажей, но напоминают они Големов, гомункулусов, выращенных лабораторно: не представить же, как Чичикова или Раскольникова, Дванова и Пиюсю?

Тут иное: тут неустанная работа языка. Язык как персонаж – и истории советской республики; язык – делающий нас, формирующий наше сознание, опороченный и полузабытый сегодня, превращённый в банальный передаточный механизм...

И только ради этого – необъяснимого цветения и благоухания языка – стоит вчитываться в каждую фразу и абзац Андрея Платонова...

Елизавета
МАРТЫНОВА

Мир, в котором есть надежда

**Наталья Потапова. Это было с нами.
Истории, дарящие надежду: очерки и рассказы. —
Челябинск, ЧГИК, 2022.**

Рассказы Натальи Потаповой появились в нашем журнале в № 6 2021 года и уже тогда запомнились добрым посылом и интересным сюжетом. Теперь у нашего автора вышел сборник очерков и рассказов «Это было с нами».

На первый взгляд, книга Натальи Потаповой кажется просто сборником жизненных историй. На самом деле «Это было с нами» — книга многоплановая и, начинаясь она с желания осмыслить свою жизнь, свои истоки, свои эмоции, желания, чувства, понять своё настоящее, отпустить и простить прошлое, поверить в будущее.

Книга — не «детская» и не «взрослая», а скорее предназначенная для семейного чтения. За сюжетами рассказов и очерков стоят автобиографические факты и реально произошедшие истории. Автор, подтверждая это читательское ощущение, в коротком предисловии говорит о том, что истории, ставшие основой для её рассказов, происходили в реальности.

Пожалуй, именно простые истории интереснее накрученных фантастических вещей. Потому жизненность рассказов вызывает доверие читателя, и само оптимистичное, светлое настроение автора дарит читателю надежду.

Иной раз в рассказе почти ничего не происходит («Случай на дежурстве»), но суть не в событии, происходящем в рассказе, суть — во впечатлениях, чувствах, которые переживает его героиня. От обиды она лечится уходом на природу, в лес, добрыми воспоминаниями.

Очень важно, что многие истории связаны с семейной и школьной жизнью. Тема простая, привычная, но неисчерпаемая. Хорошо, что бабушка с внуком разговаривает не нарочито по-детски, а как со взрослым, и внук её понимает — и спрашивает о разных взрослых вещах, непонятных в выражениях.

В прозе Натальи Потаповой ценны «живые» диалоги, взрослые и дети разговаривают естественно. И хотя во многих рассказах сильно притчевое начало, в них нет слащавости и специального назидания.

Рассказы о внуке и для внука — такие «воспитательные истории из бабушкиного детства». Важны советские реалии: бабушка говорит внуку о своём детстве так, что ему интересно узнавать о прошлом, которое уже стало историей, примерять произошедшее с бабушкой «на себя» — как бы поступил он сам, задумываться о том, что бы сделал он. Тем более что героиня рассказов — активная, стоящая за справедливость, готовая помочь другим.

Так постепенно начинает вырисовываться образ главной героини, которая с детства живёт интересной жизнью, которой никогда не скучно, потому что она всё в этом мире принимает близко к сердцу, как своё, и при этом учится преодолевать трудности — реальные жизненные драмы.

«Письма другу» и «Чудо, сердцем творимое» написаны от первого лица. Зовут героиню так же, как автора. Это исповедальные миниатюры, говорящие о самом главном — о любви и о семье. Мне они нравятся даже больше, чем рассказы с бытовыми, теперь уже «историческими» подробностями, оттого что в них Наталья Потапова больше раскрывается как писатель.

Цикл рассказов «Школьные годы» отражает восприятие ребёнка. Написаны они тоже с точки зрения девочки, от её лица, но на этот взгляд накладывается драматическое видение мира взрослым автором. И многое в этих рассказах узнаваемо и понятно.

Конечно, читатель воспринимает рассказы в свете собственных воспоминаний о детстве, но думается, что, невзирая на различие читательских впечатлений, психо-

логическое состояние ребёнка, его взросление, его переживания, чувства, отношения с людьми изображены убедительно, искренно, художественно.

Автор умело проходит по грани между изображением идеального, идеализированного светлого детства – и преувеличением значения детских травм. Рассказ «Лекарство от боли» читаешь с сочувствием к героине и вниманием к напряжённому сюжету. Пожалуй, это один из самых пронзительных и сильных рассказов в сборнике.

«Кипятильник» – тоже очень яркий рассказ о взрослении ребёнка, о том, как важны в семье взаимопомощь и любовь. В «Лыжной балладе» семейный конфликт о выборе профессии и любимых занятий не разрешается, финал открытый. *«Кем становятся люди, чьи души ранены в самом детстве теми, кто желал им только добра?»* – задаётся вопросом Вика.

«Говорят, что без конфликтов нет развития», – пишет Наталья Потапова. Конфликты, изображённые в рассказах, становятся источником преображения героев, их просветления, понимания других людей, близких и дальних. И в этом плане Наталья Потапова очень отличается от писате-

лей, которые этих конфликтов не разрешают, где конфликты повисают в воздухе. У неё на протяжении небольшого рассказа происходит преображение человека, его понимание ситуации изменяется, что придаёт рассказу положительную динамику, развитие.

Правда, иногда кажется, что автор эту тему изменения к лучшему «педалирует», особенно если такие рассказы стоят рядом, как бы продолжая друг друга. Но как читатель я понимаю, что для Натальи Потаповой это важно. Важно, что надежда зависит от нас, и мы сами в состоянии изменить, преобразить свою жизнь к лучшему.

Автор книги ценит и любит жизнь именно потому, что, оказавшись в кризисной ситуации, на грани, смогла принять красоту жизни и Божий замысел о ней: *«...Верю, что у меня есть ангел-хранитель. Он направляет луч фонаря на мой путь. Этот свет вижу интуитивно и с ним могу избежать опасности».*

Думаю, что читатель, прочтя столько добрых историй, поймёт, что надежда и добро сильнее зла и что у людей есть безграничные возможности, чтобы понять это.

Пейзаж души

Татьяна Ланина. Я верю. Сборник стихотворений. – Воронеж, 2024. – 124 с.

Татьяна Ланина, молодой воронежский автор, выпустила первую книгу. Перед нами поэт, осознанно выбравший традиционное направление в литературе: она говорит вполне прямолинейно о важных для неё вещах: о жизни, о смерти, о любви.

Стихи целостные, Татьяна Ланина хорошо владеет выбранным сюжетом, плавно ведёт стихотворное повествование.

В аннотации о стихах написано следующее: *«К достоинствам поэзии Татьяны Ланиной можно отнести отсутствие заикленности на себе, зауми, нагромождения образов, самокопани в духе Фрейда, что сейчас модно в среде молодых литераторов. Татьяна старается говорить с читателем на равных, ясно и просто, без жеманства и кокетства».*

Жеманства и кокетства действительно нет, а некоторая наивность интонации

свидетельствует о том, что автор начинающий, немного восторженный. И эта наивность не плоха, просто она разная. Где-то она чистая и честная, а где-то отдаёт литературностью.

Например, стихотворение «Русь» – очень «есенинское», стилизованно-лубочное. Чувствуется, что автору хочется высказаться на важную тему, но пока это только попытка, перепев известных мотивов: стихотворение ученическое.

Но для первой книги это вполне нормально: автору есть куда расти.

Внешне стихи Татьяны Ланиной обманчиво-традиционны, но даже некоторые шероховатости и внешние штампы преодолеваются доверительной интонацией автора: *«Октябрь листья рассыпает, / Они ложатся мягким слоем. / И для чего, никто не знает, / Я говорю сама с собою...»*

Оптимизм Татьяны Ланиной не сделанный, а настоящий: *«А на самом деле мы хорошие! / Я не верю в безысходность дня. / Пусть вокруг все будут безнадежные, / Есть надежда в сердце у меня...»*

Свой авторский почерк Татьяна Ланина пока не выработала, она находится в пути, в творческом поиске. Но гораздо важнее, что уже найдена своя тональность, что автор пишет хорошим, ясным русским языком: *«Вот стихи, и всё понятно, всё на русском языке»* – и знает, что хочет сказать в том или ином стихотворении.

Чувствуется, что Татьяна Ланина любит рисовать словом, и я как читатель была бы очень рада, если бы она встала на этот путь более уверенно, с большим постоянством – и отошла от правильных, всем понятных риторических высказываний-штампов.

Радует, что в книге больше удач, чем неудач. Лучшие стихи в книге – личные, а не «тематические». И ещё радует, что автор книги – сильная личность, умеет радоваться и верить. Об этом – программное стихотворение «Я верю», ставшее и названием сборника. Думаю, для того, чтобы понять общую направленность книги, стоит привести несколько строф:

*Я верю в этот час и миг,
Я верю в светлое признание,
Я верю, что душевный крик
Услышан будет и в молчании!*

(...)

*Я не хочу грустить, страдать
И хлопать перед кем-то дверью.
Так хочется весь мир обнять
И всем сказать, что я вам верю!*

**Иван
МАЛЫШЕВ**

ЗАПИСКИ СТАРОГО САРАТОВЦА

(Продолжение. Начало в № 3 2023)

ОТ АВТОРА

Я родился в 1854 году, хотя точная дата рождения не записана; но это я слышал от взрослых, от своей родной бабушки по матери. Таким образом, мне пошёл 82-й год.

Состояние моего здоровья, по заключению врача, который недавно меня осматривал, по крайней мере, в ближайшем будущем не внушает серьёзных опасений, если я буду вести предписанный ими образ жизни как в отношении питания, так и обычных занятий, а главное – не утомлять себя.

Последнее чувствуется мною уже в настоящее время.

Понятно, к этому предупреждению мне всегда следует прислушиваться и помнить, что возраст мой очень почтенный, а сердце моё поработало довольно.

КОРНИ НАШЕГО РОДА

Отец мой и дед по моей матери были крепостными графа Шереметева, только разных его вотчин. Отец мой, Алексей Тихонович Малышев, был крестьянин Саратовской губернии Базарно-Карабулакской Шереметевской вотчины, а моя мать, Екатерина Васильевна Маркова, – крестьянка Нижегородской губернии Богородской вотчины того же графа.

Мой дедушка по матери, Василий Матвеевич Марков, дожил до глубокой старости: он умер около 80 лет. Я не помню, чтобы он когда-нибудь хворал. На вид это был, как я сейчас его себе представляю, старик выше среднего роста, сухой, на ходу несколько сутуловатый, ходил для своего возраста быстро, и всегда казалось, что он куда-то спешит, хотя визиты его были только деловые – к базарным торговцам крестьянским шорным товаром.

Дед переехал из Богородского в Саратов в 40-х годах прошлого столетия, имея на руках шестерых детей – пятерых сыновей и дочь, которая впоследствии и стала моей матерью.

В одно время помню, я был уже взрослым, бабушка рассказывала, как она с шестью ребятами, один из которых был на руках, а остальные – погодки, старшему, Михаилу, было 15–16 лет, ехала на пароходе.

– Ехали мы на буксирном пароходе, или скорее на барже, которую вёл буксирный пароход (пассажирские пароходы в то давнее время по Волге ещё не ходили). В городах матросы приводили своих знакомых смотреть на меня как на чудо: вот женщина с шестью ребятишками едет к мужу в Саратов. Понятно, следовали расспросы, как она с ними справляется? «Дома справлялась, где они ведут себя хуже, чем здесь, почему тут я не справлюсь?» – отвечала бабушка.

Причины, по которым дедушке пришлось оставить своё родовое гнездо, опишу позже.

В своё время бабушка родила дедушке пятого сына, Андрея, который в молодом возрасте своей беспутной жизнью много доставил огорчения родителям. И только впоследствии, отбывая воинскую повинность, попавши на службу во время Турецкой войны, был на фронте, где, видимо, его мысли пришли в порядок, и он переехал в Самару, где и остался. В Самаре, по дошедшим в Саратов слухам, он стоял во главе Самарской общины Евангелических христиан. (1)

Дедушка не признавал соборных церковных постановлений – он отрицал посты, поклонение иконам, считая последнее язычеством, церковные праздники, кроме 7-го дня, и т.д. Собрания таких верующих происходило каждую неделю в 7-й день у тех или других членов общества, у которых было подходящее помещение. На таких собраниях присутствующими пелись псалмы и происходили беседы на религиозные темы.

С появлением нового сына у дедушки образовалась семья, которая на одного человека, способного работать, имела восемь едоков.

Правда, надо сказать, старшего сына, Мишу, которому уже было 13–14 лет, дедушке удалось устроить в учение к валяле, где в зимнее время делали валяные сапоги. Однако Миша ходил туда на работу, которая по условиям дела, производилась с 2-х часов ночи до 12-ти часов дня, и у хозяина он только завтракал и обедал, а ужинать и отдыхать он приходил домой.

При подобных семейных условиях, несмотря на огромное трудолюбие и трезвый, умеренный образ жизни, содержать такую семью приходилось дедушке трудно.

У дедушки, естественно, возникла мысль, что в селе Богородском ему с такой семьёй жить нельзя, а надо куда-нибудь уехать, где условия работы и – главное – сбыта изделий другие, т.е. более выгодные. Но куда? Вот вопрос, который для крепостного человека был самым главным.

Переехать в Нижний? Это то же, что из огня попасть в полымя. Нижегородские торговцы, зная его положение, что он постоянно нуждается в деньгах, при покупке у него изделий всегда прижимают, стараясь купить возможно дешевле.

Остался один Саратов, куда, как он надеялся, переговоривши с бурмистром графа (2), препятствий к переселению не будет, так как в Саратове была графская вотчинная контора. Этот переезд будет считаться переездом из одной вотчины в другую, а не бегством крепостного от своего помещика, которое наказывалось каторжными работами.

О Саратове дедушка слышал от приезжавших служащих из главной Базарно-Карабулакской вотчинной конторы, что там как хлеб, так и другие хозяйственные продукты питания сравнительно с Нижним наполовину дешевле, а сбыт своих изделий во всяком случае не будет хуже.

Затем в Саратове, говорили, не было кожевников, по крайней мере, они не слышали ни об одном, а торговцев кожевенными товарами было несколько

ко человек, которые привозили кожевенные изделия из Кузнецка, Казани и Нижнего с ярмарки.

В Базарном Карабулаке выделывают только мелкий кожевенный товар: баран, козёл, тюлень и выросток.

Всё это слышанное дедушка прекрасно учитывал и решил переговорить с бурмистром графа, чтобы объяснить, что его материальное положение с такой огромной семьёй вынуждает покинуть с[ело] Богородское и переехать в Саратов, где условия жизни – в смысле питания и сбыта своих изделий – гораздо выгоднее, чем здесь.

Ему очень тяжело покинуть своё родное гнездо, где он родился и вырос, но интересы семьи надо считать выше этого.

Бурмистр, зная семейное положение дедушки, очень сочувственно отнёсся к просьбе и сказал, что этот переезд можно считать переездом из одной вотчины в другую и он может лично разрешить это, не докладывая даже графу, который в это время был в Петербурге.

Не встретивши при переговорах препятствия со стороны бурмиистра к своему отъезду, дедушка решил предварительно поехать в Саратов один, хорошо познакомиться с городом, подыскать подходящую квартиру и продать там весь имевшийся у него готовый кожевенный и шорный товар.

Только после всего этого можно будет серьёзно думать о переезде и переселении туда всей своей семьи.

С бабушкой он не раз говорил на эту тему, и с её стороны никаких возражений он не встретил.

По словам бабушки, сборы его были очень короткие. Он собрал и зашил в рогожи весь свой готовый кожевенный товар, который надеялся в Саратове подороже продать. Положил в мешок хлеба, варёного мяса, немного на дорогу денег и отправился в барскую контору, где его ждал один из служащих, который собирался ехать в Саратов.

Бабушка осталась одна, и целый рой самых безотрадных мыслей стал тревожить её.

«Как ему, бедному, тяжело жить и работать с такой огромной семьёй?» – думала она.

В Нижний дедушка с товарищем приехали на другой день. Пароходы в то время ходили не так часто, как сейчас, и им обоим пришлось дожидаться другого дня, когда вернулся из Астрахани пароход, с которым они должны были ехать. Пароходы в то время ходили по Волге только между Нижним [Новгородом] и Астраханью и были товарно-пассажирские, т.е. ходили с одной баржей, на которую грузили товары и помещали пассажиров. В Саратов дедушка ехал около недели: в каждом попутном городе пароход простаивал 1–2 дня за перегрузкой и выгрузкой.

Приехавши в Саратов, дедушка отправился в барскую вотчинную контору, где её заведующий, переведённый туда из с[ела] Богородского, был ему хороший знакомый.

Заведующий удивился приезду дедушки. Но когда последний сказал ему о цели своей поездки, то он обещал дедушке помочь в его деле.

Прежде всего, он пригласил его остановиться и ночевать у него в конторе, где была комната для приезжающих, и сложить в неё привезённый товар.

Дедушка, конечно, был очень рад такому приёму и немедленно отправился на пароход, откуда на взятом извозчике и перевёз в контору весь свой багаж.

Начало его поездки показалось ему очень хорошим и не предвещало ничего дурного.

На другой день дедушка весь свой товар, который привёз, очень хорошо продал и, разговорившись с новым знакомым торговцем, узнал, что в Саратове кожевников по выделке сыромяти (сыромять – кожа, выделанная хлебными растворами) нет и кожевенные товары, какие он у него купил, привозят сюда из Базарного Карабулака, Кузнецка и даже из Казани.

Намерение дедушки переехать и поселиться в Саратове торговец приветствовал и говорил, что он здесь без дела не останется; а цены на кожевенные товары в Саратове выше, чем в других городах по Волге, а сырьё, наоборот, приезжают покупать даже из Казани.

Новый знакомый тоже не был коренным саратовцем, а приехал сюда 2–3 года назад. Одним словом, перспектива будущего казалась дедушке очень заманчивой. Надо только найти подходящую квартиру, что в таком большом городе казалось ему очень легко, и перевезти сюда семью.

На другой день, в первую очередь позавтракавши со своим односельцем, дедушка отправился на поиски себе квартиры. Земляк его в Саратове был сам человек новый и никакого полезного совета дать не мог, но сказал, что на тех домах, в которых имеется свободное помещение для сдачи, домовладельцы наклеивают с улицы ярлычки о сдаче жилья в аренду. Земляк между прочим предупредил его, что ему – по своей профессии – квартиру надо искать подальше от центра, по другую сторону Глебучева оврага или в Затоне, а в центральной части города и дорого, и здесь не разрешат выделывать кожи.

Дедушка отправился на поиски и думал, что в таком большом городе найти квартиру будет очень легко. Он не учёл при этом, что владельцы домов думают только о квартирной плате, а не об удобствах своих квартирантов.

Затем было ещё одно обстоятельство, которое казалось ему пустым, а в городе это было самым главным. Ему кроме квартиры для личного жилья нужен был ещё хоть самый маленький, но сарай, в котором он мог бы поставить мялку для отминки сыромятных кож. Это последнее при его поисках оказалось самым важным.

Дедушка, прежде всего, отправился на окраины, где, как ему казалось, он скорее может найти то, что ему нужно.

Он исходил всё, но только в двух местах нашёл кое-что подходящее.

В одном месте хозяин квартиры спрашивает:

– У вас большое семейство?

– Нас с женой двое, но у нас шестеро детей.

– Это значит, ваша семья – восемь человек?

– Да.

– Простите, но мы квартирантам с детьми не сдаём.

– Почему?

– У нас, знаете, свои ребятишки – это будут ежедневные ссоры, драки и т.д.

После такого объяснения с домовладельцем, любившим на своём дворе тишину, пришлось идти дальше.

В другом месте хозяева бездетные и на состав семьи своих будущих квартирантов не обратили внимания, а даже приветствовали, что на дворе с детьми будет шумно и весело, но спросили дедушку:

– А чем вы занимаетесь?

И, узнав, сказали:

– Это значит, у вас в квартире и на дворе будет пахнуть кожей.

– Да. От этого запаха, конечно, никуда не денешься. Разве это очень плохо? – заметил дедушка.

– Ну, видите ли, вы привыкли к этому запаху и его не чувствуете, а я его просто не выношу, поэтому квартиру вам не сдам.

Что оставалось делать несостоявшемуся квартиранту? Конечно, откланяться и идти дальше.

Так дедушка ходил по городу в продолжение двух дней и к вечеру другого дня, усталый, измученный безрезультатными поисками, зашёл в лавку к тому знакомому торговцу, которому продал товар, и поведал ему своё горе и отчаянное положение с квартирой, из которого совершенно не видел выхода.

В это время в лавке у этого знакомого сидел человек, который слышал весь разговор, что вновь пришедшему нужна квартира, которая была бы подальше от центра, и совершенно неважно, чтобы она была хорошая, а только величины побольше, так как семья с детьми – восемь человек.

Незнакомец сказал дедушке, что он знает такую квартиру. Его родственнику достался по наследству от брата дом или, скорее, большое место около Глебучева оврага, на котором стоят большая изба, открытый сарай и баня. Но всё это, добавил он, старое и ветхое, требует сейчас же большого ремонта.

– Если вы это можете сделать за свой счёт и войти в соглашение с хозяином, чтобы вычитать из квартирной платы, то я вас сейчас могу провести и показать это место – оно недалёко отсюда.

Дедушка, конечно, с радостью отправился с незнакомцем осматривать предлагаемую квартиру. Дом этот был на Вольской улице, около самого Глебучева оврага и по месту положения оказался недалеко от Верхнего базара. В самом конце этой улицы, которая тогда оканчивалась Глебучевым оврагом, сейчас давно засыпанным, стоял ветхий деревянный забор, в котором были ворота и калитка.

Войдя во двор, дедушка увидел, что среди двора стоит очень большая деревянная изба, но казалось, с ветхой крышей и с покочнувшейся на сторону полуразрушенной печной трубой. Налево от избы – такой же старый открытый сарай, а за ним ещё была маленькая старая баня.

Все постройки, на первый взгляд, были очень старые и ветхие, но опытный взгляд дедушки подметил в этих постройках, казавшихся ветхими, многие положительные стороны, и дедушка решил: если в отношении ремонта условия будут подходящие, то на первое время поселится здесь.

Хозяин дома оказался очень сговорчивым, они быстро сошлись в условиях сделки и были оба довольны: и квартирант, которому хозяин назначил недорогую аренду, и домовладелец, который не будет нести расхода за охрану дома, а будет ещё получать с него небольшой доход.

Дедушка, не теряя дорогого времени, на другой день взял с базара двух баб и заставил их избу внутри, стены и потолок, выбелить, а пол вымыть и добела выскоблить.

Затем пригласил печника и двоих плотников: первого – переложить полуразрушенную печь, а плотников – осмотреть крышу, а все доски, которые окажутся негодными, выкинуть и застелить новыми.

Крыша при разборке оказалась покрытой толстыми полвершковыми досками (3), и новых, чтобы заменить негодные, потребовалось не более 5–6 штук.

Печь – точно так же: сложенная из старинных толстых кирпичей, требовала только перекладки и материала, т.е. работы, глины и песка, а кирпичи пошли все старые.

Таким образом, весь ремонт снятой квартиры не потребовал от бабушки больших расходов, и он мог свободно его осилить, квартирная плата была также подходящая, если принять во внимание не отдельную квартиру, а весь дом и двор.

Оставим бабушку в Саратове за ремонтом снятой квартиры и мысленно перенесёмся в с[ело] Богородское, где мы оставили бабушку с шестью ребятами. Бабушка, не получая из Саратова около месяца никаких известий, естественно, стала беспокоиться.

Первую неделю после отъезда своего хозяина бабушка и не заметила, как протекло это время. Каждый день требовал от неё забот и трудов по уходу за грудным ребёнком. В этом ей помогала девочка Катя, которой было уже 12–13 лет. Надо отметить, она была в родителей: не по годам высокого роста, сильная и на работе могла заменить взрослую женщину, поэтому грудной ребёнок был всегда у неё на руках.

Мать занималась хозяйственными работами, стирала, чинила бельё и т.д.

Пошла вторая неделя, и у бабушки начали появляться тревожные мысли: как в Саратове дедушка? Что он делает? Продал ли товар? Нашёл ли квартиру?

Не отдавая себе ясно отчёта, она всё-таки утешала себя мыслями: дорога в Саратов займёт около недели. Затем, приехавши в чужой город, нужно сначала продать привезённый товар; на это тоже может уйти время, подобрать подходящую квартиру и т.д.

В конце месяца, когда тревога бабушки за положение дедушки достигла высшей точки отчаяния, она получила из сельской барской конторы записку, где заведующий писал, что из Саратова получено на её имя письмо.

Бабушка немедленно побежала в контору, где письмо оказалось от дедушки, который писал, чтобы она всё лишнее, что не стоит везти в Саратов, распродала хотя бы и в долг и взяла только одежду и необходимую посуду, которая будет нужна ей в дороге. Затем справилась в барской конторе: когда из Нижнего [Новгорода] пойдёт в Саратов пароход? Билеты до Саратова брала на баржу, где разрешается варить пищу и наполовину дешевле в цене.

В конторе пароходства не могли не обратить внимания на женщину, которая пришла брать билеты и сказала, что все эти шесть человек её дети и едут в Саратов к отцу – крестьянину графа Шереметева, который переезжает туда на жительство.

Заведующий конторой приказал кассиру выдать полный билет только бабушке, а старшему сыну Михаилу и сестре его Кате по полбилета, остальные три мальчика получили контрамарки и ехали до Саратова бесплатно, не говоря уже о ребёнке Андрее, который был у бабушки на руках.

Затем заведующий принял во внимание положение женщины с шестью ребятами в пути. Он послал матроса приказать водоливу (4) отвести пассажира с детьми такое место, где другие пассажиры не могли бы её беспокоить.

В ночь этого дня пароход отвалил от пристани из Нижнего [Новгорода], и детям, и даже самой бабушке, прожившей свой век в деревне, никогда не выдавшей ничего подобного, много радости и интереса доставляли всякая пристань, к которой причаливал пароход, эта суета, движение, выгрузка, погрузка и т.д.

Пароход на пятые сутки подходил к Саратову, где дедушка несколько дней выходил его встречать, но парохода всё не было.

Радости, что все близкие живы и здоровы, не было конца. Дедушка взял извозчика-ломовика, тронулись и приехали на снятую бабушкой квартиру.

Ветхий забор и ворота с калиткой не произвели на бабушку никакого впечатления. Не лучше были ворота и забор и в старом барском доме в [еле] Богородском.

На дворе бабушка увидела не старую, ветхую хату, а очень большую, выбеленную и снаружи, и изнутри избу, которая была способна вместить свободно всю их семью.

На крыше стояла новая выбеленная труба, а самая крыша была вновь осмоленная.

Войдя внутрь избы, новые жильцы увидели в ней и новую её обстановку.

В избе стояли два белых деревянных стола, из которых один был большой – на нём впоследствии семья всегда обедала, а другой, поменьше, стоял поближе к печке, где потом бабушка на нём стряпала.

Расположившись после дороги в квартире по-домашнему, бабушка говорит дедушке:

– Отец..

(Между своими бабушка всегда звала дедушку «отец», а при посторонних – Василий Матвеевич, а он её всегда называл «мать».)

– Что, мать?

– А где у нас зимой ребятишки спать будут? На полу, ты знаешь, будет холодно... – сказала она.

– Ну вот что, мать, – немного помолчавши, ответил дедушка, – я это совсем забыл. Нужно будет сделать полати, на которых они и станут валяться, когда им угодно, и не мешать тебе стряпать.

– Да, – согласилась бабушка.

– Это дело можно исправить, – продолжил дедушка. – Плотники у нас работают. Они ставят под сараем мялку. Я сегодня схожу на пристань, куплю и привезу на полати досок, а завтра плотники их настелят. Это займёт у них не больше полдня работы.

В этот день семья обедала вместе, и весёлый разговор шёл у всех про поездку на пароходе, где всё время приходилось обедать всухомятку, так как разводиться огонь и на барже не разрешили.

Дети рассказывали отцу про свои впечатления от поездки на пароходе, а отец говорил матери, как ему совершенно случайно удалось найти эту квартиру. Сколько он выстрадал в первые 2–3 дня пребывания в Саратове и совершенно приходил в отчаяние, но подвернувшийся случай всё исправил.

На другой день дедушка привёз на полати досок, и плотники, окончивши постановку мялки, стали настилать полати, которые к вечеру были готовы. Дети, не желая валяться на полу, быстро втащили на них все свои постели и стали полными их хозяевами.

Впоследствии эта изба много видела событий на своём веку. В ней играли свадьбу моей матери, женили двоих старших сыновей, Михаила и Ивана. В этой избе появился и увидел свет автор настоящих записок.

МОЁ РАННЕЕ ДЕТСТВО

Надо здесь отметить самое раннее воспоминание из моего детства, когда мне было немного более двух лет. Я, как сейчас, ясно вижу себя около кровати своей матери и рядом висевшей качки, в которой лежал недавно родившийся мой братишка Пётр.

Мать любовно обращается ко мне и говорит:

– Это твой братец Петенька. Поцелуй вот его ручку.

Перегнувшись несколько через край качки, я встал и не мог достать своего братишку. Тогда мать, нагнувшись, поцеловала меня и сказала:

– Ну не надо, ты не достанешь. Вот я его за тебя поцелую.

Что и сделала.

Я был очень доволен. Мне тогда казалось – поцелуй мамы значит то же, что и мой лично. Это осталось у меня единственное воспоминание о моей матери; а всё дальнейшее я передаю из рассказа моей бабушки Анны Михайловны Марковой.

Мать моя после родов прожила очень недолго. В это время стояла жаркая летняя пора. Мать не могла ещё вставать с постели. Бабушки не было дома. Вот кто-то из братьев принёс из погреба кувшин холодного кваса и поставил на стол, стоявший около кровати матери. Мать, видимо, захотела очень пить и выпила в два приёма целую кружку. Квас этот оказался для её жизни роковым: она застудила им всю грудь.

У неё в эту ночь открылся сильный жар и кашель. Все её близкие растерялись, не зная причины. Мать боялась говорить и сказала отцу только на другой день.

Докторов для простого народа тогда не было. Приглашённая лекарка стала давать пить какой-то настой травы, от которого никакой пользы не получилось.

Мать, бывшая слабою после родов, проболела около двух недель и скончалась, оставив на руках молодого отца двух маленьких ребят, из которых один был грудной.

Этот последний пережил свою мать немного; от неправильного кормления коровьим молоком и хлебной соской открылся понос, которым он страдал более месяца и, несмотря на свой природный здоровый организм, всё-таки умер и был похоронен рядом с матерью.

Отец, в такой короткий промежуток времени схоронивший жену и ребёнка, был неузнаваем. Он совершенно упал духом и не знал, как он будет дальше вести своё хозяйство. На первое время бабушка нашла ему знакомую женщину, которая стряпала и убирала квартиру, пока не приехала к нему вызванная из Карабулака тётка Фёкла Петровна.

Тётка была поражена известием о смерти Кати и на другой же день по получении наказа нашла попутчика и приехала в Саратов.

При встрече с отцом они долго плакали и горевали, но решили, что всё это дело Божье и ничем его не поправишь. Текущая деловая жизнь, которая окружала отца, на время отвлекала его от думы о своём горе; но, когда он ночью ложился в кровать и оставался один, не мог удерживаться и плакал как ребёнок.

Время, говорят, лучший целитель таких болезней. Прошло два-три месяца после смерти матери, всё домашнее хозяйство опять стала вести тётка Фёкла Петровна, наказавши в Карабулак своей старушке, что она в Саратове пока задержится.

У тётки в Саратове и раньше был свой круг знакомых по вере и по делам хозяйства, при встрече с которыми она рассказывала, что заставило её опять вернуться из села в город. В разговорах на эту тему она, конечно, говорила, что племянник её молодой человек, одинокий, есть двухлетний сынишка; но он живёт всё время у бабушки. Племянник – человек трезвый, самостоятельный, ему, конечно, будет необходимо опять жениться и т.д. Прошло несколько месяцев вдовства отца, и через тётку поступило предложение о том, что родители одной известной тётке девицы с удовольствием отдали бы за него свою дочь.

Тётка шутливо передала это предложение племяннику, который в свою очередь так же шутливо отклонил это предложение. Но тётка серьёзно сказала ему:

– Послушай, Алексей, ты ещё молодой парень, вдовцом всю жизнь не проживёшь, а если свяжешься с какой-нибудь девкой или бабой, впоследствии сам будешь раскаиваться. У тебя – помни – есть сынишка, которому нужна хорошая приёмная мать, не злая мачеха, как это часто бывает. Мне говорили об одной девице, которую очень хвалили. Отец у неё плотник, а мать печёт на базар чёрные хлебы. Кроме девицы есть ещё у них двое незрелых сыновей. Подумай, а надумаешь, можно будет и посмотреть: за это денег не берут.

Прошло ещё около месяца; тётка опять завела такой разговор. Тут отец ей ответил:

– Ты, тётка, пожалуй, права. Я не могу тебя долго здесь задерживать: тебя тянет домой, в Карабулак.

– Нет, Алексей, я тебе любя говорю. В Карабулаке у меня надёжная старушка, и я могу остаться у тебя сколько нужно, пока не женишься.

Время не стояло, и дни бежали своей чередой. Отец только ночью, когда ложился в постель и оставался один, мог серьёзно думать о своём положении.

Прошло ещё два дня. Тётка опять заметила его задумчивость и сказала:

– Ну как, Алексей, ты думаешь насчёт женитьбы?

– Находи невесту, но чтобы она была из хорошей семьи и хороший человек. Я, пожалуй, жениться не прочь. Надо помнить, тётка: у меня сынишка, которому плохая жена может быть злой мачехой. Это было бы большое горе!

– Ты, значит, не прочь жениться? – переспросила отца тётка. – Я говорила тебе о невесте Морозовой. Завтра я, пожалуй, схожу к своей знакомой, которая хвалила мне эту невесту, и попросимся посмотреть. Может быть, что-нибудь и выйдет хорошее. Говорят, мать – славная и умная женщина.

– Ну что же, я согласен, – сказал отец, – за смотрины денег не берут.

На другой день тётка нарочно сходила к своей знакомой, которая передавала ей о невесте в семье Морозовых. Женщина эта охотно согласилась играть роль свахи, хотя раньше она никого не сватала. С семьёй Морозовых она давно была знакома и состояла даже в дальнем родстве и в хороших отношениях, поэтому ей казалось, лучшего жениха для Анны, как звали морозовскую девицу, им не найти.

Прежде всего, жених одинокий, самостоятельный, молодой, хотя и вдовый. Есть от первой жены сынишка, но небольшой, всего трёх-четырёх лет, да и тот, говорят, всё время живёт у своей бабушки Марковой.

Прикинув в уме все эти обстоятельства, она на другой день отправилась к Морозовым.

Дарья Карповна, как звали мать невесты, возилась в кухне с хлебным тестом, готовила его к вечеру, когда у неё всегда топилась печь, и хлебы выпекались к раннему утру, для отправки торговцам на базар.

Отец был на работе, а дети их бегали во дворе. Дочь сидела в передней комнате за домашним шитьём. Условия, как мы видим, были самые подходящие, и она нашла это хорошим признаком успеха.

Поздоровавшись с хозяйкой, она сказала смеясь:

– Я к тебе, Дарья Карповна, пришла с большим делом. Я пришла к тебе свахой.

– Как свахой! За кого это Аннушку сватать? Ну, она ещё молода: ей 17 лет будет только через два месяца.

– Я всё это знаю. Жених очень хороший: одинокий, состоятельный, трезвый, имеет большое шорное дело. Только одно, пожалуй... Он вдовый. У него недавно умерла после родов жена и остался после неё сынишка 4 лет, который, однако, живёт всё время у бабушки Марковой.

– Это надо обдумать и даже очень и переговорить со своим стариком и самой Аннушкой. Я от кого-то слышала, что недавно у Маркова-кожевника, который живёт недалеко от нас, умерла после родов молодая дочь и была замужем 3–4 года. За этого вдовца ты и пришла сватать?

– Да.

– Ну, это надо очень подумать. Ты приходи к нам через недельку, я тебе тогда скажу. Я думала сразу тебе отказать, но зачем тебя огорчать, а через недельку тогда можно будет. Ты вот что: я сейчас кончаю свою работу с хлебами – они будут киснуть, а я Аннушке велю поставить самовар, который у нас скоро скипит, и я тебя – как сваху – угощу чайком. Только ты дочери ничего не говори, я сама скажу, когда это нужно будет!

– Нет, Даша, я чай пить не останусь, – сказала гостья. – Я бегу скорее на базар: мне нужно кое-что купить. Чай пить будем тогда, когда это дело сделаем или найдём нужным от него отказаться.

Хозяйка не стала задерживать гостью, и наша сваха, простившись с Морозовой, побежала по своим делам на базар.

Прошло около месяца после описанных разговоров, сваха была занята своими личными делами и не имела времени побывать у Морозовых, но, встретившись случайно на улице с матерью невесты, сказала ей:

– А я всё собираюсь зайти к тебе, Дарья Карповна, поговорить об нашем деле, о котором мы уже говорили, но всё не выберу время.

– А, это о сватовстве-то... Приходи сегодня вечером: я буду дома и угощу тебя чаем, и мы поговорим с тобою.

Вечером эти две женщины уговорились, что в первый воскресный день сваха с женихом придут к Морозовым днём познакомиться и попить чаю.

Так всё это сватовство и произошло.

Отец со свахой были у Морозовых около обеда: пили чай в кругу всей морозовской семьи. Невеста отцу очень понравилась, хотя выглядела подростком. На этот счёт он рассуждал так: молодая жена замужем скоро состарится, а старая не помолодеет никогда.

На другой день сваха была у невесты, где ей сказали, что жених понравился и невесте, и всей её семье.

В назначенный день жениха и невесту обручили, а через две недели была уже свадьба, и новая жена отца, Анна Антипьевна Морозова, вступила под кровлю мужа как его законная половина.

На свою свадьбу отец лично пригласил всех братьев моей матери, но пришли на вечер, после венца, только мой дедушка и бабушка. Все дядья, т.е. братья моей матери, не пришли.

Это очень огорчило отца. Он впоследствии не делал никаких шагов для возобновления сближения и относился по-старому только к дедушке и бабушке.

Я продолжал жить у бабушки. Отец, занятый своими делами и новой семейной обстановкой, видимо, не видел в этом ничего особенного; но злые языки стали поговаривать: «Хороша, видно, у Малышева новая молодая жена, если пасынок живёт не дома, а у бабушки с дедушкой».

Эти неприятные сплетни в конце концов дошли и до слуха отца, которого они очень огорчили, потому что не было к этому совершенно никакого повода.

Моя мачеха была слишком молода и совершенно неопытна и при том по характеру, как после выяснилось, не была способна чем-нибудь обижать меня. Отец всё-таки решил, чтобы положить конец такой болтовне, в первый праздник сходить к Марковым и взять меня к себе домой.

В первое воскресенье Марковы только что напились чаю и закусили праздничным пирогом, как раздался стук в калитку. Дедушка сказал сыну Андрею:

– Андрей, поди отопри. Видимо, кто-нибудь из торговцев стучит.

Андрей открыл и видит перед собой – совсем неожиданно – моего отца.

Отец вошёл в избу, поздоровался со всеми, и его начали угощать чаем.

– Ну как, Анна Михайловна, – сказал отец, указывая на меня, – этот молодец не надоел вам? Я пришёл взять его домой.

– Что ты, Алексей, – говорит бабушка, – мы, старики, видим в нём нашу погибшую Катю. Ты, конечно, его отец, имеешь на него все права, но нам всё-таки это будет очень больно.

– Вы простите меня, Анна Михайловна, моя молодая жена очень обижается, что её пасынок живёт не дома. Она будет любить его как своего сына. Вы можете на этот счёт быть совершенно спокойны.

– Ну как, Ваня, – сказала бабушка, – вон отец твой хочет брать тебя к себе домой.

Вместо ответа я сначала разревелся, а потом сказал:

– Я не пойду.

– Как ты не пойдёшь? – продолжала бабушка. – Отец хочет увести тебя домой, и его надо слушаться.

– А я не хочу идти... и убегу... спрячусь.

Затем быстро вскочил со стула и убежал на двор, спрятавшись в сарае под стоявшей там конной мялкой.

Меня, понятно, бабушка и отец скоро нашли, и отец привёл меня за руку в избу, надел на меня мою бекешку и на голову шапку, взял за руку и, простившись со стариками, хотел вести домой. Я разревелся и стал просить отца:

– Тятяша, оставь меня, я ещё ночку ночую.

Отец был неумолим и, не выпуская из своей руки мою руку, простившись со стариками, повёл меня из избы на улицу. Дорогой я перестал плакать, а когда пришли домой, я заплакал опять.

Молодая мачеха любовно встретила меня и стала уговаривать, чтобы я не плакал, и нашла сейчас же пряник и конфетку и дала мне, сказавши при этом:

– Ты вот съешь сейчас этот пряник и конфетку, с тобой всё пройдёт. Ты не будешь больше плакать.

Я угрюмо молчал, но всё-таки положил пряник в рот, он показался мне очень вкусным, и я его съел. Таким же образом отправил в рот и конфетку, которая также оказалась сладкой.

Нельзя здесь не отметить счастливую особенность каждого детства: это непосредственность впечатления, которое остаётся в памяти на всю жизнь.

Много десятилетий отделяют меня от того времени, но это не мешает мне видеть себя во сне малышом.

С новой моей матерью мы скоро поладили. Она оказалась очень хорошей женщиной и прилагала все средства к тому, чтобы мне не было скучно.

Она часто заставляла одного молодого ученика отца, недавно взятого в ученье в мастерскую, играть со мною, и мы уходили с ним на двор, где рылись в песке, который был привезён для посыпки тротуара.

Дня через два, как я был водворён к себе домой, сквозь дремоту вечером я слышал, как отец спрашивал мою новую мать:

– Ну что, Ваня в эти дни опять плакал и просился к бабушке?

Трудно было разобрать, что она ему ответила, но только я слышал, как они оба смеялись. Из этого следует, что она сказала о моём вчерашнем поведении утешительное для отца, и он, отправляясь в мастерскую, заметил:

– Он к тебе привыкнет. Ты умеешь с ним обращаться. Только, пожалуйста, без всякой строгости: он мальчишка заметно самолюбивый.

Отец был большой любитель лошадей. Эта страсть, по словам бабушки Фёклы Петровны, перешла к нему от деда, Тихона Петровича, который всю свою жизнь мечтал завести хорошую лошадь, но приходилось довольствоваться старым гнедым мерином, который хорошо ходил в мялке при обработке сыромятных кож.

Мой отец тоже, когда увидит, бывало, как по улице ведут какого-нибудь красивого рысака, обязательно остановится и посмотрит вслед, пощёлкает языком и скажет про себя:

– Это вот конь! Вот такого бы иметь!

Когда у него завелись свободные деньги, около двухсот рублей, то он в первую очередь купил себе лошадь-иноходца и приобрёл для него маленькие беговые санки, на которых можно было только вдвоём сидеть, и каждый праздник выезжал с молодой женой на городское катанье.

В то время такое катанье в Саратове происходило зимой – каждый праздник. Ездили в два ряда, друг за дружкой; кругом по Театральной площади и улицам: Соборной, Александровской, Никольской и даже при большом съезде – Константиновской.

На катанье ездили в два ряда: один ряд саней ехал в одну сторону, а другой – в обратную. В хорошую погоду на такое катанье съезжалось очень много граждан, имевших лошадей.

По тротуарам гуляла масса пешей публики.

Помещики, жившие по зимам в городе и имевшие лошадей, а их в это время в Саратове было немало, в таком катании участия не принимали, считая это мещанством. Но в такие дни, как наша бывшая Масленица, и их было можно встретить на своих тройках и парах в центральной части города, и достаточно подвыпившими.

На долю саратовских граждан выпадало только подсмеиваться над ними, как было всем известно, когда они каждую ночь в Саратовском Дворянском Собрании играли в карты и проигрывали свои Выкупные Свидетельства (5) патентованным шулерам из своей же среды. Это последнее не оставалось тайной, а на другой же день было известно очень многим в городе.

Мне пошёл шестой год. Моя приёмная мать, не имея собственных детей, относилась ко мне как к родному и часто заступалась за меня перед отцом, когда я по-детски шалил.

Только в одно время, я помню, спал на диване в той комнате, где была и отцовская кровать; я слышу, отец говорит матери:

– Надо наказать в Карабулак тётке, чтобы она обязательно в будущий вторник сюда приехала: ты можешь заболеть, кто тогда будет хозяйством править?

Мать согласилась с его словами, и отец в тот же день ходил на постоялый двор и просил известного извозчика Фому передать тётке, чтобы она обязательно в следующий вторник приехала к ним в Саратов.

Фома исполнил наказ отца, и тётка вечером в понедельник была уже у нас. Мать с приездом тётки почти не вставала с постели и жаловалась на сильную боль в животе.

Отец пригласил к матери бабушку-повитуху, которая, осмотревши больную, сказала:

– Матери пришло время родить, и, по-видимому, роды предстоят тяжёлые. Но, – добавила она, – Бог не без милости, всё может кончиться благополучно, и пугаться особенно нечего.

Отец, успокоенный словами повитухи, всё-таки оставил её у себя ночевать.

Мне в эту ночь постелили постель в кухне, и я ничего не слышал; но в соседней комнате произошло следующее: у больной матери начались роды.

Присутствующая повитуха, по-видимому, растерялась и не могла помочь роженице освободиться от своей ноши, больная вскрикивала и просила её не трогать.

Повитуха тогда говорит отцу:

– Я одна ничего не могу сделать, а вам надо сходить – тут недалеко живёт моя товарка, которая более опытная – и позвать её.

Отец, понятно, побежал по указанному адресу и привёл новую старуху, которая, осмотревши больную, сказала:

– У роженицы ребёнок, по-видимому, мёртвый и лежит в животе не так, как надо. От него нужно скорее освободить больную, а то всё может кончиться очень печально.

Применивши при этом новые способы, которые первой старухе не были известны, она, правда, не очень скоро, но всё-таки сумела освободить больную от её ребенка.

Ребёнок действительно оказался мёртвым и, вероятно, не первый день, потому что роженица заболела воспалением брюшины и скончалась через несколько дней. Такой печальный конец, как после предполагали, произошёл оттого, что роженица заразилась от кровей мёртвого младенца.

Что говорить о душевном настроении отца, что он пережил за эти дни, когда увидел на столе свою вторую молодую жену, – понятно всякому без слов.

Но тут примешался и суеверный страх, что вторая жена, как и первая, прожила только три года с несколькими месяцами. Это, казалось ему, говорило о том, что ему совсем не надо жениться.

Покойную похоронили. Отец за эти две недели, как заболела и умерла моя вторая мать, состарился на десять лет.

В жизни, однако, всё забывается. Память чаще хранит только хорошее, а плохое человек старается сам скорее забыть, чтобы оно не портило ему настроение.

После смерти своей второй жены отец был вдовым более 7 лет; но в конце концов он всё-таки женился. Об этом третьем его браке мы будем говорить в другом месте.

Домовым хозяйством отца опять стала править тётка Фёкла Петровна, которую уговорил съездить в Карабулак и свой старый домишко продать, а то всё равно он от времени и без надлежащего надзора придёт в ветхость и утратит всякую ценность.

Тётка действительно с этим согласилась, потому что вскоре поехала туда и продала свой дом одному богатому мужику, который купил его для женатого сына, просившего отца отделить его, так как у старика было ещё два сына холостых.

Потеряв в парусиновской квартире обеих жён, которые, что ему казалось странным, жили по три года, его объял мистический страх, и он – в первую очередь – эту свою потерю приписал парусиновской квартире и решил

немедленно искать другую и ни при каких условиях не оставаться на старой, где ему всё напоминало о его несчастье.

Найти новую, подходящую для себя квартиру оказалось не так легко. Отец два праздника пробродил по центральным улицам города, ища квартиру, и спрашивал всех проходящих к нему по делу лиц, но ничего для него не было.

Прошло некоторое время после этого. Он уже почти потерял всякую надежду. Приходит к нему кучер одной домовладелицы, Кабиной, отец спрашивает его:

У вас большой дом. Нет ли у вашей хозяйки квартиры?

– Кому это? Вам?

– У нас сдаётся квартира и, пожалуй, была бы хороша для вашей мастерской – при ней отдельная кухня. Потом по другую сторону ворот сдаётся лавка.

А для вас самих есть во дворе маленькая клетушка наверху, но вряд ли она вам годится.

– Ты куда сейчас идёшь? – спросил отец кучера.

– Домой. Мне хозяйка велела, как приду от вас, запрягать лошадь – хочет куда-то ехать.

– Ну вот что: я с тобой сейчас дойду и посмотрю вашу квартиру. Я ведь сейчас одинокий, только с братом. Нам самим надо какой-нибудь угол.

Отец пошёл с кучером и был очень доволен результатом осмотра.

Дом Кабиной был на Александровской улице и вторым от Московской, то есть в самом центре города. Место по Александровской улице было очень небольшое – 8–10 с[ажений](6). На улицу выходила и сдавалась квартира в одну комнату, довольно большую, но в один этаж, и позади её отдельная кухня.

Это помещение было удобно отцу как хорошая мастерская. По другую сторону ворот на улице тоже сдавалась лавка с хорошим чердаком, на который вела лестница, и было в нём во двор окно. На чердаке, при нужде, тоже можно было жить, если зимой поставить железную печку, от которой бы он хорошо прогрелся. На дворе была к лавке маленькая пристройка, но тоже в два этажа. На нижнем этаже жил извозчик, а верхний был свободный.

Это свободное помещение состояло из одной маленькой комнаты, разделённой стоявшей в середине печкой-колонкой, и в нём было два окна. В передней его части можно было поставить только небольшую кушетку, стол и два стула, а позади печки только кровать, на которой впоследствии с отцом я и спал.

Для его дела квартира была подходящая, и он, не откладывая дальше, сейчас же отправился в квартиру хозяйки, которая жила наверху двухэтажного дома, бывшего во дворе, застал её и без торга снял все три помещения, т.е. лавку, квартиру для мастерской и верх для собственного жилья по 25 рублей в месяц, и заплатил деньги за месяц вперёд.

Переехавши на новую квартиру, мы расположились так: мастерская и общая кухня, как и предполагалось, в отдельном здании. Отец с тёткой и я в дворовой постройке наверху; а дядя Матвей на чердаке лавки, где в зимнее время ставилась железная печь, и было очень тепло. Так что вся небольшая семья была очень довольна; а всех более был доволен отец, который в эти дни переезда и устройства в нашем новом помещении был в самом весёлом настроении, каким мы его давно не видали.

Недаром тётка на другой день нашего переезда, когда мы вечером пили чай (отца в это время не было дома), сказала:

– Ну, наш Алексей доволен своей новой квартирой. Я давно его не видала таким весёлым, как в эти дни.

Дядя заметил:

– Квартира действительно для нашего дела самая подходящая; но главное – в центре; потом лавка, в которой можно торговать, имея в запасе готовые вещи. Для себя тесновато, но... с этим можно легко смириться.

Относительно наших новых ближайших соседей по квартире приходится сказать несколько слов. Рядом с домом Кабиной, на углу Московской и Александровской улиц, и на другой её стороне стояли два больших городских здания, которые сдавались с торгов частным лицам.

Верх дома, который был рядом с нашей новой квартирой, держал трактирщик Николай Иванович Савинов; а другой городской дом – напротив – Григорий Иванович Барыкин. У Барыкина, как в номерах, так и в гостинице, обстановка была столичная. Прислуга всегда в белых рубахах, как в хороших ресторанах Москвы.

У Савинова обстановка гостиницы была посрее, как и самая прислуга не всегда отличалась белизной своих рубах. Посетители этой гостиницы – большинство – были базарные торговцы, которые не обращали внимания на эти, по их мнению, мелочи, а для них были главным цены. У Савинова цены были подешевле барыкинских.

Отец, оставшись вдовцом и переехавши на новую квартиру, редко пил утром чай дома, а, распорядившись своими делами по мастерской и лавке, по которым ему помогал уже и дядя Матвей, отправлялся чай пить к Савинову, где у него был свой стол.

Отец приходил один редко, а всегда с кем-нибудь из своих приятелей – торговцев кожаными товарами. Но у него были хорошие друзья, которые никакого отношения к козам не имели. К числу таких друзей принадлежал один мучной торговец Степан Николаевич Осипов, знакомство с которым впоследствии сыграло огромную роль в нашей семейной жизни. Но об этом будем говорить впоследствии.

Мне стукнуло 7 лет. Отец в одно время говорит мне:

– Тебе, Ваня, надо учиться грамоте.

Я на эти слова промолчал, потому что совсем не понимал, надо мне учиться или не надо. Он, однако, продолжал:

– Вот меня в детстве не учили читать и писать, я в жизни много потерял от безграмотности, и приходится сейчас учиться, когда у меня много дела и без этого.

Этот разговор отца со мною был прерван: за ним пришёл мальчик из мастерской. Отец ушёл, а я остался с новой думой.

Вечером в этот день отец положительно сказал, что он переговорит со своим старичком учителем Петром Ивановичем Седовым, который ходит к нему по вечерам два раза в неделю и даёт уроки чтения и письма. У этого Седова в его квартире небольшое училище, в котором учатся мальчики и девочки чтению и письму.

Седов сказал отцу:

– Хотя у меня уже учатся в квартире 18 мальчиков и девочек, где помогает мне моя жена, и я не хотел больше брать, так как тесновато помещение, но для вас, Алексей Тихонович, я сделаю и вашего Ваню возьму.

На другой день бабушка Фёкла Петровна отвела меня к Седову, и я стал его учеником.

Училище Седова находилось в конце Нижней улицы и вблизи Тюремного замка. Напротив училища, как сейчас помню, была Лубошниковская – Маслѐнка, или, как сейчас называют, Маслобойный завод, в который во время обеденного перерыва мы, ребяташки, у кого были деньги, бегали и покупали подсолнечные ядра (семена без ободранной кожуры), которые в поджаренном виде были очень вкусными.

Надо прибавить: между нами таких счастливых, у кого были деньги в кармане, было немного, а большинству приходилось только облизываться, когда сосед пережёвывал эту вкусную сладость.

У Седова я проучился более года. Там азбуку учили по-старинному – аз, буки, веде, глаголь и т.д.

Звуковой метод Седову не был знаком; но я всё-таки там выучился немного читать по складам и писать буквы, как отцу посоветовали добрые люди отдать меня в городское училище.

В этом возрасте и на этой нашей квартире я был личным свидетелем грандиозного пожара нашего городского театра. Об этом пожаре я буду говорить в отдельной статье особо, а сейчас опять перехожу к продолжению моей детской учёбы.

Городское училище, в которое отдали меня от Седова, находилось на Большой Горной улице и носило название по церковному приходу – Крестовоздвиженским.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самарская община евангельских христиан, или Самарская старообрядческая община древлеправославной поморской церкви. После раскола в середине 17 века по всей России начались массовые гонения на последователей старой веры. Скрываясь от преследований, часть старообрядцев в 1694 году селится на русском Севере, на реке Выг, основывая так называемые Выговское и Лексинское общежития. В 1723 году наставники братья Денисовы составляют так называемые «Ответы». «Поморские ответы» стали главным апологетическим произведением старообрядцев. Поморцы употребляют только дораскольничьи богослужебные книги и иконы, написанные по старому чину. Поморцы признают беспоповский толк, не имеют трехчинной иерархии, все службы и таинства совершаются наставниками-мирянами, избранными общиной. Так как поморцы отрицают священников, то и брак заключается просто по согласию при общине и наставнике. Благодаря введению брачного чина поморцы узаконили супружеские отношения без венчания, что со временем было признано и государством и привело к возможности законной передачи имущества по наследству. Поморцы составляли собственные метрики и передавали их, скреплённые собственной печатью, в духовную консисторию. Община состоит из наставника, причётников и собственно прихожан. Не имея, как и вообще беспоповцы, литургии, поморцы проводят и свои богослужения.

2. Бурмистр – управляющий помещичьим имением, или староста, назначенный помещиком из крестьян (в России при крепостном праве).

3. Вершок – русская мера длины, равная 4,4 см.

4. Водолив – старший рабочий на барже.

5. Выкупное свидетельство – документ, который даёт право на выкуп.

6. Сажень – русская мера длины, равная трём аршинам (2 метра 16 см).

**Татьяна
КРЫЛОВА**

ДНЕВНИК МЕРЗАВЦА

Пьесу драматурга, подверженного травле со стороны современных ему цензоров и даже получившего собственноручно поставленную императором Николаем I надпись на донесении цензурного комитета: «Напрасно печатано, играть же запретить...» (это о пьесе «Банкрот» писал царь), – поставили в театре драмы для детей и молодёжи «Версия» (художественный руководитель – Виктор Владимирович Сергиенко) в конце мая 2024 года в Саратове.

На суд зрителей была представлена наиболее острая в плане социальной критики пьеса драматурга Александра Николаевича Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В пьесе был выведен образ человека новой морали, хваткого, цепкого и беспринципного – таков Егор Глумов. Для него хороши любые средства, если они прокладывают путь наверх. Жизненное кредо героя: лицемерие как стиль жизни. Корыстны также почти все персонажи пьесы: шантажист Голутвин, Манефа, приживалки в доме Турусиной (за взятки рассказывающие своей хозяйке сны, где видят Егора); Нил Мамаев, открытым текстом призывающий племянника к адюльтеру со своей женой. «Не знаю, кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник», – говорит Егор Глумов обществу, где порочны практически все! Но он им нужен: по мнению этого общества, он «деловой человек» и его позовут туда снова. И будет вновь возобновлена извечная игра в искренность, преданность и бескорыстие...

Итак: пленительная «...женщина темперамента сангвинического, голова у неё горячая...» (А. Островский) находит случайно и, конечно же, читает дневник возлюбленного, полный циничных излияний. Клеопатра Львовна возмущена, шокирована и жаждет мести. Темпераментную и неукротимую Клеопатру Мамаеву играет талантливая Анна Суворова, а её коварного обожателя Егора Глумова, «двуликого Януса», – Александр Овчинников.

Роль лицемера и лжеца, хладнокровно делающего карьеру и напрочь лишённого сантиментов, удалась, на мой взгляд, артисту великолепно (особенно финальный монолог и гордый уход со сцены).

● Татьяна Юрьевна Крылова родилась и живёт в Саратове. Журналист. Публиковалась в издательстве «Земское обозрение» и в журнале «Волга–XXI век».

В лучших традициях русского психологического театра сыграны и другие роли: Нил Мамаев – артист Игорь Абрамович, Глафира Глумова – актриса Евгения Смирнова.

Как известно, А. Островский служил чиновником в московском суде, где наблюдал многие интересные характеры и житейские истории в их развитии, и этот бесценный материал лёг в основу ситуаций, воплощённых в его пьесах и характерах персонажей.

Новаторство драматурга было и в том, что он вывел на сцену простой народ, людей, говорящих ярко, живо и колоритно. Как, например, Манефа, гадалка и предсказательница, а попросту, пройдоха и аферистка: её играет яркая, характерная актриса Татьяна Чупикова.

Тем же сочным простонародным языком разговаривает человек Турусиной – артист Юрий Лапшин, виртуозно передающий тревогу и страх от появления в доме хозяйки всех этих странных людей (юродивых, бродяг).

Великолепно поставлена сцена в доме Софьи Турусиной, роль которой исполняет актриса Анна Мельникова. Играет гротескно и одновременно реалистично барыню, самодурку и ханжу. Прекрасно оттеняют актёрскую игру А. Мельниковой две приживалки – актрисы А. Федонина и Э. Сорокина (Овчинникова), которые трактуют свои образы в стиле народного, балаганного театра.

Спектакль поставил заслуженный работник культуры РФ Виктор Владимирович Сергиенко. Несмотря на классический подход к драматургическому материалу, В.В. Сергиенко периодически снижает пафос и добавляет пикантные, шаловливые и остроумные режиссёрские находки в действие пьесы. Например, сцена с симпатичной плюшевой собачкой Клеопатры Львовны; Егор Глумов, нырнувший под пышную юбку прелестницы вслед за пёсиком, а также флирт старика Крутицкого (артист Владимир Кабанов) с жеманницей, богатой вдовой Турусиной, и другое.

Особой силой отличается финальная сцена: ощущение праздника, торжества, герои с бокалами, наполненными жидкостью рубинового цвета, веселье, цветы в вазах... И вдруг – звучит обличительная речь Егора Глумова, и происходит прозрение персонажей, принятие ими неприятной правды...

Музыкальное оформление спектакля точно, эстетически верно, обоснованно с точки зрения смысловой нагрузки сцены подобрал артист театра И.Я. Абрамович. Роскошные костюмы, приближенные к канонам моды эпохи, описанной автором (художник-постановщик Ю.М. Наместников). В спектакле также участвовали: Юлий Ридель, Валентина Домникова, Антон Титов, Андрей Коренев, Александр Котелков, Данила Ключников.

Премьера состоялась 18 мая 2024 года. Публика в конце спектакля аплодировала стоя, тем самым в очередной раз подтвердив актуальность, жизненную правду и достоверность человеческих типажей пьес великого драматурга. Ведь лицемерие, лесть, подхалимство, корыстолюбие процветают и в наши дни, и чем умнее человек, пользующийся этими приёмами, тем он опаснее. Драматургия А. Островского – зеркало, где мы видим в том числе и свои пороки, но масштаб личности драматурга позволяет нам взглянуть на них без ужаса, но с самокритикой и юмором. В финале покровы с лицемера и хамелеона в человеческом облики сорваны, но вот раскается ли он, зрителям предстоит узнать самим, если они посетят постановку в театре.

МИСТЕРИЯ БЕССМЕРТИЯ

Существует мнение, что Уильям Шекспир в Италии никогда не был. Но как бы там ни было, дань моде своего времени на всё итальянское драматург воздал: действие 15 его пьес происходит на территории Италии. Так и в трагедии «Ромео и Джульетта» действие происходит в итальянской Вероне – гений Шекспир интуитивно смог постичь и передать атмосферу и ауру места, где происходит действие.

Именно это произведение У. Шекспира воплотила на сцене творческая команда в Саратовском театре кукол «Теремок» в конце театрального сезона.

Я посетила премьеру «Ромео и Джульетты» 14 мая 2024 года. Этот спектакль – оригинальная сценическая версия. Авторская идея с мистическим подтекстом, которая легла на классический текст произведения, принадлежит режиссёру-постановщику Денису Анатольевичу Казачуку. Режиссёр спектакля взял за литературную основу перевод Бориса Леонидовича Пастернака. Витиевато-изысканный авторский текст сохранён (только несколько сокращён).

Идейная составляющая знаменитой пьесы доработана режиссёром, и в канву сюжета вплетается мистика с её яркой атрибутикой и inferнальными персонажами. Например, пугающий и беспощадный «оркестр смерти» (11 человек)!

«Оркестр смерти и есть тот рок, который двигает историю!» – говорит Денис Казачук. Оркестр этот – ещё и отголосок архаического, древнего театра (по эмоциональной наполненности он мне напомнил хор античного театра). Ну а заправляет всей этой музыкой Князь смерти в исполнении Антона Черепанова. Артист вносит нотку бесовщины в образ героя (некий Воланд, мессир). Князь этот выступает то в роли кукловода (влюблённые – куклы в его коварных и цепких руках), то его образ трансформируется в воплощение мирового, вселенского зла. Роль основополагающая, важная и сыгранная в лучших традициях русского психологического театра. Князь (А. Черепанов) предстаёт ещё и в амплуа змея-искусителя, а в качестве запретного плода фигурирует не библейское яблоко, а сочный кроваво-красный гранат. Этот рубиновый плод разламывает демонический князь смерти, и от его половинок пригубляют терпкую, тягучую жидкость Ромео и Джульетта.

Итак, Джульетте нет ещё и 14, и до момента её с Ромео свадьбы осталось меньше суток (столько всего и было отпущено на их бурный, стремительный роман). Прекрасен ночной сад, где влюблённые объясняются на фоне гроздьями свисающих, подобных китайским фонарикам на красных нитях, зловеще кровавого цвета гранатов.

Сочный плод (символ бессмертия) многократно обыгран в фантазийной сценографии, и, кстати, этот плод – ещё и предзнаменование пролитой в дальнейшем крови. Режиссёр эту изысканную символику обосновал строками из пьесы: «Там соловей поёт на дереве граната».

Атмосфера чудной ночи на сцене удалась благодаря точной режиссуре, визуально выразительной сценографии, проникновенной игре артистов.

«Святая ночь, святая ночь! А вдруг всё это сон, так непомерно счастье, так сказочно и чудно это всё!» (У. Шекспир). Но дирижёр рока уже запустил гильотину судьбы, поразившую насмерть чистых, наивных и преданных друг другу героев...

С потолка свисают красные нити судьбы, словно сплетённые руками мойр ленты: сковывают их движения, не дают персонажам делать то, что велят их сердца, и они их безжалостно рвут, чтобы уйти вместе в вечность.

Влюблённые после физической смерти на сцене встают в готических, стрельчатых окнах рядом. Теперь они неразлучны и вечно друг другу верны, и в этом, пусть и посмертном, единении двух душ есть мощная сила и свет финала постановки. «Душа сказала мне давно: ты в мире молнией промчишься! Тебе всё чувствовать дано, но жизнью ты не насладишься» (Д. В. Веневитинов).

Память о героях бессмертного произведения не канула в реку забвения. Возлюбленные неизменно «воскресают», когда люди читают бессмертный шекспировский текст, звучащий на многих языках, в многочисленных переводах.

Саратовцам повезло: они могут видеть редкий эксклюзивный спектакль – синтез современного европейского театра, с использованием элементов комедии дель арте, с необычной, раскрепощённой пластикой артистов, с оригинальной работой театрального художника (где сделан акцент на ярких деталях: бутафорские пузатые гранаты, маски на ликах артистов, роскошные костюмы).

Меня порадовали бережное отношение Д. Казачука к авторскому тексту, подробный разбор данного текста с задействованными в спектакле артистами. Спектакль неожиданный, эффектный, не тривиальный, многогранный в плане применённого спектра режиссёрских подходов. Он прозвучал завораживающе, тревожно и сильно – постановка как симфония на тему нескудной, нетривиальной классики. Хорошо, когда режиссёру (как в случае с Д. Казачуком) есть что сказать зрителям на языке театра о чём-то своём, не испортив новомодными новаторствами классический материал.

«Под землёй есть тайная пещера, там стоят высокие гробницы, огненные грёзы Люцифера, там блуждают стройные блудницы». (Н. С. Гумилёв). Но возлюбленные не станут добычей блудницы «с острыми жемчужными зубами», и им удастся избежать её поцелуя, исполненного «бесконечной» злобы. Есть поверье, что души детей, безвременно покинувшие этот мир, попадают сразу в рай. Мне хочется думать, что веронские возлюбленные тоже попали в рай, так как были чисты, так как были верны...

Костюмы, приближенные к стилистике той эпохи, а также визуально эффектная, хотя и несколько минималистическая сценография принадлежат авторству Ирины Титовец.

В роли Ромео – Данила Садовский и Вадим Ефремов.

В роли Джульетты – Анастасия Кайро и Дарья Захарова.

В спектакле задействованы две куклы-марионетки в сцене объяснения Ромео и Джульетты: они видятся мне как символ слияния душ главных героев, парящих в воздухе возвышенно и невесомо.

**Ольга
КОСМАКОВА**

В НАШУ ГАВАНЬ ЗАХОДИЛИ «КОРАБЛИ»...

ФЕСТИВАЛЬ ФЕСТИВАЛЮ ДРУГ

В последние несколько лет гремит слава о российских литературных фестивалях, участниками которых становятся и саратовские авторы: мурманский форум-фестиваль «Капитан Грей», калининградский фестиваль-конкурс «Русский Гофман», липецкий литературный фестиваль «ЛевитовФест»... На фоне крупнейших фестивалей страны набирает силу совсем молодой, но не менее интересный региональный (пока региональный) фестиваль романтиков «Корабли Санди».

Не секрет, что в основе крупных и масштабных проектов всегда лежит огромная слаженная работа команды. Фестиваль романтиков не исключение. Команда писателей и библиотекарей – Саратовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» и муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Саратова» – третий год уверенно доказывает, что сила в единстве – единстве общих взглядов, любви к родному краю и книгам.

В НАЧАЛЕ БЫЛА ПРОЗА

Идея создания первого саратовского фестиваля романтиков принадлежит поэту и прозаику Алексею Буссу, поэту Ирине Китовой и, на тот момент – директору ЦБС, Наталии Леонтьевой. Традиционно фестиваль романтиков длится два дня. В первый день прошёл один из этапов курса «Литературное краеведение», предназначенного для работников библиотек и носящего исключительно научный характер. Он адресован филологам, краеведам, учёным и библиотечным сообществам литературного Саратова. Предмет обсуждения – жизнь и творчество героя фестиваля. Так, первый фестиваль романтиков был посвящён памяти Валентины Мухиной-Петринской и её книгам «Корабли Санди», «Путешествие вокруг вулкана», «Утро. Ветер. Дороги», диалогии «Смотрящие вперёд» и «Обсерватория в дюнах».

В 2023 году фестиваль романтиков был посвящён творчеству классика юношеской литературы Галины Ширяевой. Участники

говорили о теме нравственности в её произведениях, о становлении личности, прослеживали автобиографические черты в произведениях Галины Дмитриевны. Ежегодно для посетителей конференции готовится книжная выставка «Полка романтиков» из фондов самой крупнейшей библиотечной системы России. На выставке можно встретить не только книги обсуждаемого автора, но и критические статьи о его творчестве, воспоминания современников. Также сотрудники Центра муниципальной краеведческой информации и отдела книгохранения собирают материал в формате видеопрезентации. Колоссальный труд проделан отделом координации массовой работы во главе с Татьяной Чувилкиной и Надеждой Сидоровой.

Второй этап фестиваля традиционно носит лёгкий, неформальный характер: чтение авторских стихотворений и исполнение песен под открытым небом. В прошлые два фестиваля площадкой для выступления саратовских авторов и творческих коллективов был павильон читального зала в парке «Липки».

ФЕСТИВАЛЬ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА БОЙКО

Фестиваль этого года, третий летний литературно-музыкальный фестиваль романтиков «Корабли Санди», всецело был отдан воспоминаниям о творческом пути саратовского поэта, журналиста, выпускника Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Владимира Бойко. Слово «воспоминания» здесь неслучайно. В первый, «научный», день в конференц-зале Центральной городской библиотеки выступали люди, так или иначе лично знакомые с Владимиром Фёдоровичем. И продуманная заранее официальная часть выступлений плавно погружалась в неофициальную, тёплую атмосферу.

Собравшись приветствовала директор библиотечной системы Ирина Лебедева. Звучали стихи в исполнении друзей и почитателей творчества Владимира Бойко. Алексей Бусс представил коллективный сборник «Утро поэзии» Саратовского книжного издательства, выпущенный в 1961 году. Эта книга – первый редакторский опыт Бойко. В ней же его ранние стихи на актуальные для шестидесятых годов темы: революция на Кубе, поднятие целины. Поэтика стихов Владимира Фёдоровича пропитана «оптимизмом оттепели, футуристична и энергична, а форма – смелая и новаторская».

Известный журналист и краевед Владимир Вардугин в своём выступлении «Мой товарищ, начальник и друг» поделился случаями из общей журналистской практики.

Председатель Саратовского регионального отделения Союза журналистов России Лидия Златогорская вспомнила об уникальности Владимира Бойко, «человеке-энциклопедии», как называли его друзья и коллеги. Рассказала, что Владимир Фёдорович был одинаково строг и добр к материалам корреспондентов. А начинающих журналистов поддерживал не только словом, но и делом.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации СГЮА, член Союза писателей России Иван Пырков вдохновенно повествовал о многочасовых телефонных разговорах с удивительным, талантливым и ярким литератором – про книги, про работу, про жизнь.

Кандидат филологических наук, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Волга–XXI век» Елизавета Мартынова, осветив темы

творчества и памяти в стихах Владимира Бойко, добавила собственную личную историю – историю знакомства начинающего поэта, с мэтром: его одобрение и слова поддержки сохранились в памяти на долгие годы.

ПЕРВЫЙ ПЛЯЖНЫЙ

Во второй день фестиваля «Корабли» вышли в открытое плавание, собрав на борту самых искренних и настоящих романтиков. Палубой для третьего литературно-музыкального фестиваля впервые стал летний кинотеатр на новой набережной. Над Волгой звучали авторская песня в исполнении Алексея Гаврилова, Ивана Тернова, Ларисы Неповинных и Петра Кошелева и стихи участников творческих объединений области и города: литературной студии «Голоса поколений», поэтического клуба «Диалог», литературного клуба «Новая строка», литературной студии «Чернильница», литературного объединения «Вдохновение» (посёлок Красный Текстильщик), поэтического клуба «Феникс», поэтического клуба «Созвездие» (г. Аткарск), клуба «Лицей Просветления», медиахолдинга «Ветеранские весты» (региональное отделение).

Смена «швартовки» не единственное изменение этого года. Наряду с поэтами и исполнителями выступили декламаторы с прочтением стихотворений Владимира Бойко. Также впервые было принято решение отметить наиболее полюбившихся чтецов и авторов. А «измерителем романтичности» выступили искусственный интеллект и зрительская симпатия: чем громче приветствовали выступающего, тем надёжнее за ним закреплялось победное место. Завершили фестиваль романтиков церемония награждения лауреатов и выступление банана-панк-рок-группы «Кок Оду».

А почему, собственно, пляжный? Только ли потому, что в шаговой доступности пляж? Это было бы слишком просто. Ответ есть у капитана флотилии романтиков Алексея Бусса: «В этом году наш фестиваль подрос, возмужал и превратился из юнги если не в капитана Врунгеля, то уж в старшего помощника Лома точно! А если серьёзно, то фестиваль стал таким, каким мы его задумывали – лёгким, летним, парусным, весёлым, пляжным, открытым всем ветрам! Здание нового летнего кинотеатра на новой же набережной Саратова будто для нас и предназначалось – великолепный амфитеатр, у которого вместо крыши – парусоподобные брезентовые пологи, а через «дырчатые» стены виден расположенный прямо напротив причал для яхт, некоторые из них даже с алыми парусами! Пожалуй, мы можем претендовать на звание единственного в России пляжного литературного фестиваля! Впрочем, конечно, не только литературного, не только поэтического, но и музыкального – музыки в этот раз было много, и разной».

КУРС НА ЧЕТВЁРТЫЙ

Что же дальше? Четвёртый фестиваль романтиков «Корабли Санди» будет посвящён памяти одного из самых известных поэтов Саратовской области, «Есенина степной полосы», поэта-деревенщика Василия Шабанова. По словам директора МУК «ЦФС г. Саратова» Ирины Лебедевой, неслучайно дата фестиваля с июля перенесена ко Дню молодёжи. Молодость – время романтиков, когда мир любим и прекрасен. И хорошо, когда это чувство удалось пронести через всю жизнь. В летнем кинотеатре на набережной совпало всё: романтик зритель нашёл романтика автора. Держим курс на четвёртый.

*Спектакль театра «Версия»
«На всякого мудреца довольно простоты»*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 14 августа 2024 года.

Дата выхода в свет 30 августа 2024 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/14084

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

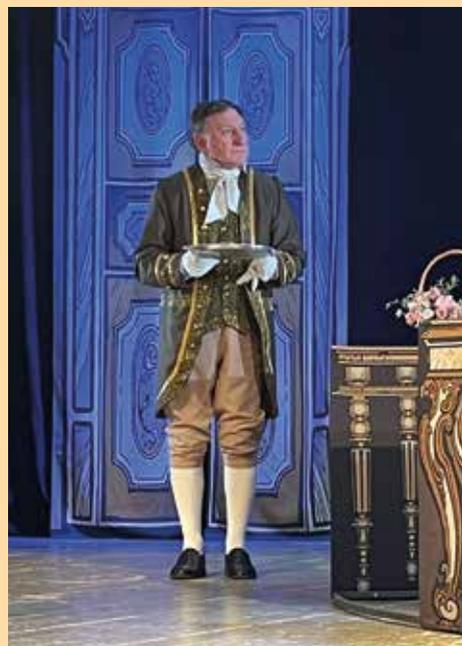

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2024.

© «Волга–XXI век», 2024.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты»
(театр «Версия»)

Фото Андрея Кашкина

Данте Габриэль Россетти
«Прозерпина» (1874 г.)

